

2020

Issue 4

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2020

№ 4

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 15.12.2020. Формат 60 x 84 1/8. Объем 120 с. Тираж 32 экз. Заказ № 20176. Цена свободная. Дата выхода в свет 31.12.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (African Institute, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoriya M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Slednikov A. G.
Arcadius Avellanus and his neo-latin heritage6

Korenyak V. S.
Political institutes of ancient Plataea according
to narrative sources 12

Rudnev V. V.
British people and technologies of a digital era..... 16

Lebedev A. V.
The Severnaya Railway during the period
of mass political repression..... 22

Rudakov A. B.
National identity issues in the perception
of the participants of the First World Russian
Council (1993) 30

Lipatov O. A.
On some theoretical aspects
of the development history of the national
security concept in the 1990s - early 21st century 34

LAW

Kartashov V. N.
Technology for preventing destructive attacks
legal conflicts..... 38

Ivanchin A. V.
Bribery of an arbitrator (art. 200.7
of the Criminal Code of the Russian Federation):
problems of improving the law 44

Lushnikova M. V.
Labor law technology: concept, structure
and industry features 50

Levinova T. A.
Termination of service in the internal affairs
bodies in the focus of the general concept of legal
relation and ensuring the rights of employees 60

Klimova A. S.
Regularities in the legal system: the concept
and classification..... 66

Smolyakov A. N.
Property crimes against non-cash funds under
the legislation of the post-Soviet countries 72

Grigoryan I. G.
Issue of qualification of crimes committed
by organized crime groups..... 78

PSYCHOLOGY

Kashapov M. M., Volchenkova A. A.
"Theory of mind" as a predictor of forming
tolerance in adolescents in the context
of inclusive education 84

**Perevozkin S. B., Perevozkina J. M.,
Veterok E. V.**
Specifics of the relationship between role
identity and self-esteem in adolescents
with mental retardation 92

Efimova O. A., Trifonova S. V.
On the psychological determinants of self-
stigmatization100

Pervitskaya A. M.
Professional and psychological selection
of candidates to serve in the police department
of the Russian Federation.....110

Perkov A. A.
Psychological conditions of increasing efficiency
of development of professional observation
of staff of state automation inspection116

ИСТОРИЯ

Следников А. Г.

Аркадий Авеллан и его новолатинское наследие...6

Кореняк В. С.

Политические институты античных Платей по сведениям нарративных источников..... 12

Руднев В. В.

Британцы и технологии цифровой эпохи 16

Лебедев А. В.

Северная железная дорога в период массовых политических репрессий 22

Рудаков А. Б.

Вопросы национальной идентичности в восприятии участников I Всемирного русского собора (1993 г.)..... 30

Липатов О. А.

О некоторых теоретических аспектах истории развития концепции национальной безопасности в 90-е годы XX – начала XXI века. 34

ПРАВО

Карташов В. Н.

Технология предупреждения деструктивных юридических конфликтов..... 38

Иванчин А. В. Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): проблемы совершенствования закона..... 44

Лушникова М. В.

Трудоправовая техника: понятие, структура и отраслевые особенности..... 50

Левина Т. А. Прекращение службы в органах внутренних дел в фокусе общей концепции правоотношения и обеспечения прав сотрудников 60

Климова А. С.

Закономерности в правовой системе общества: понятие и классификации..... 66

Смоляков А. Н.

Имущественные преступления, совершаемые в отношении безналичных денежных средств, по законодательству стран постсоветского пространства..... 72

Григорян И. Г.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных организованными преступными группами 78

ПСИХОЛОГИЯ

Кашанов М. М., Волченкова А. А.

«Модель психического» как предиктор формирования толерантности у подростков в контексте инклюзивного образования 84

Первозкин С. Б., Первозкина Ю. М., Ветерок Е. В.

Специфика взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью 92

Ефимова О. А., Трифонова С. А.

К вопросу о психологических детерминантах самостигматизации.....100

Первитская А. М.

Профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в ОВД РФ.....110

Перков А. А.

Психологические условия повышения эффективности развития профессиональной наблюдательности сотрудников госавтоинспекции116

Arcadius Avellanus and his neo-latin heritage

A. G. Slednikov^{1, 2}

¹Yaroslavl Center for Documentation of Contemporary History, 32 Octyabrya av., Yaroslavl 150000, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

Arcadius Avellanus' Neo-Latin heritage is multifaceted: a pedagogue-innovator who practiced the communicative method in teaching the classical language, a publisher of the periodical "Praeco Latinus", a Latin translator of "Treasure Islands" and "Robinson Crusoe", an original stylist who influenced the further enrichment of the Neo-Latin vocabulary in XX century.

Keywords: Arcadius Avellanus; Praeco Latinus; neologisms; Latinitas viva

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Slednikov, Alexey G. | E-mail: slednicovusger@inbox.ru
Cand. Sc. (History)

Аркадий Авеллан и его новолатинское наследие

А. Г. Следников^{1,2}

¹Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, пр. Октября, 32, Ярославль, 150000, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94+811 1/8

Научная статья

Новолатинское наследие Аркадия Авеллана многогранно: педагог-новатор, практиковавший коммуникативный метод в обучении классическому языку, издатель журнала „Praeco Latinus“, переводчик на латынь «Острова сокровищ» и «Робинзона Крузо», оригинальный стилист, оказавший влияние на весь последующий процесс новолатинского словотворчества XX века.

Ключевые слова: Аркадий Авеллан; Praeco Latinus; неологизмы; живая латынь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Следников, Алексей Георгиевич | E-mail: slednicovusger@inbox.ru
Кандидат исторических наук

В 2020 году исполняется 85 лет со дня кончины венгра Аркада Модьороши (1851–1935), более известного под латинизированным именем Авеллана (Arcadius Avellanus), одного из ярчайших представителей так называемой «живой латыни» за всю ее вот уже без малого полуторавековую историю, стоявшего, наряду с немцем К. Г. Ульрихом, у истоков этого феномена. По-видимому, именно он впервые и употребил в 1901 году сам термин *Latinitas viva*, противопоставив репродуктивное владение латынью ее рецептивному узусу: ...quum inter Latinitatem vivam atque Latinitatem moribundam v. emortuam discrimen maximum intercedat... [1, p. 170]. И пусть это название, впоследствии подхваченное приверженцами движения,

и не вполне корректно отражает суть данного явления, куда более обосновательным и пагубным следует признать другое весьма расхожее обозначение латыни как языка «мертвого». Самым адекватным было бы воспринимать ее, отбросив условности «живого» и «мертвого» языка как *Kultursprache*, как язык общеевропейского (и шире – мирового) культурного значения [2, p. 2–3; ср. 3, S. 19–21], что позволило бы объяснить и природе современной разговорной «живой латыни», и феномен новолатинской филологии (неолатинистики), предметом которой является уже послеантичная и послесредневековая латинская словесность с эпохи Ренессанса до наших дней.

Как отмечает американский филолог-классик Г. Б. Бич, живи Авеллан несколькими веками ранее, он непременно стал бы великим педагогом и ученым, своими же современниками он воспринимался, скорее, как некая диковина. Авеллан искренне верил в неувядаемую значимость и эффективность латинского языка как универсального и в то же время нейтрального средства общения, содействующего взаимопониманию народов и распространению знаний. На латыни он готов был говорить в любом месте и в любое время [4, р. 505, 507].

Биографы-классики вносят определенную лепту в создание неотмирного образа своего героя, утверждая, например, что Авеллан был чуть ли не носителем латинского языка. Г. Б. Бич [4, р. 505] и П. М. Оуэнс [5] пишут, среди прочего, что латынь он выучил раньше, чем родной язык, – еще в детстве, проживая с родителями в Венгрии – и не видят здесь ничего удивительного: не секрет, что глубокое знание латыни в Венгрии XIX века было едва ли не повсеместным. Однако литовский ученый К. М. Ливенас усомнился в достоверности такой теории на основании найденного им свидетельства – письма Авеллана от 1890 года к издателям латинской газеты „Phoenix“, – согласно которому свободное владение латынью последний приобрел лишь в монастыре братьев францисканцев: *propria familiaritas mea huius [...] linguae partis penitus debetur octodecim annis in monasterio exactis, ubi Latine perinde ac vernacula sumus usi* [6, р. 15].

Именно в составе францисканской духовной миссии брат Герман, будущий Авеллан, попал в 1870-е годы в Америку, штат Нью-Йорк. Вслед за тем, сложив с себя в 1886 году монашеские обеты и покинув орден, он посвятил свою дальнейшую жизнь в миру пропаганде латыни как международного языка ученых и разработке коммуникативной методики обучения. В 1887 году он подготовил рукопись учебника „Palaestra“, с 1893–1894 годов началось издание

двух журналов – „Tusculum“, адресованного учителям-латинистам, и латинского „Praeco Latinus“ (1894–1902), получившего широкую известность. В латинской методике Авеллан проявил себя новатором, заключив в 1901 году контракт со звукозаписывающей компанией „Columbia Phonograph Company“ для издания фонографических аудиозаписей произведений классических римских авторов (Цицерона, Цезаря, Вергилия, Горация, Овидия) и – что примечательно! – послеантичных латинских писателей (Фома Кемпийский, Кордерий). Хотя аудитивные средства обучения применялись в методике иностранных языков еще с 1890-х годов, Авеллан стал первым, кто начал практиковать такой метод в отношении латыни [6, р. 25–26].

С начала XX века он преподавал в Пенсильванском университете, с 1918 по 1924 годы – в Бруклинском колледже Сент-Джонс. Давал он и частные уроки; так, в 1910 году его учеником оказался юный Дж. Рокфеллер Прентис, который спустя полгода хорошо изъяснялся на латыни. Помимо преподавательской стези, Авеллан, уже после того, как был свернут его собственный проект „Praeco Latinus“, сотрудничал с латинским детским журналом „Auxilium Latinum“. Одним из направлений его кипучей деятельности стали переводы на латынь современных произведений для детей и юношества. Так появилось семитомное собрание *Series Classicorum Montis Spei*, опубликованное в 1914–1928 годах в Нью-Йорке. Помимо менее известных романов были здесь и бестселлеры «Остров сокровищ» („*Insula Thesauraria*“) Р. Л. Стивенсона и «Робинзон Крузо» („*Vita discriminaque Robinsonis Crusoei*“) Д. Дефо. Упомянем и его современный новолатинский перевод известного латинского трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу» [7]. В 1912 году он основал кружок разговорной латыни „*Societas Gentium Latina, Inc.*“, насчитывавший около двадцати членов и просуществовавший до 1930–1932 года. События из жизни авел-

лановского кружка привлекали порой внимание журналистов; освещалось, в частности, юбилейное торжество в честь 80-летия основателя, проходившее в местном венгерском ресторане [6, p. 37].

Новатор в методике, Авеллан-филолог был смелым и весьма вольнодумным стилистом, проповедовавшим отказ от непрерываемого авторитета классических римских авторов: *scopus finisque „Praeconis Latini” non est [...], ut curiositati philologorum inserviat, Latinitatem Plautianam, Tullianam, aliasque nugas aniles iactet* [8]. В другой раз он прямо заявляет о необходимости «осовременивания», модернизации латинского стиля в соответствии с реалиями новейшей эпохи: *nobis, seris Latinitatis nepotibus, in hac idearum coeptorumque novorum aetate, oratio paene nova est creanda, videlicet technica* [9]. Подобные идеи, как и нестандартность авеллановских переводов, вылились в дискуссию между ним и Ч. Форбсом из Академии Филлипса в Эндовере [10; 11; 12; 13]. Взвешенную оценку проблемы демонстрирует В. К. Прентис (Принстонский университет), соглашаясь, с одной стороны, с тем, что стиль и лексика Авеллана-переводчика далеко не всегда соответствуют привычным канонам классической латыни. Последний использует множество слов и выражений, неизвестных тем людям, начитанность которых ограничена рамками изучаемых шедевров античной римской литературы. С другой стороны, древний язык выступает здесь выразителем современной мысли. Эти переводы приковывают к себе внимание, яркость повествования пленяет читателя, приводит его к совершенно неожиданному осознанию того, что латынь – такой же обычный язык, как и все прочие [14, p. 413–414].

Некоторое представление о тех семантических принципах, которыми руководствовался Авеллан при создании неологизмов, можно получить из его предисловия (отдельным изданием 1922 года) к латинскому переводу «Острова сокровищ». Его справед-

ливое замечание о необходимости конструирования новых слов лишь при отсутствии соответствующих эквивалентов в римской (и, добавим, послеантичной) латыни получило подтверждение треть века спустя из уст К. Эггера на I Авиньонском конгрессе «живой латыни» [15, p. 135]. Авеллан указывает неудачные, с его точки зрения, случаи латинизации современных реалий и предлагает более адекватные их варианты.

1. *Velocipede, bicycle*. Авеллан отвергает их в пользу *birota* [16, p. IV], ставшего сегодня общеупотребительным.

2. *Aviatio* и *aviator*. Истинное значение этих существительных восходит через словосочетание *a via* к *āvia, dēvia* «бездорожье», «окольный путь». Корректные новолатинские эквиваленты – *aëria classis* (либо *ars aëronautica, inventa aëronautica*) и *aëronauta* [16, p. V; cp. 17, p. 41, 60].

3. *Submarinum*. Комментарий Авеллана: «Под морем (*sub mari*) только земля, все же остальное – в море (*in mari*)». Его вариант – *mergula* (женский род – по существительному *navis*), производное от *mergere* «погружать», «нырять», по аналогии с *mergus, mergulus* «нырок» [16, p. VI].

4. *Automobile*. Самодвижущимися (*automobiles*) могут быть, по мысли Авеллана, лишь люди и другие живые существа, к неодушевленным предметам это качество не относится. Взамен он предлагает любопытный неологизм *diga* (от *dēiugum*), по аналогии с *biga* «парная запряжка», «колесница», *triga* «трига», *quadriga* «квадрига» [16, p. VI]. Авеллановское обоснование непригодности *automobile* не вполне убедительно: в античной латыни засвидетельствованы *automata* (Petr. 50, 1; Suet. Cl. 34, 2) и *automataria* (Dig. 30, 41, 11) «самодействующие машины, устройства». Впрочем, современные приверженцы «живой латыни» также отвергают *automobile*, но уже по причине его гибридного характера [18, p. 172–174], предпочитая греческое *autocinetum* либо даже *raeda*.

5. *Motor, tractor, elevator*. Совершенно справедливо возражение Авеллана (о чем позднее неустанно повторяли Х. М. Мир с Ц. Эйхензеером), что суффикс *-or* в классической латыни обозначал действующее лицо, но не инструмент. Его варианты – *motatorium* и античное *tolleno* «подъемник» [16, р. VII].

6. *Cafeteria*. Слово создано по аналогии с позднейшим *infanteria* «пехота», в классической латыни – *peditatus*. Словообразовательному элементу *-teria* в римской латыни соответствовал формант *-arius, -ia, -ium*, отсюда предложение Авеллана – (*taberna*) *caffaria* [16, р. VII–VIII].

7. *Vitamen*. Не предлагая своего варианта, Авеллан напоминает об отглагольном свойстве суффикса *-men*, что в данном слу-

чае предполагает сочетание его не с существительным *vita* «жизнь» (как того хотели создатели неологизма), а с глаголом *vitare* «уклоняться», «избегать» [16, р. VIII].

В целом рассмотренные идеи Авеллана, несомненно, повлияли на дальнейший процесс формирования новолатинского словарного фонда, как это видно по лексикографическим штудиям кларетинцев (М. Хове, Х. М. Мир и др.) и саарбрюккенцев (Ц. Эйхензеер, Х. Гельфер, С. Альберт). Его личность и новолатинское наследие, пребывая со второй половины минувшего века в некотором забвении, с началом нового тысячелетия обращают на себя внимание все большего числа исследователей.

Ссылки

1. Avellanus A. *Ad venerabilem hierarchiam Romano-Americanam de Latinitate per "Tusculaneum" restauranda* // *Praeco Latinus*. 1901. № 7. P. 170–171.
2. Laes Ch. *De hodierno Latinitatis vivae statu sive de dissensione evitanda* // *Melissa*. 2014. № 178. P. 2–4.
3. Leonhardt J. *Latein. Geschichte einer Weltsprache*. München: C. H. Beck, 2009. 339 S.
4. Beach G. B. *Arcadius Avellanus: Erasmus Redivivus* // *Classical Journal*. 1947. № 42. P. 505–510.
5. Owens P. M. *Arcadius Avellanus: Neo-Latin Works of the Early 20th Century* [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/5681754/Arcadius_Avellanus_Neo-Latin_Works_of_the_Early_20th_century (дата обращения: 22.04.2020).
6. Lyvenas K. M. *Gyvosios lotynų kalbos judėjimas XIX-XX amžių sandūroje tarptautinės kalbos klausimo kontekste. Latinitas viva in confinio saeculorum XIX et XX per quaestionem linguae gentium considerata. Thesis ad magistri gradum impetrandum*. Vilnius, 2016 (рукопись). 109 p.
7. *Libri quattuor de imitando Christum auctore Thoma a Kempis. Editio nova* [interprete A. Avellano]. Philadelphiae: Ex prelo "Praeconis Latini", 1901. 389 p.
8. Avellanus A. *Annus noster quintus* // *Praeco Latinus*. 1898. № 5. P. 9.
9. Avellanus A. *Vox Urbis* // *Praeco Latinus*. 1898. № 5. P. 31.
10. Forbes Ch. H. *Chasing Phantoms in Latin Teaching* // *The Classical Journal*. 1915. № 11. P. 25–32.
11. Forbes Ch. H. *Rewiew: Pericla Navarchi Magonis sive Expeditio Phonicia Annis ante Christum Mille by Leo Cahun* // *Classical Weekly*. 1916. № 9. P. 149–151.
12. Dr. Avellanus' *Rejoinder* // *Classical Weekly*. 1916. № 10. P. 37–38.
13. Mr. Forbes's *Reply* // *Classical Weekly*. 1916. № 10. P. 38.

14. Prentice W. K. The Teaching of the Classics // College Teaching. Studies in Methods of Teaching in the College / Ed. by P. Klapper. NY: World Book Company, 1920. P. 404–423.
15. Egger C. De novandorum verborum rationibus quas viri servant edendis commentariis praepositi qui Latinitas inscribuntur // Premier Congrès International pour le latin vivant. Avignon: Édouard Aubanel, 1956. P. 134–136.
16. Avellanus A. Impressio specialis prooemii ad versionem Latinam “Insulae thesaurariae” Roberti Ludovici Stevenson [...]. NY, 1922. 63 p.
17. Bacci A. Lexicon vocabulorum quae difficiliter Latine redduntur. Editio altera. Romae: Societas libraria “Studium”, 1949. 564 p.
18. Mir I. M. De voce «currus automobilis»; eius historia et usus. Aliae voces. Principia ex semantica retinenda // Conventus de verbis novis Latinis acta. Ex urbe Vaticana: Opus fundatum “Latinitas”, MCMLXXXII. P. 155–179.

Political institutes of ancient Plataea according to narrative sources

V. S. Korenyak¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article contains analysis of classic authors' mentions about elements of Plataea's political system. Author emphasizes fragments of ancient texts, which are permitting to suggest an existence of particular political structures in Plataea – assembly of citizens and certain magistrates. The influence of more powerful neighbors could be traced not earlier than the 4th century BC when it is shown by the Thebes by including Plataea in a structure of the Boeotian League.

Keywords: history; Boeotia; Plataea; polis; politic; government

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Korenyak, Vladislav S. | E-mail: bellicc@gmail.com
Postgraduate

Политические институты античных Платей по сведениям нарративных источников

В. С. Кореньяк¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(3)

Научная статья

В статье анализируются упоминания античными авторами элементов политической системы полиса Платей. Автором выделены фрагменты, позволяющие усмотреть наличие определенных политических структур в платейском полисе – народного собрания и отдельных магистратур. Влияние более сильных соседей прослеживается не ранее IV в. до н. э., оно обнаруживается со стороны Фив, которые включили Платей в структуру Беотийского союза.

Ключевые слова: история; Беотия; Платей; полис; политика; управление

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кореньяк, Владислав Сергеевич | E-mail: bellicc@gmail.com
Аспирант

Античная полисная цивилизация стала основой для большинства известных сегодня элементов политического процесса. В античности возникли и варианты полисного устройства как фундамента политической системы того времени. В каждом полисном центре имелись свои особенности системы управления. Вопрос состоит в том, насколько те или иные структуры и механизмы их функционирования какого-либо полиса были типичны или нетипичны, реализованы или не реализованы в других, в том числе и соседних, общинах. Некоторые гражданские общины древней Эллады являются наиболее известными в рамках событий общегреческой истории, однако в тени остаются параллельно им существовавшие (причем в достаточно большом количестве) другие полисные центры, имевшие свою историю, определенную степень участия в тех или иных политических событиях и т.д. Известные влиятельные полисные центры могли оказывать воздействие, в том числе и в политической сфере, на те, которые видятся историкам «на втором плане». Одним из таких полисов «второго плана» были беотийские Платей, чьи политические институты являются предметом рассмотрения данной статьи.

Платейский полис располагался на склоне Киферона, в граничащем с Атикой регионе Беотии. В силу исторических обстоятельств

(событий конца VI в. до н. э.) Платей находились под влиянием более сильных соседей – Афин и Фив. Отсюда возникает проблема политического суверенитета полиса, которая обсуждалась в историографии: Э. Бэдиан определял Платей как часть афинской хоры [1], в этом ему оппонировали Л. Тритл [2] и Н. Хаммонд [3, р. 145], называя Платей независимым полисом. Следовательно, научно актуальным остается поиск ответа на вопрос: каковы были полисные институты собственно самих Платей? Были они схожи с фиванскими/беотийскими, копировали афинскую систему управления или имели своеобразие? Для ответа необходимо привлечь корпус письменных источников и попытаться найти в нём свидетельства любого из трёх обозначенных вариантов.

Для исследования были отобраны грекоязычные источники как классического, так и эллинистического периодов, а также некоторые исторические сочинения на латинском языке. Далеко не все представители античной традиции сообщают интересующие нас сведения – содействующими их оказались труды таких авторов, как Фукидид, Павсаний, Плутарх, Тит Ливий. Их изучение позволило выделить наиболее значимую информацию.

Прежде всего отметим сведения о мифологическом периоде истории полиса – «τὼν δὲ

βασιλέων ἄλλον μὲν οὐδένα οἱ Πλαταιεῖς ἴσασι, μόνον δὲ Ἀσωπὸν καὶ ἔτιπρότερον Κιθαίρωνα» (Paus. IX. I. 2). «Οἰδίποδι μὲν ὁδὸς ἤσχιστή καὶ τόλμημα τὸ ἐπ' αὐτῆ κακῶν ἦρχε, καὶ τὰ τοῦ Λαΐου μνήματα καὶ οἰκέτου τοῦ ἐπομένου ταῦτά ἔτι ἐν μεσαιτάτῳ τῆς τριόδου ἐστὶ καὶ ἐπ' αὐτῷ λίθοι λογάδες σεσωρευμένοι: Δαμασίστρατον δὲ ἄνδρα ἐν Πλαταιαῖς βασιλεύοντα ἐπιτυχεῖν τε κειμένοις τοῖς νεκροῖς καὶ θάψαι φασίν» (Paus. X. V. 4). Павсаний сообщает, следовательно, о наличии царской власти в Платеях. Естественно, нельзя отнести эти сведения к архаическому или классическому периоду, как и считать сами пассажи с мифологическим контекстом исключительно достоверными. Истоки платейского самоуправления лежат в русле царской власти, как и в большинстве полисов Эллады.

Кроме мифологических пассажей, относящихся к изучаемому полису, мы обнаруживаем сообщения о представителях гражданского коллектива Платей. Причем упоминаются как граждане в целом – у Фукидида в генетиве «τῶν πολιτῶν» (Thuc. II. 2. 2) [4, с. 29], так и отдельные граждане полиса: «Δαίμαχος ὁ Πλαταιεὺς» (Plut. *Comp. Sol. Publ.* 4. 1); «ἐκ δὲ Πλαταιέων Εὐχίδας ὑποσχόμενος ὡς ἐνδέχεται τάχιστα κομιεῖν τὸ παρὰ τοῦ θεοῦ πῦρ ἦκεν εἰς Δελφοὺς» (Plut. *Arist.* 20. 4. 5); «καὶ συνεξήλθον αὐτοῖς χάριτι τοῦ Φωκίωνος ὁ Πλαταιεὺς Σόλων καὶ Δείναρχος ὁ Κορίνθιος» (Plut. *Phoc.* 33. 3). Кроме того, во фрагментах «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского упоминается историк Псаон из Платей (Diod. 21. 5. 1). Однако ни один упомянутый персонаж не может быть связан с каким-либо политическим институтом города. В более позднем источнике – «Истории» Тита Ливия, кроме гражданина Платей Дикеарха, указываются общины Беотии: – «rogation inde a Plataeensi Dicaearcho lata recitataque de societate cum Romani iugenda nullo contra dicere audente omnium Boeotiae civitatum suffragii saccipitur iubeturque.» (Liv. XXXIII. 2. 6). Собственно, «civitas» – латинский аналог понятия «полис» [5, с. 6]; хотя этот термин мог употребляться и в более широком смысле, в данном случае указание на голосование свидетельствует о том, что Ливий отмечает наличие гражданских коллективов в Беотии, в том числе гражданской общины в Платеях.

Плутарх упоминает безымянного архонта: «τῶν Πλαταιέων ὁ ἄρχων» (Plut. *Arist.* 21. 4) как участника празднований Элевтерий – игр в честь Зевса Освободителя [6, р. 50]. Нельзя определенно сказать, являлся ли платейский архонт высшим должностным лицом полиса или же коллегия архонтов (при условии существования таковой) была почетным, но полити-

чески маловлиятельным органом гражданской общины Платей.

Можно говорить о наличии магистратуры стратега в Платеях, поскольку Павсаний сообщает: «κεῖται δὲ τοῦ ἀγάλματος πρὸς τοῖς ποσὶν εἰκῶν Ἀρμνήστου: ὁ δὲ Ἀρίμνηστος ἐν τε τῇ πρὸς Μαρδόνιον μάχῃ καὶ ἔτι πρότερον ἐς Μαραθῶνα Πλαταιεῦσιν ἠγήσατο» (Paus. IX. IV. 2). То есть, по меньшей мере, один военный магистрат имел место в Платеях. Но не находим мы никаких сведений о коллегии платейских стратегов, как и не вполне понятно, что означает занятие одним и тем же Аримнестом должности стратега с интервалом в 10 лет при условии её выборности.

В процитированных трудах античной исторической традиции содержится очень малое количество информации о политической системе беотийских Платей. Благодаря аккумулярованным фрагментам можно сделать вывод о весьма вероятном наличии народного собрания в городе. Также упоминаются городской архонт и командующий военным контингентом полиса (стратег). Других сведений о политической системе найти в проанализированных источниках не удалось. Здесь может помочь иной представитель нарративной традиции – безымянный историк из Оксириха. В его произведении содержится информация о структуре органов Беотийского союза, которая может дать некоторое представление о платейском полисе и его системе управления, поскольку он являлся участником объединения.

В тексте «Hellenica Oxyrhinchia» наибольший интерес для изучения рассматриваемой проблемы представляет фрагмент, который мы приведем в переводе С. Я. Лурье [7, с. 493]: «В каждом из государств были учреждены четыре совета; быть членами их могли не все граждане, а только владеющие определенным минимумом имущества. Из этих четырех советов заседал только один поочередно и выносил предварительное решение обо всех государственных делах. Это предварительное решение вносилось на обсуждение остальных трех советов. То, что утверждалось всеми советами, получало силу закона. Таков был порядок решения частных дел отдельных государств; общебеотийские же союзные учреждения были организованы следующим образом. Вся страна делилась на одиннадцать (избирательных единиц), и из них каждая избирала одного беотарха [по следующему расписанию]: Фиванцы избирали двух за самый город и двух за Платеи, Скол, Эрифры, Скафы и другие селения, прежде составлявшие Платейский союз, а теперь причисленные к Фиванскому государству, с лишением

их автономии, но сохранением прав гражданства» (*Hell. Oxy.* X. XI. 1). В управлении всем союзом представители Платей не участвовали, поскольку беотархов избирали фиванцы (от лица платейских союзников и самого полиса). Однако в один из упомянутых четырёх советов наиболее обеспеченные представители населения платейской общины вполне могли входить.

Возникает вопрос: непосредственно платейские зажиточные граждане могли воспользоваться этим правом политического представительства или же речь в источнике идёт о переселенцах из Фив, получивших определённые земельные наделы на платейской земле, ведь подобная практика уже применялась в 427 г. до н. э.? Так или иначе, на основании сведений «Истории из Оксиринха» можно предположить о встраивании политической системы Платей в олигархическую структуру Беотийского союза. Дополнительным подтверждением этой интеграции является общебеотийское

празднование Дедалы, посвященное Гере, в котором принимали участие и платейские граждане [8, с. 193]. Для дальнейшего изучения вопроса платейско-фиванских отношений нужно углубиться в сферу исследований фиванской гегемонии в Беотии.

Сведения нарративных источников не дают сколько-нибудь полного представления о политической системе платейского полиса. Отрывочная информация исторических трудов античных авторов позволяет лишь предполагать наличие тех или иных органов власти. Определённо можно говорить о народном собрании и отдельных магистратурах. Влияние же более сильных соседей прослеживается только в IV в. до н. э., а именно со стороны Фив. Корреляцию институтов Платей с афинской политической системой проследить не удастся. Таким образом, перспективы рассмотрения институтов полиса Платей связаны, на наш взгляд, с подробным рассмотрением истории Беотийского союза.

Ссылки

1. Badian E. Plataea between Athens and Sparta. In *Search of Lost History // BOIOTIKA: Vorträge vom 5. Internationalen Bötien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. S. Lauffer: Institut für Alte Geschichte Ludwig-Maximilians-Universität München, 13.–17. Juni 1986 / Hrsg. von H. Beister und J. Buckler. München, 1989. P. 95–111.*
2. Tritle L. A. *A new history of the Peloponnesian War. A John Wiley & Sons, Ltd., 2010. 287 p.*
3. Hammond N. G. L. Plataea's relations with Thebes, Sparta and Athens // *The Journal of Hellenic studies. 1992. Vol. 112. P. 143–150.*
4. Кореньяк В. С. Сведения о полисе Платей в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 28–31.*
5. *Античный полис: курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 240 с.*
6. Albanidis E., Vouzanidou E. The Eleutheria (Liberation games) of Plataea in Ancient Greece // *Studies in physical culture and tourism. Vol. 15. 1. 2008. P. 49–52.*
7. Анабасис. *Греческая История / Ксенофонт / пер. М. И. Максимовой, С. Я. Лурье, С. И. Соболевского. М.: АСТ; Астрель, 2011. 638 с.*
8. Кореньяк В. С. Дедалы: панбеотийское празднество // *Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 4–6 окт. 2018 г. / отв. ред. В. В. Дементьева; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2018. С. 191–195.*
9. Фролов Э. Д. *Рождение греческого полиса. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 265 с.*
10. Buck R. J. *Boeotia its development of institutions and oligarchic and democratic theory in the fifth and fourth centuries // La béotie antique. Paris, 1985. P. 291–296.*
11. Hansen M. H., Nielsen T. H. *An Inventory of archaic and classical Poleis. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation Oxford: Oxford University Press, 2004. 1396 p.*
12. Hammond G. L. *Political developments in Boeotia // The Classical Quarterly. 2000. Vol. 50.1. P. 80–93.*
13. Konecny A. *Plataiai. Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis. Wien: Österreichisches Archäologisches Institut, 2013. 494 S.*
14. Mitchell L. J., Rhoades P. J. *The development of the Polis in Archaic Greece. London: Routledge, 1997. 248 p.*
15. Waldstein C., Tarbell F. B., Rolfe J. C. *Report on Excavations at Plataia in 1889 // American Journal of Archeology. 1889. № 5. P. 428–442.*
16. van Wijk R. *Athens, Thebes and Plataia and the end of the sixth century BCE // Journal of Ancient History. 2017. Vol. 5 (2). P. 1–26.*

British people and technologies of a digital era

V. V. Rudnev¹

¹Institute of Ethnology and Anthropology, 32A Lenincky ave., Moscow 119334, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

In this article considered a specificity of approach of the British society in development and using of a new technologies. The author notices a special role of Great Britain in the history of an industrial era. It is proved the suppositions that local social and cultural experience have active influence on process of creation a new original technologies and decisions that are prospective for digital era.

Keywords: Great Britain; society; culture; digital era; sustainable development; security; education; cognitive activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rudnev, Viacheslav V. | E-mail: roudnev@mail.ru
Cand. Sc. (History)

Британцы и технологии цифровой эпохи

В. В. Руднев¹

¹Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр-т., 32А, Москва, 119334, Российская Федерация

УДК 39(4)

Научная статья

В статье рассматриваются особенности подхода британского общества к освоению и использованию новых технологий, отмечается особое место Великобритании в истории индустриальной эпохи. Приводится подтверждение гипотезы, что локальный социально-культурный опыт активно влияет на процесс создания новых оригинальных технологий и решений, перспективных для цифровой эпохи.

Ключевые слова: Великобритания; социум; культура; цифровая эпоха; устойчивое развитие; безопасность; образование; когнитивистика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Руднев, Вячеслав Валентинович | E-mail: roudnev@mail.ru
Кандидат исторически наук

Использование новых технологий и орудий труда относится к числу наиболее сложных проблем развития общества. Применение новых технологий всегда связано как с решением актуальных вопросов жизнеобеспечения, так и с появлением сопутствующих проблем и новых рисков, значение которых выявляется лишь позднее. Эти особенности ярко проявились в индустриальную эпоху, когда высокоэффективные технологии стали драйвером кардинальных изменений в жизни общества. Например, изобретение парового двигателя стимулировало изменение производственных процессов и трансформировало сферу профессионального обучения, характер занятости и образ жизни общества. Вместе с повышением сложности новых технологий возрастает и вероятность появления непредвиденных проблем. Так, использование достижений химии в сельском хозяйстве привело, с одной стороны, к позитивным изменениям в аграрном производстве, с другой – к появлению экологических проблем (например, препараты, предназначенные для уничтожения сорняков, негативно повлияли на пчел).

История Великобритании хорошо иллюстрирует особенности процесса освоения новых технологий. Страна, стоявшая в авангарде промышленной революции, достаточно хорошо освоила решение социальных и культурных проблем, связанных с изменением образа жизни населения.

Примером может служить история текстильного производства на Британских островах. В 1733 г. Джон Кей изобрел летучий челнок для ткацкого станка. Это активно способствовало повышению эффективности труда. Спустя 37 лет (в 1770 г.) в Англии появилась первая хлопкопрядильная фабрика. Она работала круглосуточно и отличалась высокой эффективностью труда. Кардинально изменился образ жизни людей, работавших на фабрике. Великобритания одной из первых столкнулась с необходимостью решать социальные конфликты – следствие появления новых форм производственной деятельности. Восстание луддитов (1811–1812 гг.) – один из наиболее известных первых социальных конфликтов, решение которого было важно для страны. Уже через сто лет (после окончания Первой мировой

© Руднев В. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

войны) текстильное производство на Британских островах завершило свое существование: все текстильные фабрики были перепрофилированы, а работавшие там специалисты сменили профессии. Производством текстиля стали заниматься в юго-восточной Азии. Сегодня в Манчестере можно видеть старые здания складов, перестроенные в гостиницы. В этих зданиях когда-то хранилось сырье для текстильных фабрик. Изменения затронули все сферы жизни в регионах, занимавшихся текстильным бизнесом: была создана новая инфраструктура, изменился образ жизни и характер занятий населения. Активный интерес к новым технологиям и опыт решения возникающих социально-культурных проблем – особая черта британского общества. Это определяет целесообразность обращения к опыту британцев при рассмотрении проблемы использования новых технологий.

Современный мир все активнее использует цифровые технологии. Новая эпоха обещает кардинально изменить образ жизни общества. Цифровые технологии – это системы, которые базируются на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени. Обеспечивая высокую скорость работы с обширными базами данных, цифровые технологии быстро завоевывают себе место в разных сферах жизни общества. В бизнесе, в промышленном производстве, в повседневных нуждах населения новейшие технологии находят применение. Персональные компьютеры, смартфоны, бытовые электронные приборы – часть повседневной жизни общества.

В 2000 г. Альберт Гор (бывший вице-президент США) и Уильям Дейли (бывший министр торговли США) объявили о начале эпохи цифровой экономики [1, с. 178]. Цифровые технологии создали предпосылки для лавинообразных изменений в разных сферах общественной жизни и вместе с тем обозначили обширный круг актуальных проблем, связанных с изменением в образе жизни общества (занятостью, образованием, миграциями и т. п.). Появились представления о губительности «цифрового разрыва», угрожающего странам, своевременно не осознавшим приоритетное значение новых технологий, а формирование

феномена Digital crowd («электронный народ» / «электронная толпа») [2] повысило риск постороннего вмешательства в личную жизнь каждого гражданина и создало угрозу для безопасности общества (например, через организацию флеш-мобов и др. акций).

В новых условиях при информационном способе развития, по выражению М. Кастельса, главным источником производительности становится воздействие знания на само знание [3]. Понимание важности проблем цифровых технологий для мирового сообщества обусловило внимание к ним лидеров ведущих стран мира. Это нашло отражение в тематике проблем, обсуждаемых на саммитах ООН, G20 и других встречах. Использование цифровых технологий повышает эффективность экономики, но и привносит риски.

Сегодня около 23 % мировой экономики связано с активным использованием цифровых технологий [1, с. 170]. Активные изменения происходят на рынке труда: из-за роботизации сокращается занятость населения и вместе с тем появляется потребность в новых рабочих местах. Использование цифровых технологий создает возможность для появления новых товаров и услуг во всех областях экономики и в социальной сфере, роста производительности труда, повышения конкурентоспособности компаний, расширения трансграничных систем управления экономическими процессами и др. [4]. Вместе с тем очевидны и риски: трансформируются (в перспективе исчезнут) некоторые профессии и отрасли хозяйственной деятельности (кардинально изменится банковская сфера, исчезнут профессии продавца, водителя городского транспорта и др.); появятся социальные проблемы, связанные с востребованностью специалистов, занятых в высокотехнологичных отраслях; ожидается борьба за человеческий капитал, миграция интеллектуальной элиты [5].

Великобритания начала активно использовать цифровые технологии в банковском деле и торговле достаточно рано, еще в конце XX века. В это же время началась работа по созданию цифровых каталогов в библиотеках и информационных центрах. Важным шагом стало развитие концепции электронного правительства и «умного города». В 2000 году по инициативе премьер-министра Энтони Блэ-

ра была создана координационная комиссия при кабинете министров, приняты законодательные решения (акт об электронной подписи), детально разработаны этапы внедрения электронного правительства в стране. Несмотря на некоторое противодействие чиновников и сопротивление со стороны муниципалитетов, самостоятельно распоряжающихся местными бюджетами и принятием решений, работы проводились успешно. Уже к 2010 г. система электронного правительства оказывала более 170 услуг государственного и муниципального уровня физическим и юридическим лицам в дистанционном онлайн-режиме [6, с. 131]. Самым популярным и востребованным стал сервис оплаты налогов. С помощью налогового портала стали оформляться социальные льготы и пособия. К 2010 г. большинство британцев (82 %) пользовались возможностями цифровых технологий в онлайн-режиме. Проект «электронное правительство» обеспечил рост компетентности британцев в вопросе использования цифровых технологий [6, с. 132].

Проект «умный город» также способствовал отработке модели применения новых технологий в разных областях жизни британского общества. Реализация проекта затронула работу гостиничного бизнеса, медицины, повлияла на решения по кибербезопасности («Закон о цифровой экономике 2010»). В феврале 2017 г. королева Елизавета Вторая открыла Национальный центр кибербезопасности. Широкое использование цифровых технологий актуализировало проблему компетентности населения, органично связанную, в частности, с вопросами образования. Следует отметить, что проблеме повышения образовательного уровня британцев особое внимание уделялось с середины XX века, когда страна начала активно использовать технологии, применявшиеся в вычислительной технике. Еще в 1963 г. премьер-министр Гарольд Вильсон (Лейбористская партия Великобритании) предложил создать «Открытый университет». Предполагалось, что люди, вышедшие из студенческого возраста, будут обучаться дома (в свободное от работы время), получая необходимые материалы с помощью системы радио и телевидения. В 1969 г. по указу Королевы был создан «Открытый Университет» (Open University; University of the Air). Новый

университет получил статус независимого университета и стал активно работать наравне с другими университетами страны. Создание университета было связано с особой потребностью страны в специалистах, имеющих высшее образование.

Университет предлагал получить высшее образование (тем, кто не мог получить его своевременно) без отрыва от производства и с момента своего основания осуществлял процесс дистанционного обучения с помощью почтовых отправок учебной литературы, контрольных работ, используя радиовещание и консультации по телефону. Процесс обучения происходил вблизи от места проживания студентов. Студенты занимались самостоятельно, используя специально разработанные методики. Они работали под руководством тьюторов-кураторов, которые регулярно общались с каждым студентом индивидуально, что активно способствовало успеху обучения и социализации студентов. Территориально тьюторы были приближены к студентам и проводили консультации и семинарские занятия в специально организованных филиалах университета. В 1997/98 учебном году в Открытом университете обучались более 200 тыс. студентов (две трети студентов принадлежали к возрастной группе от 25 до 44 лет) [7, с. 38]. С момента возникновения он успешно использовал форму дистанционного обучения не только для британцев, но и для иностранцев. Этот университет признан одним из крупнейших вузов в Европе, является одним из мировых лидеров в области открытого и дистанционного обучения, предлагая свои услуги в распространении высшего и последипломного образования в Великобритании и в других европейских странах. Среди британских университетов рейтинг Открытого университета высок и сопоставим с рейтингами университетов Оксфорда и Кембриджа.

Высокая потребность в специалистах, отвечающих современным потребностям, стимулировала появление в Великобритании особой формы обучения Work Based Learning – WBL (обучение, совмещенное с работой – ОСР). Эта форма обучения зародилась в Великобритании при активной поддержке университетов [8]. Потребности индустриального производства стимулировали распространение такой

формы обучения в англоязычных странах. Объединение ресурсов университетов и предприятий открыло хорошую перспективу для подготовки студентов на рабочих местах, т. е. предоставило возможность ориентироваться на специфику производственной активности обучающегося. Такой формат учитывает индивидуальные особенности, компетентность и задачи, на которые ориентируется обучающийся (возможно получение высшего образования 8-го уровня, согласно национальной шкале квалификации, при освоении соответствующей программы). В процессе учебы по форме ОСР ставится задача не только повысить компетентность овладевающих навыками и умениями молодых специалистов (при концентрации внимания на потребностях рынка труда недалекого будущего), но и развить у них креативные способности.

Взаимодействие предприятий и университетов в процессе реализации обучения по форме ОСР представляет интерес и для самих университетов, т. к. на промышленных предприятиях постоянно происходит совершенствование технологических процессов и университетские ученые имеют возможность знакомиться с новинками. Студенты, обучающиеся по системе ОСР, принадлежат обычно к старшему поколению. Их отличает определенная социальная зрелость и повышенная мотивация. Процесс обучения отличается гибкостью и включает как традиционную для британских университетов помощь тьюторов (кураторов), так и инновационные приемы, базирующиеся на цифровых технологиях. Программы ОСР формируют у обучающихся не только актуальные компетенции и навыки, но и творческий подход к решению новых проблем, постоянно предлагаемых обществом [9, с. 124].

Проблема взаимоотношений в системе «человек – новые технологии» традиционно сложна и сопряжена как с особенностями технологического характера, так и со спецификой отношений между человеком и машиной. Особый интерес представляет обращение к проблеме отношений между человеком и устройствами, использующими «цифровые» технологии. Сегодня заметный приоритет получают те сферы деятельности человека, где «цифровые» технологии используются

в областях, уже достаточно активно освоенных в предшествующий период. К ним относятся, в частности, образование и транспорт.

Например, в Университетском колледже Лондона (UCL) уже давно регулярно (по вторникам и четвергам) в обеденный перерыв проводятся бесплатные лекции, освещающие проблемы в разных областях науки. Лекции пользуются популярностью. С недавнего времени они стали транслироваться в режиме онлайн. Теперь каждый интересующийся проблемами современной науки (вне зависимости от места нахождения) может ознакомиться с этими лекциями (lunch hour lectures). Новые технологии стимулировали, в частности, интерес европейской молодежи к возможности получения высшего образования в британских университетах. Фактически появление «цифровых» технологий открыло новые возможности для развития дистанционного образования в Великобритании.

Уже в начале XXI века более одного миллиона студентов из стран континентальной Европы обучались в университетах Великобритании дистанционно, не покидая своей страны [10].

Транспортная революция – реальность современной Европы. Уже появились первые беспилотные грузовики производства компании DB Schenker. В 2020 г. планировалось на дорогах одной лишь Швеции запустить первые две сотни таких грузовиков. Один оператор должен поддерживать работу десяти грузовиков, оснащенных автопилотом, что сулит определенные проблемы дальнбойщикам уже в недалеком будущем.

Активное развитие цифровых технологий, способных оценивать ситуацию, стало одним из важных ключевых моментов в совершенствовании отношений в системе «человек – новые технологии». В настоящее время сложные системы, использующие «цифровые» технологии, нередко контролируются лишь с помощью других «цифровых» технологий. Это относится, в частности, к авиации, где «безопасность авиаперелетов зависит больше <...> от корректности и оперативности работы компьютерных систем, чем от профессионализма пилотов» [11, с.63].

Цифровые технологии позволяют сейчас контролировать процесс обращения с гадже-

тами самих пользователей. Например, в Дании разработали приложение “Hold”, которое позволяет контролировать количество времени, потраченное на пользование смартфоном. Устройство начисляет баллы: чем реже пользователь заходил в свой смартфон, тем больше баллов ему начисляется. Баллы можно использовать для поощрения (конвертировать в десерт или чашку кофе в студенческом кафе, попкорн в кинотеатре и т. п.). В 170 британских университетах такая система уже работает [12].

Освоение новых технологий в обществе невозможно без особого внимания к повышению образовательного ценза работающих с ними британцев. Происходит это через расширение доступа к дистанционному обучению и развитие когнитивных способностей человека, что формирует позитивные условия труда, способствующие минимизации рисков. Про-

цесс совершенствования «цифровых» технологий, появление технологий нового поколения (ожидается скорое появление квантовых технологий) органично сопряжен в Великобритании с подготовкой специалистов соответствующего уровня. Сегодня «цифровые» технологии весьма эффективны там, где имеет место ритмичное повторение определенных операций. По мнению специалистов, изучающих искусственный интеллект, использование этих технологий в условиях, где требуется критический анализ и творческий подход, пока невозможно. В этом контексте процесс обучения, ориентированный на развитие когнитивных способностей у учащихся, является важной составляющей британской системы образования. Он создает предпосылки для устойчивого развития общества и минимизации рисков в цифровую эпоху.

Ссылки

1. Го Ш., Дин В. Э., Ланьшина Т. Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12., № 4. С. 169–184.
2. Borch C., Knudsen B S. Postmodern crowds: re-inventing crowd thinking // Journal of Social Theory. 2013, Issue 2. Vol. 14. P. 109–113.
3. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
4. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European Journal of Social Theory. 2018. Vol. 21 (2), P. 207–226.
5. Голова И. М., Суховой А. Ф. Вызовы инновационной безопасности регионального развития в условиях цифрового общества // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 987–1002.
6. Ефимов А. А. Цифровая демократия в Великобритании: теория и практика государственного управления и предоставления государственных услуг населению // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 126–133.
7. Тавень И. А. Дистанционное обучение: опыт, проблемы, перспективы. 2-е изд. исп. и доп. / под ред. Ю. В. Позняка. Минск: БГУ, 2003. 227 с.
8. Dalrymple R., Kemp C., Smith P. Characterising work-based learning as a triadic learning endeavour // Journal of Further and Higher Education. 2014, Issue 1. Vol 38. P. 75–89.
9. Обзор практики применения программ обучения, совмещенного с работой (WBL), в высшем образовании Великобритании / Д. Талбот [и др.] // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 119–141.
10. Голионова Ю. А. Предпосылки возникновения дистанционного обучения в мировом образовательном пространстве // Знание, понимание, умение. 2009. № 2. С. 20–24.
11. Ахметов К. Взаимодействие человека и компьютера: тенденции, исследования, будущее // Форсайт. 2013. Т. 7, № 2. С. 58–68.
12. Мамедьяров З. Цифровая зависимость // Эксперт. 2018. № 39. С. 40–42.

The Severnaya Railway during the period of mass political repression

A. V. Lebedev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article, based on a wide range of unpublished sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, examines the history of the Severnaya railway during the mass political repressions of 1937-1938, analyzes the participation of the railway in the process of reforming the transport sector of the European North of the USSR, the situation on the eve of the “Great terror”, the reasons for the repression and the judicial and investigative practice of state security agencies in railway transport.

Keywords: railway transport USSR; L. M. Kaganovich; Severnaya railway; V. P. Fedan; mass political repression; “enemies of the people”

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lebedev, Anton V. | E-mail: lebedevAV1984@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Северная железная дорога в период массовых политических репрессий

А. В. Лебедев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(47)084.6:656.2«1937/1938»

Научная статья

В статье на основании широкого круга неопубликованных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматривается история Северной железной дороги во время массовых политических репрессий 1937–1938 гг.; анализируются участие магистрали в процессе реформирования транспортного сектора Европейского Севера СССР, ситуация накануне «Большого террора», причины репрессий и судебной-следственной практика органов государственной безопасности на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт СССР; Л. М. Каганович; Северная железная дорога; В. П. Федан; массовые политические репрессии; «враги народа»

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедев, Антон Вячеславович | E-mail: lebedevAV1984@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Время массовых политических репрессий 1937–1938 гг. является одним из наиболее сложных и противоречивых периодов истории СССР. Перемены, произошедшие в исторической науке под воздействием изменения формы государственного устройства, уже три десятилетия позволяют детально и всесторонне изучать историю транспортного комплекса России¹. Некоторые аспекты «Большого

террора», связанные с репрессиями на транспорте, недостаточно освещены в исследовательской литературе.

Народный комиссариат путей сообщения (далее НКПС) в 1937 г. в значительной мере был затронут террором, тем не менее до сих пор нет четкого представления о том, какие потери в ходе политических чисток понес железнодорожный транспорт [3, с. 36]. Если методологические основы изучения тоталитарного режима и ключевые механизмы проведения массовых политических репрессий на транспорте были оформлены в работах

а развивались хаотично и имели неконтролируемый характер [2]. В основе террора лежала борьба различных партийных группировок как в центре, так и на местах. На фоне этого стали появляться отечественные публикации по истории «Большого террора», которые по сей день так или иначе развивают тему в русле одного из двух обозначенных выше направлений исследовательской мысли.

¹ Первые работы по истории «Большого террора» появились в конце 60-х гг. XX в. в США. Роберт Конквест в условиях «холодной войны» стал создателем классической «теории тоталитаризма», в соответствии с которой основная вина за развертывание репрессий возлагалась на И. В. Сталина, пытавшегося подобным образом укрепить собственную диктатуру [1]. В период перестройки в историографии политических репрессий появилось «ревизионистское» направление. Его основателем стал Джон Арчибальд Гетти. Он перенес основной акцент с фигуры И. В. Сталина на его окружение и на исторический контекст. Согласно этому направлению массовые репрессии не были спланированы руководством страны,

© Лебедев А. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

обобщающего характера уже в конце XX в. [4, с. 79–82], то региональный аспект темы вплоть до настоящего момента раскрыт слабо [5]. В частности, нет ни одной публикации, посвященной истории Северной железной дороги в годы «Большого террора».

В рамках освещаемого в статье хронологического отрезка времени Северной железной дороги в ее современных границах не существовало – в соответствии с приказом Л. М. Кагановича в середине 1936 г. из ее состава в качестве самостоятельной структурной единицы была выделена Ярославская магистраль [6]. Этому предшествовала продолжительная и кропотливая работа по созданию проекта разделения одного из крупнейших транспортных коридоров СССР общей протяженностью 3,8 тыс. км, управлять которым в условиях форсированного развития экономики становилось все сложнее. Первоначально из участков, изъятых из Северной и Московско-Курской железных дорог, планировалось создать новую Кировскую линию, которую впоследствии хотели продолжить до Печорского угольного бассейна [7].

В конечном итоге было решено отказаться от технически сложного и дорогостоящего проекта в пользу более простого разделения Северной железной дороги на две части². В новых границах она состояла из двух основных линий, проложенных по территории Европейского Севера РСФСР и пересекающихся в го-

² Решающее значение в выборе конечного проекта сыграло не качество его составления, а субъективный фактор, обусловленный изменившейся конъюнктурой внутри НКПС. Техническая проработка проектной документации в начале 1935 г. не уступала, а по некоторым положениям превосходила все последующие документы. Л. М. Каганович, заняв пост главы транспортного ведомства, начал кампанию против «предельщиков» – специалистов старой школы, которые вместо завышенных, ничем не подкрепленных показателей работы железнодорожного транспорта предлагали научно обоснованные, но более скромные расчеты перевозочного процесса. Коллектив рабочей группы по разукрупнению Северной железной дороги во главе с профессором С. И. Нейштадтом был вызван к новому Наркому. «Более хитрые выкручивались по принципу «с одной стороны – с другой стороны», другие же полностью поддержали ученых. Резюме в речи Кагановича было уничтожающим <...>. В результате появился грозный приказ: всех старых профессоров <...> отослать на пенсию, а более молодых перевести на дорожные, на низовую работу. Было это в начале 1935 г., а осенью все эти лица были арестованы» [8, с. 12].

роде Вологде. Рассматриваемая транспортная артерия не представляла собой единого целого ни в техническом, ни в эксплуатационном отношении. Даже ключевые направления магистрального хода (Архангельск – Данилов, Череповец – Буй и Буй – Киров) состояли из участков различной пропускной способности [9]. Ее эксплуатационная длина составляла 1 972 км. К ней прилегал колоссальный по размеру территория размером 880 тыс. кв. км. По большей части это были слабо развитые в хозяйственном отношении и малонаселенные местности [10].

В период форсированной индустриализации прилегающие к Северной железной дороге районы стали постепенно превращаться из «отсталой окраины» («гиблого места») в передовой регион с развитой лесопильной промышленностью, сельским хозяйством и молочным животноводством. Выпуск валовой продукции увеличился более чем в два раза. По этой причине техническая вооруженность рассматриваемой транспортной артерии со временем перестала удовлетворять быстро растущие грузовые и пассажирские потоки (41,5 % рельсов были уложены еще до 1915 г., паровозный парк на 32,3 % состоял из маломощных паровозов устаревших моделей, построенных до 1918 г., а 28,5 % мостов находилось в аварийном состоянии) [11].

Несмотря на это, на железнодорожном транспорте СССР был введен новый технологический процесс и правила технической эксплуатации, которые заметно снизили капиталовложения и существенно сократили время на реконструкцию различных отраслей железнодорожного хозяйства [12]. Интенсивность эксплуатации подвижного состава возросла в три раза, время на его реновацию урезали в среднем на 23 %, а расценки на выполненные работы снизили на 15 % [13]. Железные дороги, функционировавшие на пределе своих возможностей, были посажены на «голодный паек». Порой не хватало самых элементарных запасных частей, что стало причиной серьезных трудностей в организации перевозочного процесса [14].

В своем докладе о работе дороги 17 сентября 1936 г. начальник Северной железной

дороги В. П. Федан констатировал: «За истекшее время мы работаем неудовлетворительно, об этом мы заявляли и заявляем каждый месяц <...>, но отдельные звенья работают более или менее хорошо. Мы не можем признать работу удовлетворительной, потому что мы ни один раз в три месяца не выполнили план погрузки. Когда я сделал анализ, то оказалось, что весь план погрузки леса <...> меньше нормы, а грузили все, что попадало под руки и поэтому не выполнили государственный план по родам. Поэтому сейчас каждый день мы выполняем план погрузки по фактическому объему, а по качеству мы его не выполняем, и тенденция у всех без исключения такова: раз порожняк погрузили значит работа окончена, а грузовое движение и выборка грузов это дело не наше» [15].

Железнодорожный транспорт СССР шел к апогею политических репрессий постепенно и неуклонно. В начале 1937 г. состоялся второй московский процесс по делу «антисоветского троцкистского центра». Среди его фигурантов был ряд высокопоставленных работников НКПС (Я. А. Лившиц – заместитель Народного комиссара путей сообщения, И. А. Князев – заместитель начальника Центрального управления движения) и руководителей различных железных дорог (И. Д. Турок – заместитель начальника Свердловской железной дороги). Все они являлись людьми с незапятнанной репутацией и безупречным послужным списком, но после нескольких месяцев пыток признались в том, что вели «диверсионно-вредительскую работу на транспорте». Их показания предоставили следствию необходимый обвинительный материал против коллег арестованных [16, с. 129–143], в том числе и ранее работавших на Северной железной дороге³. Послед-

нее давало следственным органам возможность перенести репрессии на провинцию.

Выступление Л. М. Кагановича на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) стало основой для применения масштабных репрессивных мер по отношению к работникам железнодорожного транспорта СССР. Сразу после пленума Нарком созвал совещание высшего командного состава железных дорог, на котором представителям последнего были даны указания собрать хозяйственно-политические активы на местах, где актуальная информация доводилась до рядовых железнодорожников. Приказы НКПС в скором времени дали идеологическое обоснование и установки на проведение чисток по различным видам железнодорожного хозяйства (паровозное, вагонное, пути, связи и прочее). Особенно тяжелое положение на сети сложилось с подвижным составом. На совещании работников паровозного хозяйства (3–6 апреля 1937 г.) отмечалось, что внутри НКПС проводилась активная подрывная работа диверсантов и японо-немецко-троцких шпионов, а паровозники «притупили свою политическую бдительность и свыклись с недисциплинированностью, технической нечистоплотностью, неорганизованностью работы, создавая этим обстановку, помогавшую вредителям» и как итог ключевые показатели паровозного парка резко ухудшились. В завершение глава транспортного ведомства призвал решительно «выкорчевать последствия вредительства» [18].

Северная железная дорога работала со значительными перебоями. При сохранении устойчивой тенденции роста перевозок на рассматриваемой транспортной артерии эксплуатировались участки, пропускная способность которых была практически исчерпана даже с учетом проведенной ранее модернизации. Начиная с мая резко ухудшилась работа решающей станции Вологда I, от которой во многом зависело выполнение государственного плана перевозок в целом по магистрали. Простой транзитных вагонов с переработкой, при норме 7,5 часов,

³ Среди них особо выделялись: Постников Александр Михайлович (1886–1937), на момент процесса занимавший пост заместителя НКПС, в свое время работавший начальником станции Исакогорка, и Аржанов Михаил Михайлович (1873–1938) – член Научно-технического совета НКПС, который в годы Первой мировой войны трудился в качестве начальника Архангельского отделения Северной железной дороги. В начале 1937 г. многие работники рассматриваемой транспортной артерии помнили их по совместной работе. В связи с этим В. П. Федан на дорожном активе обратился к собравшимся: «Может быть вы здесь расскажете, что было на самом

деле <...>. Если вы выступите здесь и расскажете, то может быть, вы сможете разобраться нам, почему Постников замалчивал о своих ошибках» [17].

увеличился до 15,0 часов. Наличие вагонов рабочего парка систематически возрастало и доходило в отдельные дни до 1 500 вагонов, т. е. в 2 раза выше нормы. Несмотря на увеличившийся грузопоток, количество отправляемых грузовых поездов снизилось с 32 в мае до 29 в августе и сентябре. Из них только 33 % было отправлено по расписанию [19].

Под давлением непомерных нагрузок стала разрушаться и без того изношенная материально-техническая база железнодорожного транспорта СССР. Имевшиеся в распоряжении Северной железной дороги производственные мощности не позволяли быстро и качественно приводить в порядок подвижной состав и путевое хозяйство. Комплексные бригады по ремонту паровозов были укомплектованы не полностью, квалифицированных кадров не хватало. Встречались случаи, когда люди дежурили в течение суток, после чего, не дождавшись смены, самовольно покидали рабочие места. Подобными усилиями удавалось поддерживать в исправном состоянии только 25 % единиц подвижного состава от их общего объема [20]. Планирование работы было организовано крайне неудовлетворительно. Во всех депо составлялись графики оборота паровозов, но они не согласовывались с другими службами и по этой причине регулярно срывались. Депо систематически не давали в срок паровозы под поезда, что приводило к нарушению графика движения и невыполнению государственного плана перевозок [21].

Практика «оперативных планов», в соответствии с которой НКПС мог в одностороннем порядке пересматривать показатели работы, не позволяла руководству отдельных магистралей на местах организовывать технологический процесс и реализовывать в полном объеме крупные инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры. Фактически контрольные цифры менялись каждый квартал: в начале года вносился один план, потом его уменьшали, что в условиях перехода железных дорог на хозрасчет приводило к сокращению рабочей силы, после чего государственное задание вновь увеличивалось и начальники дорог были вынуждены выполнять завышенные нормы, исходя из тех

урезанных ресурсов, которые находились в их распоряжении [22].

В 1937 г. объем вложений в обновление материально-технической базы Северной железной дороги достиг 31,6 млн рублей [23]. Предусмотренные на них инвестиционные проекты отвечали текущим запросам грузоотправителей и в полном объеме соответствовали перспективным прогнозам развития прилегающих к рассматриваемой транспортной артерии регионов, а также потребностям государства. Однако средства, направляемые на модернизацию транспортной инфраструктуры, распределялись внутри дороги крайне неравномерно и сильно распылялись между отдельными видами работ, что в конечном итоге обусловило низкую эффективность претворяемых в жизнь мероприятий. В свою очередь, срыв сроков исполнения приводил к замораживанию всех дорожных счетов и остановке их финансирования со стороны НКПС.

«Товарищи, критика, которая развернулась здесь по моему докладу, а, следовательно, и о работе, которую проделала дорога под моим руководством, показала, что еще мало, очень недостаточно сделано по части практического выполнения решений ЦК ВКП (б), – отметил, завершая I партийную конференцию Северной железной дороги, ее начальник В. П. Федан. – Мы сидим ночи, сидим дни, работаем очень много, а видимо целый ряд вопросов <...> упускаем» [24].

С целью решения производственных задач, стоящих перед железнодорожным транспортом СССР, в среде железнодорожников развернулось движение за освоение новой техники и высокую производительность труда. Однако стремительный взлет стахановско-кривоносовского движения, первоначально сопровождавшийся широким вовлечением работников транспортного ведомства в процесс социалистического соревнования, не был обеспечен государственной поддержкой. Начальники железных дорог и аппарат дорожных политотделов на местах оказались не готовы воплотить в жизнь оптимистичные лозунги правительства.

«Хочу поставить еще один серьезный вопрос – это вопрос людей, соревнования, удар-

ников, вопрос лучших стахановцев, – пояснил В. П. Федан. – Много времени мы бьемся над этим, и ничего не выходит. Есть шаблон: значок ударника имеет – это лучший, получил недавно почетного железнодорожника – это лучший. А больше ничего нет. Но людей растущих не вытаскиваем. Почему? Потому что наша организация виновата» [25].

Мероприятия по организации социалистического соревнования на транспорте в то время были, как правило, крайне слабо подготовлены. Опытные поездки, имевшие целью достижение технически обоснованных скоростей поездов и форсировки котла, для постепенного наращивания технической скорости паровоза не проводились. Негативно на морально-психологическое состояние железнодорожников влияли поиск виновных в чрезвычайных ситуациях, часто возникавших в период проведения стахановских декад, и набиравшие обороты репрессии, когда обвинения производственного характера стали смыкаться с политическими, что повлекло отток масс и повсеместное угасание стахановско-кривоносовского движения [26].

Больше всего железнодорожникам не нравились выскочки, которые сбивали нормы выработки и не давали нормально работать остальным. Увеличение объемов производства, произведенное одним работником, автоматически приводило к росту плана суточной выработки для всех остальных. Это требовало от тех людей, которые не были вовлечены в социалистическое соревнование, повышения производительности труда, в противном случае работа оплачивалась по средней ставке. Квалифицированные рабочие получали намного меньше неквалифицированных. Если в мае 1937 г. слесарь 6 разряда на кулисном движении выработывал 156 часов, получая за свой труд 197 рублей, то маляр при той же выработке зарабатывал 400 рублей. Все это вынуждало рабочих гнаться за количеством в ущерб качеству, так как при соблюдении качества их заработок падал на 50 % [27].

Все вышеперечисленное привело к тому, что в среде железнодорожников заметно вырос уровень социальной напряженности, обусловленный снижением уровня жизни на фоне увеличения интенсивности их экс-

плуатации. Данное обстоятельство наглядно иллюстрирует следующий пример: в середине 1937 г. на станции Буй в очереди у магазина на один рабочий Северной железной дороги на протяжении полутора часов открыто вел «контрреволюционную агитацию». Он собрал вокруг себя толпу из железнодорожников, членов их семей и пассажиров. Однако больше всего руководство дороги возмущал тот факт, что никто из них не позвал «соответствующего товарища из органов НКВД, чтобы этого контрреволюционера убрали и заткнули ему глотку» [28].

В ходе I партийной конференции (2–4 июня 1937 г.) были вскрыты многочисленные недостатки в работе Северной железной дороги, а ее руководство было поставлено перед фактом необходимости принятия более жестких мер к подчиненным. Начальник дороги оказался не готов к подобному повороту событий и, не сориентировавшись в ситуации, признался, что не может выгнать всех классовых врагов только потому, что их нечем заменить. Масштаб сбора компрометирующих материалов был настолько велик, что в результате составления особых списков на людей, взятых под политическое подозрение, в них оказалась половина членов парторганизации дороги [29]. «Товарищи, нельзя же бросаться в другую крайность, – оправдывался В. П. Федан. – Я сказал в докладе совершенно не правильно <...>, что не можем выгнать всех классово-чуждых элементов. Так получилось в той концепции, что цифры, которые я имел, я Вам не оглашал, а в голове получилось. Неправильно это совершенно <...>. Из управления мы не можем видеть каждого конкретного виновника <...>, надо рассматривать по существу каждый факт, по каждой заметке надо найти человека и что-нибудь сказать – враг или не враг. Не правильно, если сегодня скажешь, что в плохой работе дороги виноваты только враги» [30].

Однако беспощадный маховик репрессий был запущен, в результате чего на Северной железной дороге начались массовые увольнения и исключения из рядов ВКП (б), за которыми последовали первые аресты ее обслуживающего персонала. «Мы имеем

по дороге 968 выбывших членов партии, из которых у нас исключено за разные бытовые дела 480: за то, что жену побил, за то, что систематически выпивает, за неуплату членских взносов, за пассивность, – предостерегал начальник дорожного политотдела В. И. Кириллов. – В ряде партийных организаций сложилось такое мнение, что когда обсуждается вопрос о врагах, то бывших членов партии причисляют к ним всех огулом» [31]. Несмотря на это, наложения административных взысканий проводилось «пачками» без необходимого разбора причин нарушения дисциплины. По оперативным службам рассматриваемой транспортной артерии (паровозная, вагонная, движения, грузовая, пассажирская, пути и связи) в 1937 г. штат обновился на 50 %, а высший командный состав дороги за время репрессий два раза сменился в полном объеме [32].

Сотрудники, пришедшие им на смену, как правило, не обладали их профессиональными навыками и широким кругозором. В основной массе это были «люди от станка» – молодые специалисты, не имевшие ни достаточного опыта работы, ни технического образования [33]. Недостатки и непреднамеренные ошибки, которые имели место в повседневной работе без исключения у каждого, в то время расценивались следственными органами как злостное вредительство. «Опытных, знающих кадров становилось все меньше. Назначали главным образом молодежь, пришедшую с ВУЗов, иногда и без опыта и без достаточной жизненной подготовки. Все это породило нерешительность. Люди боялись риска. Все перестраховывались <...>. Транспорт стал работать хуже и хуже. Не было кому работать. Молодежь училась работать и боялась учебы, боялась, что любая небольшая ошибка будет служить обвинением во вредительстве» [34].

В период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на Северной железной дороге было осуждено 239 железнодорожников, из которых половина была приговорена к высшей мере наказания. В их числе был начальник дороги В. П. Федан и дорожный инспектор НКПС Э. П. Иванов, а также ряд начальников служб: паровозной – В. В. Круцко и отделов рассматриваемой транспортной артерии: политического – В. И. Кириллов, финансового – В. А. Родионов и многие другие [35]. Следствие над ними носило фальсифицированный характер. Методы морального и физического воздействия широко применялись не только к обвиняемым, но и к свидетелям. Все фигуранты дела являлись кадровыми железнодорожниками, хорошо знавшими свое дело и искренне любившими транспорт, но их «сделали врагами», списав на них ошибки начальства [36]. Однако после этого работа железных дорог не улучшалась, а становилась еще хуже (по многим показателям перевозочного процесса в начале 1938 г. железнодорожный транспорт откатился до уровня 1935 г., когда Л. М. Каганович только возглавил отрасль). Впоследствии все осужденные по 58 статье работники Северной железной дороги были реабилитированы, а дела на них прекращены «за отсутствием состава преступления». Со временем руководство НКПС стало более объективно оценивать реальное положение железнодорожного транспорта, который еще долго не мог оправиться от последствий массовых политических репрессий в среде железнодорожников [37]. Под давлением неоспоримых фактов изменился тон официальных документов. Важно подчеркнуть, что с этого момента гораздо меньше говорилось о вредительстве, а основное внимание уделялось состоянию производства.

Ссылки

1. Conquest Robert. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. Toronto, 1968. 584 p.
2. Getty John Archibald. Origins of Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985. 275 p.
3. Филиппов К. И. Немного о прошлом: мемуары заместителя Народного комиссара путей сообщения СССР в 1938–1942 гг. М., 1997. 108 с.
4. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб.; М., 1997. 416 с.

5. Кудрявцев С. В. Массовые репрессии в Ярославской области 1937– 1938 гг. (дело о «вредительстве на транспорте») // Страницы минувшего: VI Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1997. С. 161–163.
6. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. Р-2295. Оп. 25 Т. Ед. хр. 7. Л. 74.
7. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 57. Ед. хр. 420. Л. 58–60, 63.
8. Яроцкий А. С. Золотая Колыма. М., 2003. 268 с.
9. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 72. Ед. хр. 97. Л. 3, 6, 7.
10. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 147.
11. ГАВО. Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 842. Л. 58, 69, 86.
12. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 43. Ед. хр. 255. Л. 50–57.
13. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) о железнодорожном транспорте: сборник. Т. 1: 1933–1936. М., 1937. С. 588–589.
14. Северный путь. 1936. 17 сент.
15. ГАВО. Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 43.
16. Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. 258 с.
17. Вологодский архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 22.
18. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 43. Ед. хр. 255. Л. 192.
19. ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 408. Л. 2.
20. Северный путь. 1936. 20 сент.
21. ГАВО. Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 843. Л. 92.
22. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 66. Ед. хр. 108. Л. 139.
23. ГАВО. Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 841. Л. 5.
24. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 47.
25. ГАВО. Ф. Р-628. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 65.
26. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 33.
27. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С 7594. Л. 24.
28. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 40.
29. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 7.
30. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 51.
31. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 154.
32. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 71–72.
33. ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 409. Л. 109.
34. Архив общества "Мемориал". Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 28, 35.
35. ВОАНПИ. Ф. 2028. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 2.
36. Архив общества "Мемориал". Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 56.
37. ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Ед. хр. 415. Л. 17.

National identity Issues in the perception of the participants of the First World Russian Council (1993)

A. B. Rudakov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the study of the formation of the modern teachings of the Russian Orthodox Church on patriotism and national identity against the background of socio-political processes in Russia in the 90s of the twentieth century. The purpose of the work is to show the relationship and continuity of ideas voiced at the World Russian Council in 1993 with later adopted general church documents of a program nature, in particular, with the Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church.

Ky words: Russian Orthodox church; World Russian People's Council; Patriotism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rudakov, Alexander B. | E-mail: labarum-ar@yandex.ru
| Postgraduate

Вопросы национальной идентичности в восприятии участников I Всемирного русского собора (1993 г.)

А. Б. Рудаков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94 (41/99)
Научная статья

Статья посвящена изучению процесса формирования современного учения Русской православной церкви о патриотизме и национальной идентичности на фоне общественно-политических процессов в России 90-х годов XX века. Цель работы – показать взаимосвязь и преемственность идей, прозвучавших на Всемирном русском соборе в 1993 году с принятыми позднее общецерковными документами программного характера, в частности с Основами социальной концепции Русской православной церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Всемирный русский народный собор; патриотизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудаков, Александр Борисович | E-mail: labarum-ar@yandex.ru
Аспирант

В научных работах по истории Русской православной церкви получили широкое освещение вопросы возрождения религиозной жизни и развития церковно-государственных отношений в 90-х гг. XX в. Вместе с тем все еще недостаточно исследованы такие факторы, как влияние Русской православной церкви на общественно-политическую ситуацию в стране, на формирование национального самосознания и общегражданской идентичности в постсоветский период, не исследован процесс мировоззренческого диалога и обмена идеями общественных движений и политических партий, с одной стороны, и Русской православной Церкви – с другой.

Для исторического исследования данных вопросов важное значение имеет обращение к опыту Всемирного русского собора (с декабря 1995 года – Всемирного русского народного собора) – общественной организации, возникшей в 1993 году.

С 1988–1989 годов, когда руководство СССР приняло решение масштабно отметить 1000-летие Крещения Руси в сотрудничестве с Рус-

ской православной церковью, РПЦ вновь стала играть важную роль в публичной общественной дискуссии и в общественной жизни.

Изменение ситуации потребовало от РПЦ адаптироваться к новой ситуации и преодолеть социокультурные последствия вынужденной изоляции [1, с. 99]. Начиная с 1990-х годов Церковь начинает принимать активное участие в выработке концептуальных подходов к волнующим общество вопросам, что свидетельствовало о ее способности после долгих лет контроля развернуться к современной общественной и политической проблематике.

В свою очередь, подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси дала импульс к диалогу между РПЦ и творческой интеллигенцией, в результате которого возникла идея восстановить Храм Христа Спасителя в Москве, разрушенный 5 декабря 1931 года. С такой инициативой выступило в 1989 году «Товарищество русских художников», куда вошли режиссер С. Бондарчук и Н. Михалков, писатели В. Лихоносов, В. Распутин, Ю. Лоциц, С. Лыкошин, Ю. Юшкин, В. Калугин, философ Э. Воло-

дин [2, с. 163]. После распада СССР диалог РПЦ и патриотически настроенной части творческой интеллигенции активизировался. Его важнейшим итогом стало решение о проведении Всемирного русского собора по теме «Российская соборная мысль», который прошел 26–28 мая 1993 г. в Свято-Даниловском монастыре в Москве.

По словам Патриарха Алексия Второго, форум был призван «положить новое начало проявлению в жизни народа соборного разума» при духовном участии Русской православной церкви. При этом Патриарх Алексей Второй особо подчеркнул, что Церковь открыта к сотрудничеству с людьми всех национальностей, культур, мировоззрений. Основной темой форума стал вопрос о поисках путей формирования национального самосознания в сложный исторический период, наступивший после распада СССР. Открывая I Всемирный русский собор, один из инициаторов проведения форума, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев, отметил, что русский народ стал разделенным, сотни тысяч россиян оказались беженцами на своей земле, не получая должной материальной и моральной поддержки. В этой ситуации неизбежно возникал вопрос о мировоззренческом содержании патриотического и национального самосознания, раскрытия отношения РПЦ к этим сложным проблемам.

Отвечая на сформировавшийся общественный запрос, Патриарх Алексей Второй посвятил свое выступление вопросам христианского патриотизма. Предстоятель РПЦ напомнил о том, что любовь к Родине – патриотизм – «благословляется Церковью» [3, л. 42], и подчеркнул, что каждый человек призван к заботе о благосостоянии своего народа и своего государства, к бережному отношению к истории и культуре, к защите Отечества и в этом заключается нравственный долг человека и основа христианского патриотизма. При этом глава Русской православной церкви предостерег тех, кто стремится монополизировать идею патриотизма в узких и эгоистических целях. С точки зрения Патриарха, патриотизм не должен подменяться враждой и ненавистью к другим народам, стремлением к силовому решению межнациональных и межгосударственных споров, нежеланием и неумением выслушивать различные точки зрения. В подлинном патриотизме нет места агрессивной ненависти и ксенофобии [3, л. 43].

Идеи христианского патриотизма получили развитие в программном выступлении Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, будущего Патриарха Московского и всея Руси. Как отмечает известный церковный деятель и исследователь церковно-государственных отношений митрополит Илларион (Алфеев), выступая на открытии Собора, митрополит Кирилл употребил термин «смута» для характеристики переживаемого страной политического кризиса: «Любые размышления о былом величии Российского государства с неизбежностью упираются в вопрос, как могло случиться, что многовековая могучая государственность оказалась сокрушенной. Это сокрушение началось в 1917 году и, как кажется, продолжается до сих пор. Россия в течение всех этих десятилетий переживает великую смуту, трудное испытание для населяющих ее народов, в том числе и для многомиллионного русского народа» [1, с. 270].

Стоит особо подчеркнуть, что именно в докладе Митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла «Возрождение Православия и обновление России» изложены критические оценки как национального эгоизма, переходящего в национализм, так и процессов этнической деидентификации, которую оратор связал с процессами глобализации. По мысли митрополита Кирилла, возрождение национальных начал русского народа неизбежно, но исторический опыт русских, объединивших в общем государстве множество других народов на равноправных и солидарных началах, несовместим с проявлениями национализма, национальной исключительности. Поэтому национально возрождение русских «не может быть возрождением узко националистическим» [4, с. 14].

Митрополит Кирилл подробно обозначил опасности и угрозы, связанные с ростом национализма и межнациональной конфронтации на постсоветском пространстве. Он подчеркнул, что возведение национализма в некий высший принцип несет угрозу братству народов, составляющих Россию. С другой стороны, причины роста национализма коренятся, по мнению Митрополита Кирилла, в упадке религиозного сознания, в подавлении религиозных начал, способных преодолеть национальный эгоцентризм.

Констатируя, что просвещенный патриотизм и базирующееся на религиозно-этических принципах национальное самосознание являют-

ся единственной альтернативой деидентифицирующему влиянию глобализации, митрополит Кирилл выразил уверенность в том, что на территории бывшего СССР нет ни одной нации, для которой путь выхода из кризиса был бы возможен благодаря применению насилия по отношению к другой [4, с. 11]. Идеи Патриарха Алексия Второго и Митрополита Кирилла были поддержаны участниками Всемирного русского собора и легли в основу актуальных для постсоветской эпохи представлений Русской православной церкви о патриотизме и национальной идентичности, базирующихся на традиционных религиозно-этических ценностях.

Итоги Всемирного русского собора стали важным шагом на пути к формированию официальной позиции Русской православной церкви по данной проблематике. Уже через год после проведения форума Архиерейский Собор Русской православной церкви призвал выработать всеобъемлющую концепцию по вопросам отношений государства и церкви и ключевых проблем современного общества [5].

В свою очередь, Всемирный русский собор на протяжении 90-х гг. XX в. стал платформой для обсуждения базовых идей общецерковных документов с представителями общественности, политических партий, творческих союзов. Параллельно с проведением форумов Всемирного русского собора (III форум с декабря 1995 г. уже проходил под названием Всемирный русский народный собор, и это наименование сохранилось до наших дней), состоявшихся в 1993, 1995 (дважды), 1997 и 1999 гг., велась работа над «Основами социальной концепции Русской православной церкви», которые в окончатель-

ном виде были представлены Архиерейскому собору РПЦ в 2000 г.

Обращает на себя внимание, что важные идеи этого документа, отраженные в пунктах 3–4 раздела «Церковь и нация», в значительной степени восходят к тезисам, высказанным Патриархом Алексием Вторым и Митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом на I Всемирном русском соборе (1993 г.). В частности, это тезисы о том, что христианин призван любить свое Отечество, патриотизм православного христианина должен быть действенным, проявляться в защите Отечества от неприятеля и труде на благо Отчизны, а национальные чувства не должны порождать агрессивный национализм, ксенофобию, национальную исключительность и межэтническую вражду [6].

Предложив российскому обществу базирующуюся на традиционных ценностях целостную и многоступенчатую систему идентичностей [7, с. 22], включающую в себя этническую, общегражданскую и цивилизационную составляющую, Всемирный русский собор сформулировал свой ответ на вызовы идентификационного расщепления, порожденные событиями конца 80-х – начала 90-х годов XX века

Благодаря этому Русская православная церковь в 90-х годах XX века в диалоге с общественными активистами, политиками и творческими союзами выработала собственное понимание патриотизма, преемственное по отношению к идеям церковной мысли XIX в. и одновременно содержащее актуальный отклик на реалии общественно-политической жизни одного из самых сложных периодов новейшей истории России.

Ссылки

1. Митрополит Илларион (Алфеев). Патриарх Кирилл. М.: Молодая гвардия, 2019. 463 с.
2. Котькало С. Н. Время отчаяния и надежд // Москва. 2018. № 6. С.161–170.
3. Архив Экспертного центра Всемирного Русского народного собора. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
4. Через духовное обновление к национальному возрождению: Выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Соборах и Соборных слушаниях Всемирного Русского Народного Собора с 1993 по 2012 годы и принятые на них итоговые документы. М., 2012. 235 с.
5. Определение Архиерейского Собора Русской Православной церкви «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время». URL: <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/530460.html> (дата обращения: 12.05.2020).
6. Основы социальной концепции Русской Православной церкви. Раздел II. Церковь и нация. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/ii/> (дата обращения: 10.05.2020)
7. Багдасарян В. Э. Национальная идентичность и проблемы нациестроительства // Национально-культурная идентичность в современной России. Истоки, особенности, перспективы. СПб.: Алетей, 2015. С. 21–43.

On some theoretical aspects of the development history of the national security concept in the 1990s - early 21st century

O. A. Lipatov¹

¹Nizhny Novgorod Institute of international relations and world history of the national research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, 2 Uliyanova str., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

The article considers historical aspects of the use theories, which were used in the formation and understanding of the concept of national security of the Russian Federation. The article analyzes the influence of theories of human security and rational choice on approaches to ensuring national security in Russia. Changes in their signification are explained.

Keywords: national security; national security conception; human security; rational choice theory

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lipatov, Oleg A. | E-mail: helgardlinden@yandex.ru
Postgraduate

О некоторых теоретических аспектах истории развития концепции национальной безопасности в 90-е годы XX – начала XXI века

О. А. Липатов¹

¹Нижегородский институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация

УДК 947(47):34
Научная статья

В статье рассматриваются исторические аспекты применения теорий, положения которых использовались в процессе становления и осмысления концепции национальной безопасности Российской Федерации. Проводится анализ влияния теорий человеческой безопасности и «рационального выбора» на подходы к обеспечению национальной безопасности в России. Обосновываются изменения их значения.

Ключевые слова: национальная безопасность; концепция национальной безопасности; человеческая безопасность; теория рационального выбора

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липатов, Олег Анатольевич | E-mail: helgardlinden@yandex.ru
Аспирант

В начале 90-х гг. XX века, после окончания «холодной войны», появилась необходимость новой концептуальной модели ведения политики, осуществляемой в отношениях с государствами англо-саксонского мира, в отсутствие глобального «противника». Российскому государству предстояло определить парадигму новой политической реальности. После исчезновения СССР сформировалась потребность определения внешнеполитических приоритетов и концептуальных основ для понимания угроз безопасности. Формирование нового законодательства базировалось на первостепенной значимости прав личности, положениях человеческой безопасности, либерально-демократических ценностях.

Исторически концепция человеческой безопасности начинает складываться и оформляться в 50–90 гг. XX в. и своего расцвета достигает к началу деструктивных процессов в СССР. Вопросы, касающиеся ее обеспечения, рассматривались в работах К. Буса, У. Джонса, Р. Кокса, Л. Рид, С. Смита, М. Техранян и других [1, с. 64–66], а положения и установки позволяли под видом защиты личности через механиз-

мы международного права вмешиваться в дела суверенных государств. Разработка данной концепции реализована в США [2].

В законодательстве России в начале 1990-х гг. примат положений человеческой безопасности существенно сужал полномочия силового блока органов исполнительной власти, чей авторитет был подорван либерально ангажированной информационной политикой [3, с. 378–380]. Не помогла концепция и в решении проблем сепаратизма и сохранения территориальной целостности в ходе операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994–1996 гг. [4, с. 105–106].

Процесс поиска концептуальных основ обеспечения безопасности в законодательстве дал сильный крен в сторону гуманистической составляющей. Это может быть объяснено тем, что в общественном сознании был сформирован образ подавления прав человека в условиях исторической реальности социалистического строя и доминирования общественного над частным, а инструменты пропаганды социализма в период поздней перестройки преврати-

© Липатов О. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

лись в средства дезориентации и дезинтеграции советского общества [5, с. 437–438]. Идеи человеческой безопасности с ее гипертрофированными принципами превосходства личного над общественным были противоречивы и диаметрально противоположны на формально логическом уровне, позволяли избавиться от наследия советского «тоталитарного» прошлого путем перехода от общественных ценностей к индивидуальным. С начала XXI века в Российской Федерации постепенно происходит пересмотр концепции защиты прав человека и понимание того, что эффективность применения концептуальных положений человеческой безопасности зависит от того, насколько то или иное государство или международная организация будут способны применять их на практике [6, с. 171].

Вместе с изменением отношения к западной науке теория безопасности вместо класса как основного гегемона в политике также обращается к личности. Исходя из классификаций потребностей личности, сформулированных А. Маслоу [7], К. П. Альдерфером [8], Д. Мак Клеllandом [9], Ф. И. Херцбергом [10] личная (экзистенциальная) безопасность является базисной потребностью и мотивом. Системное изучение нужд человека убеждает в том, что совокупность сформировавшихся потребностей определяет его рациональное целеполагание, выбор и деятельность, в том числе по отношению к проводимой государством политике в сфере обеспечения безопасности.

Теория рационального выбора в качестве обоснования политического курса или позиции по вопросам международных отношений в истории России начинает приобретать актуальность только с относительно недавнего времени [11, с. 47–48]. Подобного рода изменения происходят по причине осознания внешнеполитического интереса, базирующегося прежде всего на потребностях крупных государственных корпораций и частных компаний, нуждающихся в государственной поддержке своих экономических интересов.

В начале 90-х гг. XX века не был решен однозначно вопрос о том, какие именно политические силы получают контроль над возникающими государственными корпорациями, ориентированными на интеграцию в мировую экономику или на ведение самостоятельной экономической политики. Процесс первоначального накопления капитала в образовавшейся Россий-

ской Федерации быстрее шел в крупных отраслях экономики (добывающая промышленность, транспорт, энергоснабжение) и имел свои особенности, выражавшиеся в таком поведении возникающего крупного бизнеса, как избыточное потребление, вывоз капиталов за рубеж, сокращение объемов производственного капитала [12, с. 290–291]. В начале XXI века ситуация начинает меняться, что во многом было вызвано необходимостью противодействия транснациональному терроризму, ставшему одним из радикальных средств геополитики Запада, продемонстрированному в Ираке в 2003–2004 годах, в Ливии и Сирии с 2011 года и по настоящее время. Вызывает обеспокоенность политического руководства страны продолжающаяся жесткая провокационная угрожающая риторика в отношении Ирана, Северной Кореи, Китая. Реальную угрозу военной и пограничной безопасности России представляют события начала XX века в государствах, находящихся в зоне непосредственных интересов Российской Федерации. В частности, агрессия в Грузии на российский миротворческий контингент и мирное население в Южной Осетии в августе 2008 года [13], эскалация антироссийских настроений в странах Балтии и на Украине [14], а также в других лимитрофах. Последствия указанных событий в военной, политической и экономической сферах российское государство смогло правильно оценить только в настоящее время. События в Ираке 1990–1991 гг. и Югославии в 1999 г. были оставлены без должного внимания со стороны России. В итоге были потеряны возможности для извлечения экономических выгод от совместных проектов, например от разработки месторождений Западной Курны со стоимостью контракта 630 млн долларов на тот период времени [15] и ослаблены позиции России в сфере влияния на страны Персидского залива.

Современные события в Сирийской Арабской Республике показывают принципиально иную реакцию России, причем не только по уровню активности, но и по ее эффективности, демонстрируя тренд на переход к «языку выгоды» во внешнеполитических отношениях, что, собственно, и является проявлением практического применения положений теории «рационального выбора». Другим отраженным в нормативной деятельности исполнительной власти показателем указанного перехода является принятие Стратегии национальной безопасности [16] взамен Кон-

цепции национальной безопасности [17]. Если Концепция как документ отражала, помимо анализа обстановки, наиболее общие элементы, связанные с обеспечением безопасности, в частности угрозы [17, Р. III], и национальные интересы [17, Р. II], то Стратегия национальной безопасности добавляет категориальный аппарат [16, ст. 6], прогнозирование развития международной ситуации [16, Р. II], долгосрочность националь-

ных интересов [16, ст. 21] и критерии состояния национальной безопасности [16, ст. 112;18].

Таким образом, значимость положений теории человеческой безопасности и связанные с ними либеральные ценности объективно так и не приобрели практической значимости. Теория «рационального выбора» постепенно берется на вооружение при необходимости обоснования управленческой государственной деятельности с позиции выгоды.

Ссылки

1. Асташин В. В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2. С. 63–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-podhody-k-problemam-bezopasnosti-v-mezhdunarodnyh-issledovaniyah-kontsepsiya-chelovecheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 17.05.2020).
2. Стратегия Национальной Безопасности США (15 февраля 2015 г.) URL: <http://politinform.su/pervaya-polosa/18245-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-ssha-polnyu-tekst.html> (дата обращения: 20.05.2020).
3. Хлобустов О. М. КГБ СССР, 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М.: Аква-терм 2012. 656 с.
4. Цветкова В. Ф. Первая чеченская кампания (1994–1996): хроника локального конфликта // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 102–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-chechenskaya-kampaniya-1994-1996-hronika-lokalnogo-konflikta> (дата обращения: 09.05.2020).
5. Вилков А. А., Пивоваров В. А. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Известия Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 432–438. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskiy-faktor-dezorientatsii-i-raskola-sovetskogo-obschestva-i-raspada-sssr> (дата обращения: 09.05.2020).
6. Рожкова Л. В., Колодяжная Д. И. Гуманитарная интервенция в мировой политике // Вестник ПензГУ. 2018. № 1 (21) С. 168–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-interventsiya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 10.02.2020).
7. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. М.: Питер, 2013. 351 с.
8. Alderfer C. P. Existence, Relatedness, and Growth; Human Needs in Organizational Settings. NY: Free Press, 1972. 198 p.
9. Маклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
10. Херцберг Ф. И., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 126–129.
11. Окунев И. Ю. Внешняя политика для большинства? Новое измерение геополитического кода России // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 2. С. 40–48.
12. Гулин К. А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6 (12). С. 276–291.
13. Цыганок А. Д. Россия на Южном Кавказе: грузино-осетинская война, 8–13 августа 2008 г. М.: АИРО-XXI, 2010. 328 с.
14. Селиванов А. О причинах антироссийских настроений в Западной Украине, Прибалтике, Польше: психология лимитрофности пограничных государств // Политическое образование. Информационно-аналитический журнал. URL: <http://lawinrussia.ru/content/o-prichinah-antirossiyskih-nastroeniy-v-zapadnoy-ukraine-pribaltike-polshe-psiologiya> (дата обращения: 20.05.2020).
15. Славкина М. Высокий класс: история нефтяных проектов СССР на Ближнем Востоке. URL: <https://nangs.org/news/business/vysokij-klass-istoriya-neftyanykh-proektov-sssr-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 20.05.2020).
16. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Technology for preventing destructive attacks legal conflicts

V. N. Kartashov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article discusses the concepts and some problems of changing the subjective attitude to the pre-conflict situation, tactics of influencing the behavior of opponents, the role of strategy in preventing their activities, and the legal basis of the technology for preventing legal conflicts.

Keywords: technology; prevention; legal conflicts; objects; subjects; tactics; strategy; efficiency

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kartashov, Vladimir N. | E-mail: kartazov@uniyar.ac.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: RFBR, Project 18-011-01095.

Технология предупреждения деструктивных юридических конфликтов

В. Н. Карташов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 240.12

Научная статья

В статье рассматриваются понятия и некоторые проблемы изменения субъективного отношения к предконфликтной ситуации, тактики воздействия на поведение оппонентов, роль стратегии в профилактике их деятельности, правовые основы технологии предупреждения юридических конфликтов.

Ключевые слова: технология; профилактика; юридические конфликты; объекты; субъекты; тактика; стратегия; эффективность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карташов, Владимир Николаевич | E-mail: labarum-ar@yandex.ru
Доктор юридических наук, профессор

Финансирование: РФФИ, проект № 18-011-01095.

В отечественных и зарубежных гуманитарных и юридических науках существуют различные подходы к предупреждению и разрешению социальных и юридических конфликтов. Наиболее предпочтительным, как показывает анализ теоретических и эмпирических источников, является исследование указанных проблем в рамках соответствующих технологий.

В отечественной литературе существуют некоторые особенности в определениях технологий предупреждения деструктивных социальных и юридических конфликтов. Так, А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов формулируют следующую дефиницию: «Технология предупреждения конфликтов есть совокупность знаний о способах, средствах, приёмах воздействия на предконфликтную ситуацию, а также последовательность действий оппонентов

и третьих лиц, в результате которых разрешаются возникшие противоречия» [1, с. 408]. Не вдаваясь в критический анализ данной дефиниции, отметим, что в гуманитарных науках это, пожалуй, первая попытка исследовать данную проблему в технологическом ракурсе.

Более точное определение понятия «технология предупреждения юридического конфликта» даёт представительница ярославской юридической школы теоретиков права С. В. Судакова. Она пишет: «Это научно-обоснованная система средств (техника), способов и методов (тактика), принципов, планов и прогнозов (стратегия) в практической деятельности компетентных субъектов и участников, направленная на устранение причин потенциальных юридических конфликтов и иных явлений, их порождающих» [2, с. 8].

Кратко рассмотрим отдельные элементы логической структуры технологии предупреждения юридических конфликтов (далее – ЮК).

В первую очередь очень важно установить *объект (предмет)* предупреждения ЮК. Т. В. Худойкина полагает, что объектом конфликтогенного юридического поведения является «совокупность общественных отношений, под которыми стоит понимать определённые связи между людьми (субъектами отношений), складывающиеся в процессе их совместной деятельности по поводу предупреждения конфликтов путём разработки и осуществления мероприятий экономического, социального, политического, организационно-управленческого характера, направленных на устранение причин и условий конфликтности» [3, с. 270].

К. П. Ермакова и М. В. Залоило считают, что объектами предупреждения являются противоречия, вызывающие определённые проблемные ситуации, которые могут породить юридические конфликты. По их мнению, «противоречие, выражаемое в проблеме, суть причина возможного конфликта» [4, с. 148].

Отечественные и зарубежные психологи пишут, что в профилактике любых конфликтов существенную роль играет человеческий фактор. По их мнению, предупредить конкретный конфликт можно, во-первых, изменяя своё субъективное отношение и поведение в предконфликтной ситуации; во-вторых, используя соответствующие способы и методы воздействия на контрсубъектов; в-третьих, применяя конструктивную, щадящую критику деятельности оппонентов в проблемной ситуации [1, с. 408–424; 109, с. 206–351, 363–375].

Изменение **своего субъективного отношения и поведения** в предконфликтной ситуации выражается в следующем: а) умении установить, что ситуация стала предконфликтной и «вернуться» из этой ситуации к нормальному взаимодействию; б) стремлении правильно понять позицию оппонента; в) терпимости к мнению контрсубъектов; г) снижении своей агрессивности в деятельности; д) умении оценивать своё актуальное психическое состояние, управлять им, вытеснять негативные установки; е) готовности к неконфликтному решению возникающих проблем

путём сотрудничества и компромисса; ж) необходимости проявлять искреннюю заинтересованность в партнёре по общению, стремлении понять его; з) необходимости просчитывать не только позитивные, но и негативные варианты развития событий и быть готовым к ним; и) стремлении вырабатывать в себе конфликтостойчивость, т. е. способность сохранять конструктивные формы взаимодействия с людьми, вопреки влиянию конфликтогенных факторов.

К основным **тактическим приёмам, способам и методам воздействия на поведение оппонента** нужно отнести следующие: а) его умение оценивать психическое состояние (этому способствуют знания законов невербальной передачи информации путём мимики, жестов, позы, движений и т. д.); б) избегать обсуждения острых проблем, если существует вероятность в агрессивной реакции с его стороны; в) учитывать разнообразные способности, умения, навыки и пр. контрсубъектов к различным видам деятельности; г) не стремиться оперативно и радикально переубедить оппонента; д) стараться своевременно получить правдивую информацию об ущемлении ваших прав, свобод и иных элементов статуса; е) заблаговременно информировать ваших оппонентов о принимаемых решениях, затрагивающих их интересы; ж) не перебивать контрсубъекта в процессе обсуждения острых вопросов, дать ему возможность выговориться, не одергивая его; з) следует занимать достаточно твёрдую позицию, защищая свои интересы, и мягко, но упорно доводить её до оппонента; и) не расширять сферу противодействия с оппонентом, не увеличивать число обсуждаемых проблем, не критиковать личные качества партнёра по общению; к) установить не официальный, а неформальный контакт с оппонентом, не пытаться достаточно жёстко разоблачать его некомпетентность и неграмотно принятые решения.

Многие авторы отмечают, что к конфликтам нередко приводят **критические высказывания руководителя по отношению к членам трудового коллектива, замечания коллег по работе, членов семьи и иных социальных групп и общностей**. Психологи отмечают, чтобы критика была неконфликтной и конструктивной, нужно знать структуру,

содержание, формы, виды, приёмы и способы такой критики, уметь самому воспринимать критические замечания в свой адрес. Считается, что основными видами психокоррекции конфликтного поведения являются: «социально-психологический тренинг; индивидуально-психологическое консультирование; аутогенная тренировка; посредническая деятельность психолога (социального работника); самоанализ конфликтного поведения» [1, с. 17–424].

Стратегия предупреждения конфликтов заключается прежде всего в их прогнозировании, т. е. в обоснованном предположении об их возникновении и развитии. Нужно таким образом организовать жизнедеятельность людей, которая исключала бы или сводила к минимуму вероятность возникновения конфликтов между индивидами, их социальными группами и коллективами. В этом плане необходимо создание социально-психологических предпосылок и условий, препятствующих появлению предконфликтной ситуации, а также устранению личностных и иных (материальных, технических, организационных, финансовых и пр.) причин социальных и юридических конфликтов [1, с. 398–407].

Субъектами предупреждения (профилактики) конфликтной юридической деятельности (далее – КЮД) являются: а) сами оппоненты и «группы их поддержки»; б) федеральные представительные органы; в) федеральные органы исполнительной власти; г) органы российской прокуратуры; д) все подразделения ФСБ России; е) следственные органы Следственного комитета РФ; ж) органы государственной власти субъектов Федерации; з) органы местного самоуправления; и) негосударственные организации и учреждения, в том числе общественные объединения; к) российские граждане, иностранцы (граждане и подданные иных государств), лица без гражданства, мигранты и другие.

Правовые основы предупреждения КЮД составляют положения Конституции РФ, международные договоры и иные акты России, федеральные конституционные законы и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые

акты субъектов Федерации, муниципальные правовые акты, правовые акты общественных организаций и других негосударственных органов. Особое внимание хотелось бы обратить на два нормативных правовых акта: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [5] и Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп.), статьи 22 и 66 Федерального закона от 27.06.2018 № 170-ФЗ (с изм. и доп.) «Об образовании в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РСФСР и Российской Федерации» [6]. Отдельные нормативно-правовые предписания, закреплённые в указанных актах, имеют существенное значение не только для профилактики правонарушений, но и для предупреждения КЮД.

Например, основные задачи профилактики правонарушений (ст. 6 ФЗ №182) с определённой корректировкой можно использовать и в превенции КЮД. Предупреждение юридических конфликтов осуществляется по таким основным направлениям:

- юридическая защита людей, их коллективов, организаций от контрсубъектов КЮД;
- профилактика правонарушений (ЮК перерастают порой в преступную и иную правонарушительную деятельность);
- охрана законности, общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и других массовых мероприятий;
- контроль за деятельностью мигрантов во всех регионах России;
- предупреждение КЮД и других антиобщественных действий несовершеннолетних;
- противодействие национальной нетерпимости, перерастающей довольно часто в КЮД;
- минимизация проявлений ЮК и их последствий в случаях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- повышение уровня юридической грамотности, правосознания и правовой культуры граждан и должностных лиц.

Полномочия всех государственных и негосударственных органов в сфере профилактики КЮД определяются соответствующими нормативными правовыми актами (например, федеральными законами «О прокуратуре Российской Федерации», «О Следственном комитете РФ», «О федеральной службе безопасности», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и другими федеральными законами и нормативными правовыми актами в пределах своей компетенции).

К мерам профилактического воздействия на *участников КЮД* можно отнести следующие:

- правовое просвещение, правовое информирование;
- профилактическая беседа;
- объявление официального предостережения о недопустимости конфликтогенного либо иного антиобщественного поведения (например, в соответствии со ст. 13.1. ФЗ от 03.04.1995 №40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [в ред. от 07.03.2018] указанные органы могут выносить официальные представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности РФ и предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения ЮК, преступлений и иных правонарушений по конкретным вопросам, которые отнесены законодательством России к компетенции федеральной службы безопасности);
- помощь людям, их коллективам и организациям, пострадавшим от КЮД.

К эффективным мерам по предупреждению ЮК и устранению их причин, по мнению современных учёных-юристов, являются также следующие:

1. Повышение научного характера федерального, регионального, локального и корпоративного правотворчества [4, с. 137 и след.];

2. Предотвращению ЮК служит правовое регулирование и прогнозирование эффективности проектируемого нормативного правового акта. Здесь также не обойтись без серьёзных научных исследований, поскольку нужно иметь «систематизированные данные о различных видах конфликтов.

Данные включают полное описание модели конфликтной ситуации: предметная область или сущность конфликта, структурные компоненты конфликта, функции, пространственные и временные границы, стадии развития и степени интенсивности противоречия. После составления описательных моделей теории и практики конфликтологии подготавливают объяснительные модели конфликтов» [4, с. 137, 150];

3. Превенция КЮД достигается за счёт высокого качества законов и иных нормативных правовых актов, их внутренней согласованности и сбалансированности в системе права. Современная тенденция развития российской правовой системы, в том числе законодательства, характеризуется огромным массивом нормативных правовых актов разного уровня, нарастанием темпов, вносимых в него изменений, нестабильностью и существенной энтропией в правовом пространстве.

О наличии в Российской Федерации юридических и иных социальных дисбалансов образно пишет Е. Г. Слущкий: «Наиболее острыми для России проблемами («общества риска»), по мнению западных аналитиков, являются дисбалансы, сформировавшие как в советское время, так и в результате перестройки (1985 г.) и последующего (с 1992 г.) реформирования общество методом проб и ошибок. Первый дисбаланс вытекает из особенностей самого реформирования Евразийской державы, где проживает население с постсоветским менталитетом, строится американский капитализм, действует французская конституция, немецкая налоговая система и элементы социальной защиты, используемой в Швеции и Канаде. Именно этот дисбаланс делает российский социум крайне сложным и мозаичным, со всеми вытекающими отсюда минусами, которые определяют экономическое, политическое и социокультурное поведение населения, а значит, и его психологическую готовность к инновациям и нововведениям» [7, с. 25]. Противоречие между огромным природно-ресурсным, а также территориальным потенциалом и относительно низким количественным и качественным выражением человеческих ресурсов не позволяет эффективно реализовать богатейшие стартовые возможности нашей страны [8, с. 9]. Всё это сказывается на конфликто-

генности российского общества, на механизмы предупреждения юридических и иных социальных конфликтов;

4. Эффективности технологии предупреждения КЮД, безусловно, «мешает» нестабильная правосистематизирующая практика (учёт нормативных правовых актов, их инкорпорация, консолидация и кодификация). Хаос в этой разновидности юридической практики ведёт к дальнейшей дестабилизации гражданского общества, его правовой системы, способствует возникновению и развитию юридических и социальных конфликтов, снижает эффективность технологий предупреждения деструктивных противоречий в обществе;

5. Профилактике КЮД могли бы способствовать более тесные связи между правотворческой и правоприменительной практикой и реализацией Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 653 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [9].

Самостоятельного исследования требует проблема, связанная с эффективной реализацией предупреждения международных юридических и иных конфликтов. Многочисленные публикации по отдельным аспектам данной проблемы требуют систематизации и обобщения, дальнейшего научного поиска и разработки соответствующих научных и методических рекомендаций.

В заключение следует отметить, что постоянно повторяющиеся мировые кризисы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человечества во всех странах, требуют консолидации усилий учёных и практиков различных специальностей, направленных на минимизацию конфликтогенных факторов (форм, уровней, носителей и пр.) и повышение эффективности деятельности по предупреждению юридических и иных конфликтов.

Ссылки

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. М., 1999. 551 с.
2. Судакова С. В. Технология предупреждения юридических конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 28 с.
3. Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения конфликта. Саранск, 2001. 365 с.
4. Юридический конфликт: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2017. 312 с.
5. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2019).
6. Федеральный закон от 27.06.2018 № 170-ФЗ (с изм. и доп.) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», статьи 22 и 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РСФСР и Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2019).
7. Слуцкий Е. Г. Наука и проблема молодёжи. Регион Россия: проблемы дисбалансов в «обществе риска» и ювинальная политика // Вопросы ювинальной юстиции. 2007. № 1. С. 23–29.
8. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): монография. Саратов, 2015. 472 с.
9. Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 653 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 21, с. 2930.

Bribery of an arbitrator (art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of improving the law

A. V. Ivanchin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the problems of improving art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation bribery of an arbitrator, which entered into force on November 7, 2020. The introduction of this norm into the Criminal Code of the Russian Federation is assessed by the author positively, but, at the same time, attention is drawn to a number of its shortcomings. In particular, unification in Art. 200.7 actions of different levels of danger (receiving bribery and transferring it), lack of independent criminalization of mediation in bribery of an arbitrator, flaws in differentiating responsibility for a given crime, etc. The article, in order de lege ferenda, suggests ways of solving the problems.

Keywords: The Criminal Code of the Russian Federation; bribe; arbitrator; criminalization; public danger; mediation; differentiation of responsibility; improvement

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
| Doc. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: RHSE, Project 17-03-00682.

Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): проблемы совершенствования закона

А. В. Иванчин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.232
Научная статья

В статье анализируются проблемы совершенствования ст. 200.7 УК РФ о подкупе арбитра (третейского судьи), вступившей в силу 7 ноября 2020 г. Введение в УК РФ данной нормы оценивается автором положительно, но вместе с тем обращается внимание на ряд ее недостатков. В частности, критикуется объединение в ст. 200.7 разных по уровню опасности деяний (получение подкупа и его передача), отсутствие самостоятельной криминализации посредничества в подкупе арбитра (третейского судьи), изъяны дифференциации ответственности за данное преступление и т. д. В статье в порядке *de lege ferenda* предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: УК РФ; подкуп; арбитра; третейский судья; криминализация; общественная опасность; посредничество; дифференциация ответственности; совершенствование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
| Доктор юридических наук, профессор

Финансирование: РГНФ, проект № 17-03-00682.

27 октября 2020 г. Президент России подписал Федеральный закон № 352-ФЗ, который вступил в силу 7 ноября 2020 г. Данным законом Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ, УК) дополнен ст. 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)» (далее – «арбитра»). Появление в УК этой нормы заслуживает одобрения: криминализация подкупа арбитра обусловлена необходимостью выполнения Россией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., дополнительных протоколов к ней и реко-

мендаций ГРЕКО; устранен реально существующий пробел в УК РФ. Добавим также, что общественная опасность коррупционного поведения арбитров очевидна с учетом значимости выносимых ими решений (в силу закона они обязательны, подлежат немедленному исполнению, служат основанием к выдаче исполнительного листа и т. д. [1]).

В частях 1–4 ст. 200.7 предусмотрена ответственность за подкуп арбитра, а в частях 5–8 – за получение им материальной выгоды. Нетрудно видеть, что при постро-

ении данной нормы законодатель в качестве образца использовал ст. 204 УК о коммерческом подкупе. В итоге диспозиции ст. 200.7 УК идентичны диспозициям ст. 204, за исключением описания субъекта-получателя: вместо управленца здесь фигурирует арбитр. Санкции же указанных статей по содержанию и вовсе тождественны друг другу.

Несмотря на то что ст. 200.7 является новеллой, только что введенной в УК, считаем оправданной постановку вопроса о ее совершенствовании. Во-первых, будучи генетически взаимосвязанной со ст. 204 УК, она «унаследовала» не только ее достоинства, но и недостатки. Во-вторых, ряд решений законодателя в ст. 200.7 сам по себе представляется небесспорным.

Итак, с учетом ограниченного лимита настоящей публикации, в сжатом виде обозначим дефекты ст. 200.7 УК (возможно, кажущиеся) и наметим пути их устранения.

1. О необходимости разделения ст. 200.7 УК на две нормы: о получении арбитром предмета подкупа и передаче ему предмета подкупа. Из теории законодательной техники хорошо известно, что один вид преступного поведения (и при необходимости его разновидностей), по общему правилу, должен быть регламентирован в отдельной статье УК. В нашем же случае законодатель, повторяя свои же ошибки, допущенные в ст. 184, 204, 200.5 УК и т.п. и не раз критиковавшиеся в доктрине, в ст. 200.7 зафиксировал два хотя и взаимосвязанных, но разных вида преступления: получение и передачу предмета подкупа. Подобное объединение разных деяний в одной норме было бы оправдано, если бы совпала степень их опасности (как, например, в статьях о мелком коммерческом подкупе или мелком взяточничестве). Но в ст. 200.7, судя по ее санкциям, мы имеем дело с иной ситуацией, поэтому напрашивается ее разделение на две нормы. Тем самым будут рельефно обозначены и различия в уголовно-

но-правовых режимах между получателем (арбитром) и «дателем» (общим субъектом): разная степень опасности и наказуемости их деяний, возможность специального освобождения последнего и т. д.

2. Об отсутствии системности в криминализации посредничества в коррупции. К сожалению, бессистемность отечественного уголовного правотворчества, ставшая поистине притчей во языцех, проявилась и в труднообъяснимых различиях подходов законодателя к оценке действий посредника в передаче незаконного вознаграждения. Так, посредничеству в коммерческом подкупе и взяточничестве посвящены самостоятельные статьи УК РФ, причем порог наказуемости установлен в значительном размере, т. е. превышающем 25 тыс. руб. (ст. 204.1, 291.1). Посредничество в совершении деяния, предусмотренного ст. 184 УК, обрисовано в этой же статье, причем в одной ее части (ч. 5). Статья же 200.5 о подкупе работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, так же как и ст. 200.7, не снабжена нормой-спутником, ориентированной на посредника. Оставляя в стороне давний спор о том, целесообразна ли самостоятельная криминализация поведения посредника (сомнений здесь хоть отбавляй), отметим, что приведенная разногласия в подходах законодателя не имеет ничего общего как с требованием системности законодательства, так и с принципом справедливости (ст. 6 УК).

Действительно, в отличие от «материнской» нормы (ст. 204 УК) и ее спутницы (ст. 204.1), действия посредника в передаче вознаграждения арбитру будут оцениваться по ч. 1–4 или же ч. 5–8 ст. 200.7 в зависимости от того, на чьей стороне коррупционной сделки он выступал. Соответственно, наказание пособника получателю будет выше, нежели посредника со стороны «дателя». Кроме того, по ст. 200.7 уголовно

наказуемо посредничество, независимо от размера вознаграждения, в то время как по ст. 204.1 (равно как и по ст. 291.1) – только, если сумма превышает 25 тыс. руб. Для устранения этих неоправданных различий в наказуемости посредничества в коррупции необходимо либо дополнять УК нормой о посредничестве в подкупе арбитров, либо возвращаться к первоначальной модели УК и ликвидировать отдельные статьи о посредничестве (к сожалению, последний вариант хотя и логичен, но вряд ли реалистичен в силу рекомендаций ГРЕКО о самостоятельной криминализации посредничества).

3. *О дефектах дифференциации ответственности за подкуп арбитров (отсутствие пониженной ответственности за мелкий подкуп и т. д.).* Дифференциация уголовной ответственности за разные по уровню общественной опасности преступления, в том числе коррупционной направленности, давно и обоснованно признается одним из приоритетов отечественной уголовной политики. Соответственно, изъяны дифференциации (ее непоследовательность, бессистемность и т. д.) являются серьезным браком в работе законодателя. К сожалению, без них не обошлось и при проектировании ст. 200.7 УК.

Во-первых, после появления в УК РФ норм о мелком коммерческом подкупе (ст. 204.2) и мелком взяточничестве (ст. 291.2), которые заметно углубили дифференциацию ответственности в зависимости от размера незаконного вознаграждения, при разработке новых норм о даче-получении предмета подкупа, в целях обеспечения системности правотворчества, следовало установить пониженную ответственность за мелкий подкуп. Однако в ст. 200.7 УК, как мы видим, этого не сделано, что автоматически влечет диспропорции и даже своего рода курьезы в наказуемости родственных видов коррупционного поведения. Так, с учетом анализа санкций

ст. 290 УК очевидна повышенная опасность взяточничества в сравнении с подкупом арбитра. В то же время получение должностным лицом мелкой взятки (не более 10 тыс. руб.) наказуемо по ч. 1 ст. 291.2 УК до 1 года лишения свободы, даже в составе группы лиц по предварительному сговору или с вымогательством мелкой взятки. Получение же арбитром такого же вознаграждения наказуемо по ч. 5 ст. 200.7 УК до 3 лет, а в составе группы или с вымогательством – до 9 (!) лет, то есть мелкий подкуп арбитра наказывается строже мелкого взяточничества от 3 до 9 раз... И это, несмотря на общепризнано большую опасность взяточничества. Явная несуразица, а причина – в игнорировании законодателем требования системности.

Здесь, боясь быть неправильно понятыми, хотели бы особо оговориться, что мы всецело разделяем государственную политику самой решительной и непримиримой (по крайней мере, как это декларируется) борьбы с коррупцией. Но при этом вряд ли кто-то осмелится спорить с тем, что даже самая бескомпромиссная борьба должна быть системной, последовательной и справедливой. Поэтому следует резко критически оценивать случаи, когда по воле законодателя менее опасная форма коррупции (в частном секторе) влечет в девять (!) раз более строгое наказание, нежели наиболее опасная коррупция (в государственном секторе). Соответственно, для исправления ситуации в рассматриваемом нами случае (ст. 200.7 УК) в законе необходимо предусмотреть пониженную ответственность за мелкий подкуп арбитров.

Во-вторых, имеются резервы по оптимизации ст. 200.7 в части использования квалифицирующих признаков. К сожалению, мы живем в то интересное время, когда слова, произносимые с высоких трибун, далеко не всегда совпадают с делами. Сколь много правильных речей сказано о необходимости учитывать в законопро-

ектной работе научные разработки, при совершенствовании закона опираться на общепризнанные положения правовой теории и т. д., а «воз и ныне там». Вот и о том, как системно (ступенчато, последовательно) использовать в законе квалифицирующие признаки, в доктрине дано, как известно, немало мудрых рекомендаций [2, с. 142–147; 3, с. 134–162], но, к большому сожалению, законодатель зачастую глух к ним.

В этом плане применительно к ст. 200.7 в первую очередь вызывает недоумение приращение тождественного дифференцирующего значения признакам группы лиц по предварительному сговору и организованной группой (в ч. 3 и ч. 7). Каждому из этих видов преступных групп по определению присущ разный «заряд» общественной опасности. Легко спрогнозировать, что подкуп арбитров, действующих в составе ОПГ, будет эксклюзивом в следственно-судебной практике и здесь действительно имеются все основания для возложения на виновных более сурового наказания в сравнении с обычной группой. При этом в ст. 200.7 имеется большой простор для дифференциации ответственности в зависимости от вида преступной группы, так как за каждую форму преступного поведения (передачу-получение предмета подкупа) ответственность глубоко градуирована (в четырех частях статьи). Отсюда буквально напрашивается ступенчатое использование анализируемого признака: в частях 2, 6 ст. 200.7 указание на передачу-получение предмета подкупа группой лиц по предварительному сговору (наряду с признаком значительного размера), а в частях 3, 7 – на совершение данных деяний организованной группой.

4. О явном отставании показателей размеров подкупа арбитра (значительного, крупного, особо крупного) от социально-экономических реалий. Согласно примечанию 1 к ст. 200.7 указанные размеры составляют суммы, превышающие, соответственно, 25 тыс., 150 тыс. и 1 млн руб.

Напомним, что впервые крупный размер незаконного вознаграждения как сумма свыше 150 тыс. руб. был определен применительно к составам получения и дачи взятки в 2003 г. В 2011 г. дифференцирующее значение размера взятки было усилено путем дополнения закона понятием значительного и особо крупного размеров, показатели которых были определены в сумме свыше 25 тыс. и 1 млн руб. Затем данные величины были взяты за основу в процессе модификации ст. 204 УК РФ. Наконец, эти же показатели были использованы и при проектировании ст. 200.7 УК. Таким образом, величина крупного размера не менялась с 2003 г., а значительного и особо крупного – с 2011 г. Надо добавить, что подобных примеров в УК РФ немало: в частности, в ст. 285.1, 285.2 показатели крупного и особо крупного размеров нецелевых трат остаются неизменными с 2003 г.

Вместе с тем закон, а тем более уголовный должен адекватно отражать социально-экономические реалии. Совершенно очевидно, что 150 тыс. руб. в 2003 г. и 1 млн руб. в 2011 г. и эти же денежные суммы сегодня, в 2020 г., не одно и то же. С тех пор изменилась покупательная способность денег, как минимум уменьшившись на индекс инфляции. Только по официальным данным уровень инфляции за период с 2011 г. по 2020 г. превысил 75 % [4]. Не случайно, кстати, законодатель периодически пересматривает показатели крупного и особо крупного размеров в отдельных статьях УК РФ, например, как неоднократно он делал это в нормах об экономических преступлениях (гл. 22). Опять-таки вызывает сожаление отсутствие должной системности и в этом процессе. В любом случае следует констатировать, что зафиксированные в примечании 1 к ст. 200.7 УК показатели значительного, крупного и особо крупного размеров подкупа арбитра отстали от жизни и, наряду с аналогичными показателями в иных статьях о коррупционных

преступлениях (ст. 204, 290 и др.), требуют корректировки в сторону увеличения.

Завершая, заметим, что ряд вопросов совершенствования ст. 200.7 нами сознательно оставлен «за кадром», поскольку они требуют отдельного повествования (о недопустимости объединения в одном составе подкупа, направленного на обогащение арбитра или его близких, с подкупом

арбитра в пользу сторонних лиц; и др.). Надеемся, что в обозримой перспективе совместными усилиями законодателя и ученых удастся улучшить качество нормы о подкупе арбитров и, как следствие, повысить эффективность противодействия коррупции в сфере третейского разбирательства.

Ссылки

1. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кругликов Л. Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 1982–1999 гг. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 140–149.
3. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 300 с.
4. Инфляция по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/inflyatsiya/> (дата обращения – 07.11.2020).

Labor law technology: concept, structure and industry features

M. V. Lushnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

In the article, the author substantiates the concept of labor law technology, identifies the branch features of law-making labor law technology: systemic construction of labor law norms based on the unity of individual and collective labor law; participation of bodies of social partnership in the formation and implementation of state policy in the field of labor, collective agreement and local rule-making. Freedom of individual and collective contractual regulation, which is limited by peremptory norms and principles of labor law, including the principle of prohibiting the deterioration of the employee's position and collective forms of implementation and protection of labor rights and employers' rights, are classified as the main sectoral characteristics of law enforcement technology. On the basis of theoretical provisions and analysis of judicial practice, proposals de lege ferenda are formulated.

Keywords: legal technique; labor law technique; collective-contractual and local rule-making

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikova, Marina V. | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
| Doc. Sc. (Jurisprudence), Professor

Трудоправовая техника: понятие, структура и отраслевые особенности

М. В. Лушникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 349.2

Научная статья

В статье обоснована авторская концепция трудово-правовой техники, выявлены отраслевые особенности правотворческой трудово-правовой техники: системное построение норм трудового права на основе единства индивидуального и коллективного трудового права; участие органов социально-партнерства в формировании и реализации государственной политики в сфере труда, коллективно-договорное и локальное нормотворчество. К основным отраслевым характеристикам правореализационной трудово-правовой техники отнесены свобода индивидуального и коллективного договорного регулирования, которая ограничена императивными нормами и принципами трудового права, в том числе принципом запрета ухудшения положения работника и коллективные формы реализации и защиты трудовых прав и прав работодателей. На базе теоретических положений и анализа судебной практики сформулированы предложения *de lege ferenda*.

Ключевые слова: юридическая техника; трудово-правовая техника; коллективно-договорное и локальное нормотворчество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушникова, Марина Владимировна | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор

В теории права юридическая техника определяется как совокупность правовых средств (форм) и способов (приемов, методов) для создания и реализации нормативно-правовых предписаний [1–5]. Иными словами, юридическая техника включает правотворческую технику (техника разработки, принятия, систематизации и толкования нормативно-правовых актов о труде) и правореализационную технику (техника правореализационных и правоприменительных актов, контроль за их исполнением и правовой мониторинг правоприменения и эффективности правового регулирования).

Правотворческая техника как совокупность правовых средств и способов обеспечивает нормотворческий процесс от концепции нормативно-правового акта до правового мониторинга его исполнения, измерения эффективности норм права. В свою очередь, правореализационная техника включает интерпретационную, правоприменительную технику, технику индивидуальных правовых актов, договорную технику и др.

Не вдаваясь в дискуссию, на наш взгляд, правовые средства юридической техники представляют собой формы выражения воли законодателя, а способы связаны с прие-

мами и методами, с помощью которых обеспечивается выражение воли работодателя в нормативных правовых актах. В свою очередь, правовые средства и способы юридической техники также можно классифицировать на *нормативные и доктринальные*. Нормативные правовые средства имеют нормативное закрепление и используются в правотворческой и правореализационной практике. Доктринальные – разрабатываются правовой теорией в идеальном виде, являются теоретической основой юридической деятельности.

Между тем, поскольку дискуссионность научных теорий в трудовом праве, как и в любой другой науке, никто не отменял, постольку не исключаются так называемые «концептуальные» законотворческие ошибки. Например, в действующем российском законодательстве нашла закрепление теоретическая конструкция индивидуального трудового спора, обоснованная В. И. Смоларчуком [6, с. 11–12]. В соответствии с этой концепцией выделяются два понятия: неурегулированные разногласия и трудовые споры. Обоснованность такого деления весьма сомнительна. Это деление олицетворяет разные по своей природе явления, поскольку до обращения за разрешением разногласия в компетентные органы спора еще нет, он возникает лишь тогда, когда неурегулированное разногласие разрешается специальным юрисдикционным органом. Попытка провести линию разграничения между разногласиями, разрешаемыми путем непосредственных переговоров сторон трудового правоотношения, и индивидуальными трудовыми спорами, разрешаемыми специальными органами, неизбежно приводит к выводу, что вне специального юрисдикционного (или согласительно-примирительного) органа спора не существует. А коль скоро так, то и законодатель не определяет в нормативном порядке процедуру разрешения конфликта усилиями самих спорящих сторон работника и работодателя без создания или обращения в специальные органы. С оче-

видностью имеет место пробельность в правовом регулировании. Эта позиция законодателя проявилась и в КЗоТ РСФСР 1971 г. (ст. 204), и в ТК РФ (ст. 381).

Существуют общие для всех отраслей права правила и приемы юридической техники, но при этом имеются и специфические правила, характерные только для отдельных его отраслей. В каждой отрасли права юридическая техника имеет свои отраслевые особенности, обусловленные социальным назначением отрасли, предметом и методом правового регулирования [7, с. 676–700]. В этой связи можно вести речь о *трудо-правовой технике*. Юридико-технический, доктринальный инструментарий трудового права, его содержание и структура носят «отраслевую окраску».

Правотворческая трудовая техника. Качество и эффективность любого нормативного правового акта предполагает, во-первых, безупречность его содержания, т. е. нормативный акт должен обеспечить адекватную правовую форму сложившимся общественным отношениям. Во-вторых, безупречное юридическое выражение правовых предписаний (язык закона). Текст закона должен строиться в соответствии с требованиями полноты, точности, завершенности словесного выражения юридических норм, содержания закона [8, с. 100].

К отраслевым особенностям правотворческой техники в трудовом праве, обеспечивающим определенность формы и содержания трудовых норм, на наш взгляд, относятся следующие характеристики:

1. Системное построение норм трудового права на основе единства индивидуального и коллективного трудового права

Каждая отрасль права представляет собой целостное системное образование с внутренней структурой (системой права), первичным элементом которой является норма права. Система трудового права и система трудового законодательства соотносятся как содержание и форма, но они не тожде-

ственны. Традиционным считается выделение в структуре отрасли общей и особенной частей. В настоящее время, в связи с активной позицией законодателя в части внесения дополнений в ТК РФ, раздел XXII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» в теории трудового права выделяют в дополнительный структурный элемент системы трудового права – специальную часть [9, с. 23; 10, с. 135–137]. Таким образом, система трудового права будет включать общую, особенную и специальную части.

Отметим, что на Западе общепринятым является деление на общие положения, коллективное трудовое право и индивидуальное трудовое право. Например, трудовое право Германии имеет следующую систему, отражающую отраслевую специфику: индивидуальное трудовое право, коллективное трудовое право, трудовой процесс (процессуальное трудовое право): *das Individualarbeitsrecht, das Kollektivarbeitsrecht, das Arbeitsgerichtsbarkeit*. Несколько особняком, но в общем русле отраслевой специфики системы трудового права выстроена система трудового права англосаксонской правовой семьи. Она состоит из двух частей: право занятости (*Employment Law*) и трудовое право (*Labour Law*). Право занятости регулирует индивидуальные трудовые отношения между работодателем и работником. Трудовое право опосредует коллективные переговоры между работодателем и работниками по заключению коллективных договоров об оплате труда, рабочем времени и других условиях труда.

Если обратимся к Международной энциклопедии по трудовому праву, то обнаружим следующие структурные элементы: 1) общая часть, в том числе источники трудового права; 2) индивидуальные трудовые отношения (трудовой договор, рабочее время, время отдыха, заработная плата, охрана труда, индивидуальные трудовые споры); 3) коллективные трудовые отношения (профсоюзы, организации работодателей, коллективные

договоры, органы представительства работников на предприятиях, порядок разрешения коллективных трудовых конфликтов, в том числе регулирование стачек). Полагаем, что в структуре ТК РФ в целом просматриваются эти обособленные части следующим образом: общая часть (часть 1), коллективное трудовое право (часть 2, а также главы 58, 61) и индивидуальное трудовое право (части 3, 4, а также главы 56–57, 59, 60, 62 и др.). При некоторой условности такое деление обозначено достаточно четко.

2. Участие органов социального партнерства в формировании и реализации государственной политики в сфере труда (ст. 35.1 ТК РФ)

Указанная отраслевая особенность правообразования в трудовом праве отвечает социальному назначению этой отрасли. Проекты законодательных актов, нормативных правовых и иных актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере труда, а также документы и материалы, необходимые для их обсуждения, направляются на рассмотрение в соответствующие комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (соответствующим профсоюзам (объединениям профсоюзов) и объединениям работодателей). Решения этих комиссий подлежат обязательному рассмотрению федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления, принимающими указанные акты. Но при этом мнение этих комиссий и социальных партнеров носит информационный характер и не более того. Его даже нельзя отнести к рекомендательным нормам по типу «учета мнения».

Следует отметить, что не во всех случаях правотворческого процесса социальные партнеры приходят к консенсусу, тем не менее этот факт далеко не всегда может повлиять на позицию законодателя. Так, в заключение Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов «По проекту

федерального закона № 755304-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации по вопросам принудительного исполнения обязанности работодателя по выплате заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику» указывалось, что сторона Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (далее – РТК), представляющая общероссийские объединения профсоюзов, поддерживает представленный законопроект. Сторона РТК, представляющая общероссийские объединения работодателей, законопроект не поддерживает, полагая, что законодательством уже предусмотрено ускоренное взыскание невыплаченной заработной платы работнику через приказное судебное производство [11].

Полагаем, что такой «неопределенный», аморфный по своей природе результат деятельности комиссий по регулированию социально-трудовых отношений «перечеркивает» значение этой процедуры, сопровождающей нормотворческий процесс. В целях определенного единообразия в подходах к нормотворчеству в трудовом праве следует предусмотреть хотя бы некий аналог процедуры «учета мнения» (ст. 372 ТК РФ). В идеале проблема должна решаться в соответствии с целями, заявленными в ст. 1 ТК РФ: достижение оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, т. е. любой законопроект в сфере труда должен получить одобрение комиссии как органа социального партнерства. Указанные предложения *de lege ferenda* могут быть реализованы в рамках Федерального закона от 01.05.1999 г. № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений».

3. Коллективно-договорное нормотворчество (нормативный характер коллективных договоров и соглашений)

На доктринальном уровне названный признак коллективных договоров и соглашений не вызывает сомнений. Меж-

ду тем ТК РФ (ст. 41) необоснованно сводит содержание коллективного договора к обязательствам, перечисление которых включает названные условия. Такая небрежность нашего законодателя является яркой иллюстрацией концептуальных дефектов кодифицированного акта. Очевидно, что правовая природа коллективно-договорной нормы принципиально отличается от природы договорного обязательства. Коллективно-договорная норма трудового права по своей форме является результатом особого вида правотворчества – договорного правотворчества субъектов (*consensus facit jus* – согласие творит право). Эти нормы принимаются в рамках специальной согласительной процедуры – коллективных переговоров, которые проводятся уполномоченными субъектами, руководствуясь принципами социального партнерства: полномочностью представителей сторон, свободой коллективного договора и равноправным партнерством (ст. 42; 47 ТК РФ) и подлежат уведомительной регистрации.

Согласно ст. 50 ТК РФ в ходе уведомительной регистрации коллективных договоров органы по труду выявляют условия, ухудшающие положение работника по сравнению с законодательством, и сообщают об этом представителям сторон, подписавшим коллективный договор, соглашение, а также в соответствующую государственную инспекцию труда. Условия коллективных договоров и соглашений, ухудшающие положение работников по сравнению с действующим законодательством, недействительны и не подлежат применению. Однако в указанной статье закона не содержится правовой механизм реализации данного положения в том случае, когда стороны не отреагировали на сообщение названных органов по труду и не внесли соответствующих изменений в коллективный договор (соглашение). Остается открытым и вопрос о праве государственной инспекции труда понудить стороны к таким изменениям в коллективном договоре (соглашении).

Информация к сведению. «Отраслевое соглашение по организациям железнодорожного транспорта на 2020–2022 годы» (утв. Российским профсоюзом железнодорожников и транспортных строителей, Советом Общероссийского отраслевого объединения работодателей железнодорожного транспорта):

П. 8.4. В отношении Работников, недобросовестно исполняющих свои обязанности, предоставление отдельных гарантий и льгот, предусмотренных коллективным договором или локальными нормативными актами Организации сверх законодательства Российской Федерации, может быть приостановлено или уменьшен их уровень на определенный период времени. Перечень таких гарантий и льгот, а также порядок реализации такой процедуры определяются коллективным договором или локальными нормативными актами Организации, принятыми с учетом мнения выборного органа соответствующей первичной организации Профсоюза.

П. 8.4 признан недействительным и не подлежащим применению как ухудшающий положение работников по сравнению с трудовым законодательством (Письмо Роструда от 01.10.2019 № 3393-ТЗ «Уведомление о регистрации с выявлением условий отраслевого соглашения, ухудшающих положение работников по сравнению с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права Отраслевого соглашения по организациям железнодорожного транспорта на 2020–2022 годы»)

Уведомительная регистрация коллективных договоров (соглашений) осуществляется не ради самого процесса регистрации, а должна преследовать конкретную цель, связанную с выявлением условий, противоречащих законодательству. На наш взгляд, в данной ситуации органу по труду следует предоставить право приостановить действие условий коллективного договора, соглашения, со-

храня коллективный договор, соглашение в остальной его части. Право приостановления, а не отмены таких условий соответствует уведомительной природе государственной регистрации. Окончательное решение принимают стороны коллективного договора, соглашения. Если согласованного решения в отношении договорного условия, противоречащего закону, не принимается, то любая из сторон вправе обратиться в юрисдикционные органы с заявлением о признании этого условия недействительным. Полагаем, что с точки зрения интересов социальных партнеров предлагаемый механизм уведомительной регистрации взамен существующего несет положительный эффект. Кстати, КЗоТ РСФСР 1922 г предусматривал обязательную регистрацию коллективных договоров. При этом регистрирующему органу предоставлялось право отменять коллективный договор в части, ухудшающей положение рабочих и служащих, в сравнении с действующим законодательством о труде. Отмена отдельных положений коллективного договора не приостанавливала регистрации договора в остальной части, если обе стороны изъявили на то согласие (ст. 21).

4. Локальное нормотворчество с участием представителей работников

Локальные нормы трудового права должны рассматриваться как необходимая и закономерная составляющая отраслевого нормотворчества. В ТК РФ 2001 г. (ст. 8) впервые было дано легальное определение локальных нормативных правовых актов. Однако в части правового регулирования локального нормотворчества ТК РФ «страдает» пробельностью в правовом регулировании [12, с. 7–16; 13, с. 17–24; 14, с. 25–36]. Так, например, ТК РФ не устанавливает перечня обязательных локальных нормативных актов, которые работодатель должен принимать. В этой связи на практике возникают вопросы, например: обязан ли работодатель устанавливать на локальном уровне (локальный нормативный акт, коллективный договор) систему нормирования труда работни-

ков? ТК РФ не содержит на сей счет прямой нормы, обязывающей работодателя принимать локальные нормативные акты, устанавливающие нормы труда для работников. Неопределенность содержания трудового права допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе реализации норм права. В правоприменительной практике проверок, проводимых государственной инспекцией труда, нередко можно встретить предписания, обязывающие работодателя разработать систему нормирования труда в установленный срок. При обращении работодателей в суд результатом являются неоднозначные решения, т. к. судебная практика в этой части противоречива. Одни суды признают правомерным требование инспекции труда, поскольку отсутствие локального акта, устанавливавшего нормы труда, нарушает права работника, так как нормирование труда служит основанием для расчета заработной платы (например, Апелляционное определение Пермского краевого суда от 14.11.2018 по делу № 33А-12142/2018)¹. Другие суды, наоборот, отмечают, что решение по установлению норм труда находится в исключительной компетенции работодателя, а иначе нарушается его право на организационную и хозяйственную самостоятельность и принцип свободы экономической деятельности (Определение судебной коллегии по гражданским делам Ненецкого автономного округа от 30 мая 2017 г. по делу № 33-75/2017).

В этой связи следует остановиться на проблеме отраслевого нормоконтроля в отношении локальных нормативных актов. Результат такого нормоконтроля сформулирован в трудовом законодательстве неоднозначно. В ТК РФ (ст. 8, 9) заявляется о том, что локальные нормативные акты, условия коллективных договоров «...не подлежат применению». В части применения указанных статей закона возникает ряд вопросов, касающихся правового механизма реали-

зации названного последствия. Какие органы наделяются функциями нормоконтроля в отношении названных источников трудового права? Во-первых, очевидно, что к таковым относятся судебные органы в рамках опосредованного (косвенного) нормоконтроля при разрешении конкретного трудового спора. Вопрос о непосредственном (целевом) судебном нормоконтроле локальных нормативных актов решен в отношении тех актов, которые должны приниматься работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ст. 372 ТК РФ). Локальный нормативный акт может быть обжалован выборным органом профсоюзной организации в соответствующую государственную инспекцию труда или в суд. Вероятно, путем расширительного толкования это правило следовало бы распространить и на иные локальные нормативные акты, которые работодатель принимает единолично. Но поскольку ТК РФ не определяет порядок признания локального нормативного акта в целом или в части недействительным, постольку судебная практика идет по пути только косвенного нормоконтроля. Работник свое несогласие с локальным нормативным актом заявляет в рамках конкретного трудового спора, например о взыскании премии. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» отмечается, что локальные нормативные акты о труде, принимаемые, например, на основании статьи 8 Трудового кодекса Российской Федерации статьи 16 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда», не оспариваются в порядке, предусмотренном главой 21 КАС РФ.

Остается открытым и вопрос о юридических последствиях так называемого «неприменения локальных актов». Законодатель предлагает в этом случае применять трудо-

¹ Здесь и далее использована СПС «Консультант-Плюс» (Судебная практика).

вое законодательство и иные нормативные правовые акты, коллективный договор, соглашение (ст. 8 ТК). Между тем на практике эти нормы могут отсутствовать в действующем законодательстве (например, в отношении режимов рабочего времени, минимальных размеров доплат и др.). В отношении КТС как органа нормоконтроля, на наш взгляд, возможен косвенный нормоконтроль при разрешении конкретного трудового спора. Но остается нерешенным вопрос о допустимости целевого нормоконтроля, т. е. обращения в КТС с заявлением о признании локального нормативного акта недействительным, не подлежащим применению. Полагаем, что КТС целесообразно наделить такими полномочиями по целевому нормоконтролю локальных нормативных правовых актов.

В силу особой природы трудового права, основанного на единстве частных и публичных начал в правом регулировании трудовых отношений, следует, по нашему мнению, поставить проблему административного нормоконтроля. Этот нормоконтроль прежде всего связан с деятельностью государственной инспекции труда. Согласно ст. 372 ТК РФ Государственная инспекция труда вправе выдать обязательное для исполнения предписание об отмене локального нормативного акта. Вместе с тем остается пробелом решение вопроса о праве конкретного работника обратиться с жалобой на незаконность локального нормативного акта в органы государственной инспекции. Однако поставленная проблема предполагает законодательное решение путем установления правового механизма реализации данного вида целевого нормоконтроля [15, с. 159–180].

Правореализационная техника в трудовом праве. К отраслевым особенностям правореализационной техники относятся:

1. Свобода индивидуального и коллективного договорного регулирования, которая ограничена императивными нормами и принципами трудового права,

в том числе принципом запрета ухудшения положения работника. Императивные (процедурные) нормы предписывают порядок ведения коллективных переговоров и заключения коллективных договоров и соглашений, порядок заключения и форму индивидуальных трудовых договоров. Вторая группа императивных норм касается содержания этих договоров. Здесь свобода усмотрения сторон также ограничена нормами охраны трудовых прав работника (минимальный размер заработной платы, максимальная продолжительность рабочего времени, минимальная продолжительность времени отдыха и др.), запретами дискриминации принудительного труда.

Между тем остается открытым вопрос обоснованности включения в ТК РФ ряда норм в части реализации принципа свободы индивидуально-договорного регулирования без учета социального назначения отрасли трудового права. Например, речь идет о договорных основаниях прекращения трудового договора с надомниками (ст. 312 ТК РФ) Кстати, Конвенция МОТ № 177 (1996 г.) «О надомном труде» (не ратифицирована РФ) и одноименная Рекомендация МОТ № 184 определяют, что надомники должны пользоваться такой же защитой, какой пользуются другие работники. Основная цель принятия МОТ этих актов состояла в том, чтобы обеспечить этой категории работников права, аналогичные правам обычных работников. Договорные основания увольнения дистанционных работников (ст. 312.5 ТК РФ) лишают дистанционных работников гарантий, предусмотренных ТК РФ в случае сокращения штата работников, простоя и др. Следует согласиться с мнением Н. Л. Лютова, который отмечает, что ч. 1 ст. 312.5 Трудового кодекса РФ дискриминирует дистанционных работников по сравнению с другими работниками, поскольку объективных причин для включения в трудовой договор дополнительных оснований для его расторжения не имеется. Таким образом, законодатель уклоняется от предоставления дистанцион-

ным работников того объема гарантий и прав, на которые может рассчитывать другой работник [16, с. 30–39].

В трудовом праве договорная свобода ограничена принципом запрета ухудшения положения работника. Между тем наш законодатель необоснованно допускает нарушение этого принципа. Так, ТК РФ (ч. 3 ст. 92) устанавливает увеличение максимальной продолжительности рабочего времени для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на основании отраслевого (межотраслевого) соглашения и коллективного договора, а также при наличии письменного согласия работника, оформленного путем заключения отдельного соглашения к трудовому договору. Аналогичная ситуация предусмотрена и в отношении дополнительного отпуска работникам, условия труда на рабочих местах которых по результатам специальной оценки условий труда отнесены к вредным условиям труда 2, 3 или 4 степени либо опасным условиям труда, часть которого может быть заменена денежной компенсацией (ст. 117 ТК РФ). Иными словами, в нарушение рассматриваемого принципа допускается вариант «замены времени отдыха на денежную компенсацию». При этом работник является «заведомо слабой стороной» трудового договора, которой работодатель по факту может диктовать свои условия. Коллективные договоры и соглашения не всегда обеспечивают эффективную защиту трудовых прав работника.

2. Коллективные формы реализации и защиты трудовых прав и прав работодателей (учет мнения представительного органа работников в случаях, предусмотренных ТК РФ, коллективным договором, соглашениями; проведение представительным органом работников кон-

сультаций с работодателем по вопросам принятия локальных нормативных актов; получение от работодателя информации по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников (ст. 53 ТК РФ), участие представителей работников в заседаниях коллегиального органа управления организации с правом совещательного голоса (ст. 53.1 ТК РФ) право на забастовку и др.).

Нельзя не вспомнить труды И. А. Трахтенберга, в которых особое внимание уделялось «технике коллективного договора», которая, по мнению автора, включала: 1) способы заключения коллективных договоров, создание специальных органов, комиссий; 2) способы, приводящие в исполнение коллективный договор, формирование тарифных комиссий на паритетных началах; 3) способы разрешения коллективных конфликтов, создание примирительных учреждений [17].

К формам (средствам) правореализационной техники в трудовом праве следует также отнести договорную технику, определяющую порядок заключения, изменения, прекращения трудового договора, иных договоров о труде (ученический договор, договор о полной материальной ответственности и др.). Отметим, что в трудах А. К. Безиной заложены были основы индивидуально-договорной трудово-правовой техники, определены виды и пределы индивидуально-договорного регулирования [18]. Особое значение имеет техника индивидуальных ненормативных актов работодателя (приказов, распоряжений и др.), вытекающих из директивной и дисциплинарной составляющих работодательской власти, производство по дисциплинарным правонарушениям, порядок определения размера материального ущерба, причиненного виновными действиями работника и др.

Ссылки

1. Давыдова М. Л. Юридическая техника. Общая часть. М.: Проспект, 2014. 232 с.
2. Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н. А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2010. 368 с.

3. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника. М.: Юстицинформ, 2014. 356 с.
4. Юридическая техника / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.
5. Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
6. Смолярчук В. И. Законодательство о трудовых спорах. М.: Юридическая литература, 1966. 228 с.
7. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2. т. М.: Статут, 2009. Т.1. 879 с.
8. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
9. Молодцов М. В., Головина С. Ю. Трудовое право России. М.: Норма, 2003. 626 с.
10. Современное трудовое право / В. М. Лебедев [и др.]. М.: Статут, 2007. Кн. 1. 301 с.
11. Паспорт федерального закона № 755304-7 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Лушников А.М. Коллективно-договорное нормотворчество: теория и практика // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2018. Вып. 12. С. 7–16.
13. Лушникова М. В. Локальное нормотворчество в трудовом праве // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2018. Вып. 12. С. 17–24.
14. Смирнов Д.А. О проблемах совершенствования юридической техники в контексте разграничения полномочий между федеральными органами и органами государственной власти субъектов РФ в сфере правового регулирования трудовых отношений // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2018. Вып. 12. С. 25–36.
15. Лушников А. М., Лушникова М. В. Охрана труда и трудовая инспекция (надзор). М.: Проспект, 2015. 248 с.
16. Лютов Н. Л. Дистанционный труд: опыт Европейского союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 30–39.
17. Трахтенберг И. А. Коллективный договор. Харьков: ПО Юга России, 1918. 80 с.
18. Безина А. К., Бикеев А. А., Сафина Д. А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 136 с.

Termination of service in the internal affairs bodies in the focus of the general concept of legal relation and ensuring the rights of employees

T. A. Levinova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the terminology of the institution of termination of service in the internal affairs bodies. It is noted that the dismissal from service of certain categories of employees of the internal affairs bodies has a multi-stage nature in connection with the publication of not one, but two dismissal orders. In practice, this situation causes difficulties in determining the moment of termination of the service relationship. The author proposes to change the legislative mechanism for dismissing employees from service and makes suggestions for improving industry legislation.

Keywords: termination of service in the internal affairs bodies; termination of legal relation; date of dismissal of an employee from service in the internal affairs bodies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Levinova, Tatyana A. | E-mail: t.levinova@list.ru
| Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Прекращение службы в органах внутренних дел в фокусе общей концепции правоотношения и обеспечения прав сотрудников

Т. А. Левинова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 349.227
Научная статья

В статье анализируется терминология института прекращения службы в органах внутренних дел. Отмечается, что увольнение со службы отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел носит многоступенчатый характер в связи с изданием не одного, а двух приказов об увольнении. На практике такая ситуация вызывает трудности с определением момента прекращения служебного правоотношения. Автор предлагает изменить законодательный механизм увольнения сотрудников со службы и вносит предложения по совершенствованию отраслевого законодательства.

Ключевые слова: служба в органах внутренних дел; прекращение правоотношения; дата увольнения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левинова, Татьяна Алексеевна. | E-mail: t.levinova@list.ru
Кандидат юридических наук, доцент

В отличие от трудового законодательства в отраслевом законодательстве о службе в органах внутренних дел [1], предметом регулирования которого являются, в частности, правоотношения, связанные с прекращением службы и определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел, законодатель, выстраивая под указанную задачу необходимый категориальный ряд, использует различную терминологию: «прекращение службы в органах внутренних дел», «увольнение со службы», «прекращение или расторжение контракта», «дата увольнения со службы».

Полагаем, что это взаимосвязанные, но отнюдь не тождественные понятия. Их «блендинг» в нормативном оформлении соответствующих предписаний приводит, на наш взгляд, к неоднозначному толкованию правовых норм, правоприменительным ошибкам и, как следствие, нарушению прав сотрудника, увольняемого со службы в органах внутренних дел.

Иллюстрацией данного тезиса служит часть 4 статьи 89 Закона о службе, определяющая, что сотрудник органов внутренних дел, имеющий специальное звание полковника полиции, полковника внутренней службы или полковника юстиции, уволь-

няется со службы в органах внутренних дел приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел; при этом дата увольнения сотрудника устанавливается приказом уполномоченного руководителя с учетом положений части 12 настоящей статьи.

В этой связи, принимая во внимание, что приказ об увольнении расценивается как юридический факт, прекращающий правовые отношения [2], а любое явление необходимо рассматривать в единстве его содержания и формы [3, 108], возникает практический вопрос: каким именно приказом – МВД России или территориального органа МВД России, в котором сотрудник проходит службу, – прекращается конкретное правоотношение, связанное со службой сотрудника в органах внутренних дел и в каком качестве после издания приказа МВД России продолжает проходить службу данный сотрудник до определения конкретной даты его увольнения?

Прекращение сотрудником службы в органах внутренних дел осуществляется в порядке, предусмотренном главой 12 Закона о службе и ведомственными нормативными правовыми актами.

При этом с учетом специфики службы и особого статуса сотрудников органов внутренних дел увольнение со службы названной выше категории сотрудников носит многоступенчатый характер в связи с изданием двух приказов об увольнении – приказа МВД России с указанием основания увольнения и приказа уполномоченного руководителя территориального органа МВД России с указанием даты увольнения. Только после издания второго приказа, как представляется, связанное со службой правоотношение прекращается, а сотрудник считается уволенным со службы.

Рассматривая данную дилемму, Конституционный Суд Российской Федерации

заклучил, что часть 4 статьи 89 Закона о службе, закрепляя полномочия руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел по увольнению со службы сотрудников, относящихся к указанной в данной норме категории, носит организационный характер, направлена на упорядочение отношений по прекращению службы в органах внутренних дел [4].

Получается, что приказ МВД России, устанавливая основание увольнения, носит лишь общий характер, его издание непосредственно не влечет прекращение правоотношения, связанного с прохождением сотрудником службы в органах внутренних дел, поскольку без издания второго приказа, определяющего дату увольнения, приказ руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел останется не реализованным, то есть в контексте общей концепции правоотношения [5, с. 57–62] рассматриваемая норма фактически превращается в юридическую фикцию: после издания приказа МВД России факт прекращения правоотношения и увольнения сотрудника со службы юридически признается существующим и наступившим, несмотря на то что без определения даты увольнения таковым в действительности не является.

Для окончательного прекращения правоотношения и увольнения сотрудника должен быть издан приказ начальника территориального органа МВД России, в котором сотрудник непосредственно проходит службу, с определением конкретной даты увольнения. Основанием для издания этого приказа служит соответствующий приказ МВД России.

Следовательно, проведение необходимых мероприятий, связанных с увольнением со службы, а также соблюдение порядка увольнения, включая реализацию прав и предоставление сотруднику социальных гарантий, установленных действу-

ющим законодательством, должны быть обеспечены именно указанным территориальным органом МВД России.

Таким образом, в настоящее время увольнение сотрудника органов внутренних дел в звании полковника полиции, полковника юстиции, полковника внутренней службы, являясь двуединым процессом, осуществляется на основании не одного, а двух приказов: приказ МВД России носит общеорганизационный характер и определяет основание увольнения, а приказ территориального органа МВД России устанавливает дату увольнения и прекращает правоотношение, связанное со службой в органах внутренних дел. В связи с тем что указанные приказы сущностно взаимосвязаны и взаимообусловлены, сотрудника надлежит ознакомить с ними под расписку, ему должны быть выданы заверенные выписки из обоих приказов, а не только из последнего из них.

Подписание уполномоченным руководителем приказа об увольнении сотрудника со службы без законного основания и получения документального подтверждения факта издания соответствующего приказа МВД России, то есть поступившей по официальным каналам надлежащим образом оформленной выписки из этого приказа, незаконно и необоснованно.

Следовательно, при решении вопроса о наличии или об отсутствии между сторонами служебных отношений правовое значение имеет именно дата увольнения со службы, а не дата издания соответствующего приказа МВД России или дата прекращения (расторжения) контракта.

Дело в том, что правоотношения на службе в органах внутренних дел, равно как и трудовые отношения, возникают и осуществляются на основании контракта (часть 1 статьи 20 Закона о службе).

Однако в силу требований отраслевого закона основанием прекращения службы

в органах внутренних дел служат не истечение срока контракта, его прекращение или расторжение, а увольнение сотрудника органов внутренних дел (пункт 1 статьи 80 Закона о службе). По содержанию понятие «прекращение службы» по объему шире «увольнения со службы», так как основанием прекращения службы, помимо увольнения, может быть, например, гибель сотрудника.

Иными словами, правоотношение, связанное со службой в органах внутренних дел, существует вплоть до дня его прекращения, то есть до даты увольнения сотрудника со службы, которую определяет уполномоченный руководитель в соответствующем приказе, а не Министр внутренних дел Российской Федерации. Именно день увольнения является последним днем службы сотрудника.

В противном случае не совсем понятно, каков правовой статус сотрудника, в отношении которого уже подписан приказ МВД России об увольнении, но ещё не издан приказ, устанавливающий дату увольнения.

Таким образом, в порядке *de lege lata* можно заключить, что в условиях действующего правового регулирования увольнение рассматриваемой категории сотрудников осуществляется на основании двух приказов, один из которых является правовым основанием для издания другого, поэтому сотрудника следует знакомить с обоими приказами и отражать их реквизиты в трудовой книжке сотрудника при оформлении записи о прохождении им службы в органах внутренних дел.

Прекращение служебного правоотношения фиксируется в приказе, определяющем дату увольнения сотрудника со службы. До этого момента его нельзя считать уволенным сотрудником, фактически он является увольняемым со службы сотрудником, на которого законом возложены определенные обязанности, связан-

ные, к примеру, со сдачей закрепленного оружия, документов и имущества (часть 7 статьи 89 Закона о службе).

По нашему мнению, в отраслевом законодательстве необходимо четко разграничить понятия «уволенный сотрудник» и «сотрудник, увольняемый со службы». На этом основании юридически некорректной представляется примененная законодателем в части 4 статьи 89 Закона о службе конструкция «двух приказов» и формулировка, определяющая, каким именно приказом увольняется со службы указанная в данной норме категория сотрудников.

Действительно, в отличие от трудового законодательства в отраслевом законодательстве можно встретить понятие «сотрудник органов внутренних дел, увольняемый со службы в органах внутренних дел» (часть 11 статьи 56, часть 5 статьи 89 Закона о службе).

Лексический анализ слова «увольняемый» позволяет заключить, что «сотрудник, увольняемый со службы» рассматривается как сотрудник, которого увольняют со службы, и этот процесс занимает определенное время, в течение которого: 1) сотруднику вручается уведомление о прекращении или расторжении контракта и увольнении со службы, 2) на сотрудника оформляется представление, 3) сотруднику перед увольнением при определенных условиях могут быть предоставлены отпуска.

Для исключения существующей алогичности части 4 статьи 89 Закона о службе считаем необходимым изменить редакцию указанной нормы. В постановочном плане, реализуя предложение *de lege ferenda*, может быть предложен следующий механизм: сотрудник, имеющий специальное звание полковника полиции, полковника юстиции или полковника внутренней службы, на основании соответствующего представления, в котором указывается основание увольнения со службы, приказом Министра внутренних дел Российской Федерации

освобождается от занимаемой должности, затем для завершения процедуры увольнения сотрудник зачисляется в распоряжение территориального органа МВД России, в котором он проходит службу; ему предоставляются правовые и социальные гарантии, связанные с увольнением, включая возможность прохождения военно-врачебной комиссии в период службы, предоставление отпусков, медицинское и санаторно-курортное обеспечение, после чего уполномоченным руководителем издается приказ, которым устанавливается дата увольнения, определяется стаж службы (выслуга лет) и прекращается правоотношение, связанное со службой сотрудника в органах внутренних дел.

Полагаем, что предложенный механизм, во-первых, исключает амбивалентность существующей конструкции «двух приказов», во-вторых, снимает актуальный в настоящий момент для правоприменителей вопрос определения момента прекращения служебного правоотношения применительно к отдельным категориям сотрудников, в-третьих, обеспечивает максимальную защиту прав увольняемых со службы сотрудников и предоставление им социальных гарантий, в-четвертых, полностью коррелирует с действующим отраслевым законодательством, которое предусматривает возможность прохождения службы сотрудником, зачисленным в распоряжение соответствующего территориального органа МВД России, в случае проведения процедуры увольнения (часть 2 статьи 10, пункт 3 части 10 статьи 36 Закона о службе).

Тем самым, в силу прямого указания приведённых норм, увольняемый со службы сотрудник органов внутренних дел продолжает проходить службу в органах внутренних дел, служебные отношения с ним не прекращаются и в этот период с сотрудником могут производиться все юридически значимые действия, связанные с увольнением со службы.

Ссылки

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020.
2. Основания прекращения службы. URL: <https://xn-c1abt1a.xn-b1aew.xn-plai/Documents/slujba-v-ovd/stop-slujba/> (дата обращения: 26 сентября 2020 г.).
3. Карташов В. Н. Содержание и форма правоотношения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 107–110.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2013 № 1865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриевского Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 и частью 4 статьи 89 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25 сентября 2020 г.).
5. Славова Н. А. Теория государства и права (теория права): в схемах и определениях: учебное пособие. Петрозаводск: Новая наука, 2020. 116 с.

Regularities in the legal system: the concept and classification

A. S. Klimova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of legal regularities. It is established that they are characteristic not only of objective law, but also of other elements of the legal system of society. Based on the identified features, legal regularity is proposed to be understood as a necessary, essential, constantly recurring, stable, objective-subjective relationship of legal phenomena, processes and States in the legal space and time, which determines the tactics and strategy of their formation, development and functioning. For the purpose of further theoretical understanding of legal regularities, some of their classifications are proposed.

Keywords: regularities; legal system of society; legal regularity; regularities of law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Klimova, Anna S. | E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru
Senior lecturer

Закономерности в правовой системе общества: понятие и классификации

А. С. Климова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 340.1

Научная статья

Статья посвящена исследованию юридических закономерностей. Установлено, что они характерны не только для объективного права, но и иных элементов правовой системы общества. На основании выявленных признаков под юридической закономерностью предлагается понимать необходимую, существенную, постоянно повторяющуюся, устойчивую, объективно-субъективную взаимосвязь юридических явлений, процессов и состояний в правовом пространстве и времени, определяющую тактику и стратегию их становления, развития и функционирования. В целях дальнейшего теоретического осмысления юридических закономерностей предложены некоторые их классификации.

Ключевые слова: закономерности; правовая система общества; юридическая закономерность; закономерности права

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климова, Анна Сергеевна | E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

В юридической литературе существуют разнообразные определения понятия «юридическая закономерность», причем речь идет о государственно-правовых закономерностях (В. А. Козлов, Ю. Ю. Ветютнев и др.), отдельно о закономерностях государства (М. И. Байтин, В. Е. Чиркин и др.) и закономерностях права (С. С. Алексеев, С. Н. Овчинников и др.) [1–4].

Указанные подходы, по нашему мнению, являются довольно узкими, поскольку при анализе всех работ, посвященных специальным закономерностям, авторы вольно или невольно затрагивают закономерности, присущие политической или правовой системе общества в целом либо отдельным их элементам и компонентам. Например,

Т. В. Кашанина, исследуя такие закономерности, как повышение юридическо-технической оснащенности права и унификация права, по сути дела, выходит за рамки системы права [5, с. 428–432].

Большинство современных отечественных авторов считают, что проблемы закономерностей разработаны достаточно слабо. Пожалуй, в наиболее резкой форме сформулировал свой вывод Ю. Ю. Ветютнев, который пишет, что «само сохранение категории социального закона в философском лексиконе требует подвергнуть ее известному пересмотру по сравнению с прежней трактовкой. Иначе говоря, единого понимания закономерностей в философии просто не существует, и юриспруденции ничего иного не остается,

как попытаться самой сформулировать рабочее определение закономерности для внутренних научных целей» [1, с. 14].

В историческом и современном контекстах с подобной позицией, видимо, трудно согласиться. В философских работах достаточно ясно формулируются определения понятия и существенные признаки социальных закономерностей, разновидностью которых выступают юридические закономерности. Так, уже в трудах Аристотеля и Платона мы находим идеи закономерного характера развития общества; теория исторического круговорота и детерминизма разрабатывалась Ж. Боденом и Д. Вико; в рамках географического и иного детерминизма общественные закономерности исследовались Ш. Монтескье, Ж. Кондорсе, И. Г. Гердером; существенный вклад в изучение общественных закономерностей внесли французские историки эпохи Реставрации О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо; к объяснению закономерного развития подошел А. Сен-Симон; теорию трех стадий исторического процесса выдвинул основатель позитивизма О. Конт. Огромный вклад в разработку общественных закономерностей в традициях диалектического идеализма внес Гегель, раскрыв и обосновав с помощью законов всеобщей противоречивости, диалектического синтеза и др. разнообразные аспекты внутреннего поступательного развития общества; марксисты доказали, что социальные законы определяют основные линии формирования общества, поступательный характер его развития, связи с прогрессом в различных сферах жизнедеятельности любой страны [6, с. 188–189]. Современными отечественными философами данные проблемы также исследуются [7, с. 504; 8, с. 115–117].

Исходя из перечисленных точек зрения и теоретических положений, можно сделать два вывода. Во-первых, общественные (социальные) законы и закономерности в науке исследуются давно и весьма плодотворно, особенно в рамках всех разновидностей детерминизма. Во-вторых, общественные закономерности представляют собой проявление

законов («отношений внутри сущности или между сущностями», по Гегелю). Законы не только закрепляют существенные, необходимые, повторяющиеся связи, но и разъясняют их, раскрывают причины, условия, цели и прочие детерминанты возникновения, функционирования и развития социальных явлений, процессов и состояний. Поэтому спор о тождестве или разграничении законов и закономерностей, который ведется в отечественной науке, представляется схоластическим [9, с. 20].

Для того чтобы сформулировать определение понятия «юридическая закономерность», кратко рассмотрим основные их **признаки**, при этом мы будем опираться на результаты проведенных философами, социологами, историками, юристами и представителями других наук исследований.

1. Юридические закономерности являются *разновидностью социальных закономерностей*. Первые – возникают, развиваются и функционируют в процессе появления права, юридических практик, правосознания, юридической культуры и антикультуры, ответственности и других элементов правовой системы общества. Так, главными закономерностями диалектической противоречивости в правовом пространстве являются состояния:

- гармонии, например: а) федерального законодательства, нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления; б) соответствия законности и правопорядка; в) слаженности правотворчества, реализации права и юридического толкования в ходе грамотного изложения норм права (прав, юридических обязанностей, санкций, предпосылок их осуществления и пр.); г) удовлетворения в рамках правоотношений насущных потребностей и интересов людей, их групп, коллективов и организаций;

- дисгармонии, например: а) наличия разнообразных коллизий в праве и других элементах правовой системы; б) существования дисбаланса между правами и юридическими обязанностями, закрепления прав и юридических обязанностей в международных и на-

циональных правовых системах и семьях; в) противоречия между юридической доктриной (презумпции невиновности, истинности норм права) и практикой их реализации; г) отсутствия единства судебной практики по одним и тем же категориям дел;

- конфликтной деятельности, например:

а) юридических конфликтов в экономике, политике, экологической и демографической среде, сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; б) в границах правомерного и противоправного поведения, оправданных и неоправданных рисков; в) в рамках конструктивных и деструктивных юридических конфликтов; г) между гражданами и должностными лицами.

Противоречия есть в любой (национальной, международной) правовой системе общества. Они являются основным законом самодвижения и развития, причем гармония юридических явлений внутри правовой системы и процессы ее взаимодействия с внешней средой могут переходить в дисгармонию и юридические конфликты, и наоборот. Здесь важную роль играют как соответствующие причины, условия и другие детерминанты правовой системы, так и ее ресурсы (материальные, энергетические, информационные, организационные, кадровые и др.), определяющие возникновение, существование и развитие разнообразных противоречивых процессов.

2. В юридической литературе указывается на объективный характер соответствующих закономерностей [1, с. 20]. На наш взгляд, социальные (политические, нравственные и пр.), юридические законы и закономерности имеют *объективно-субъективную природу*. Они объективны, как правило, по отношению к каждому индивиду или даже группе людей. Их субъективность заключается в том, что они формируются и реализуются в процессе сознательной, творческой деятельности людей, их коллективов и организаций (интересы последних выражают должностные лица или специальные представители). Еще Ш. Монтескье писал, что законы развития общества формируются людьми, поскольку

они «должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, качеству почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, степени свободы, допускаемой устройством государства, религией населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [10, с. 163].

3. Исходя из вышеизложенного, существенным признаком юридической закономерности является ее *необходимость*, которая проявляется при наличии соответствующих детерминирующих факторов (природных, экономических, политических, социальных, информационных, юридических), способов воздействия (каузального, кондиционального, структурного и др.) на юридические конфликты. Уровни, стадии, силы, результаты и другие элементы механизма детерминации деструктивных юридических конфликтов с неизбежностью требуют появления технологии предупреждения и технологии разрешения указанных конфликтов [11, с. 88–151].

4. К важным признакам юридической закономерности относят *существенные взаимосвязи* явлений, процессов и состояний во времени и правовом пространстве.

5. Современные отечественные философы обращают внимание на весьма существенные свойства закона и закономерный характер действительности. Они пишут: «Закономерные отношения выступают как отношения определенного целого, которое характеризует его как всеобщее. Характерный признак закона – *повторяемость*. Тот факт, что закон есть связь всеобщая, присущая неограниченно большому классу явлений, указывает и на то, что она в этом классе явлений постоянно повторяется в пространственно-временном отношении» [8, с. 496]. Для характеристики юридических закономерностей это положение также имеет важ-

ное теоретическое, практическое и дидактическое значение.

6. Юридическая закономерность – это *устойчивая взаимосвязь* юридических явлений, процессов и состояний, определяющая тактику и стратегию их становления, существования, развития и функционирования. Так, каждый этап в развитии правовой системы общества невозможен без предыдущего. Ученые придают существенное значение закономерностям преемственности в системе права, юридической практики, правосознания, правовой культуры [12, с. 259].

Таким образом, можно дать следующее определение понятия **«юридическая закономерность»**. Это *необходимая, существенная, постоянно повторяющаяся, устойчивая, объективно-субъективная взаимосвязь юридических явлений, процессов и состояний в правовом пространстве и времени, определяющая тактику и стратегию их становления, развития и функционирования*.

В юридической науке существуют различные точки зрения по поводу классификаций закономерностей [1, с. 48–55; 2, с. 125; 4, с. 6–13; 5, с. 408–432], анализ которых привёл нас к следующим выводам.

Во-первых, в каждой правовой семье (романо-германская, англо-саксонская, мусульманская, иудейская, индусская и пр.) существуют свои юридические закономерности.

Во-вторых, в национальных правовых системах (российская, французская, итальянская, норвежская и пр.) имеются специфические юридические закономерности.

В-третьих, существуют юридические закономерности, характерные для отдельных институтов, отраслей и систем права в целом.

В-четвёртых, значительную роль играют закономерности, присущие различным разновидностям юридической практики, а именно:

- правотворческой практике (государственных и негосударственных органов, представительных и исполнительных учреждений, федеральных органов власти и органов власти субъектов Федерации,

практике коллегиальных органов и органов, основанных на единоначалии, кодифицирующей и иной правотворческой практике);

- правореализующей практике (в экономической, политической, социальной и иных областях жизнедеятельности общества);

- правоприменительной практике (например, практике судов общей юрисдикции, арбитражных судов, военных судов, мировых судей и т.д.);

- практике юридического толкования (официального и неофициального, распространительного и ограничительного, компетентного и доктринального, общего и казуального, аутентического и делегированного);

- правосистематизирующей практике (юридического учёта, консолидации, инкорпорации, кодификации, систематизации публичного и частного права).

В-пятых, существуют особые закономерности между различными видами правосознания, которые внешне выражаются в принимаемых решениях, действиях, актах-документах.

В-шестых, в литературе обстоятельно изучаются закономерности становления, структурирования и функционирования правовой культуры.

В-седьмых, существенное значение имеют закономерности, которые проявляются между отдельными типами, видами и подвидами юридической культуры и антикультуры. Применительно к последнему важно изучать закономерности противоправной и конфликтной юридической деятельности, юридического нигилизма и идеализма, деструктивной юридической миграции и маргинальности, «теневого права» и т. д.

В-восьмых, для любой национальной правовой системы и правовой семьи важными являются закономерности, которые действуют между деструктивными юридическими явлениями, мерами правовой защиты юридической ответственности.

В-девятых, упрочнение законности и обеспечение стабильного правопорядка – необходимые, насущные и постоянные закономерности для национальных и междуна-

родных (общей и региональных) правовых систем.

В-десятых, одной из главных классификаций является выделение внутренних и внешних юридических закономерностей. Внутренние закономерности раскрывают связи и взаимодействия, например, внутри правовой системы российского общества. Внешние юридические закономерности показывают тактику и стратегию целенаправленного воздействия тех или иных элементов либо правовой системы в целом на внешнюю среду (экономику, политику, социальную и национальную сферы, экологию и демографию).

Есть такие юридические закономерности, которые носят смешанный характер.

К ним, например, относятся правовое обеспечение информационной безопасности людей, закономерности становления и развития общественных объединений, комплексное регулирование (юридическое, нравственное, религиозное и пр.) общественных отношений.

Таким образом, мы выявили основные признаки закономерностей, проявляемых в правовой системе общества, и предложили некоторые их классификации. Дальнейшее исследование указанных и иных типов закономерностей позволит установить тенденции развития правовых систем и семей в целом, а также отдельных их компонентов и элементов.

Ссылки

1. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности. (Введение в теорию) / под ред. А. Я. Рыженкова. Элиста, 2006. 204 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. 361 с.
3. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. 560 с.
4. Овчинников С. Н. Закономерности развития и функционирования права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1979. 15 с.
5. Кашанина Т. В. Структура права: монография. М., 2012. 580 с.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 839 с.
7. Спиркин А. Г. Философия: учебник. М., 2008. 736 с.
8. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М., 2010. 608 с.
9. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. 303 с.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 803 с.
11. Карташов В. Н. Конфликтная юридическая деятельность: монография. Ярославль, 2020. 163 с.
12. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2020. 578 с.

Property crimes against non-cash funds under the legislation of the post-Soviet countries

A. N. Smolyakov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the regulation of property crimes against non-cash funds in the legislation of the post-Soviet countries: Belarus, Kazakhstan, Armenia, Azerbaijan, Latvia, Estonia, etc. The author notes the peculiarities of these national legal systems, shows their differences from the decisions of the Russian legislator. In particular, encroachments on digital assets under the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are qualified as theft of other people's property, and not the acquisition of the right to such property. Certain aspects of foreign experience deserve, according to the author, borrowing in the process of improving Russian legislation.

Keywords: Criminal Code; property crimes; non-cash funds; legislation; a country; post-Soviet space; digital assets; theft; foreign experience

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smolyakov, Alexander N. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Postgraduate

Имущественные преступления, совершаемые в отношении безналичных денежных средств, по законодательству стран постсоветского пространства

А. Н. Смоляков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.232
Научная статья

В статье анализируется регламентация имущественных преступлений, совершаемых в отношении безналичных денежных средств, в законодательстве стран постсоветского пространства: Беларуси, Казахстана, Армении, Азербайджана, Латвии, Эстонии и др. Отмечаются особенности указанных национальных правовых систем, показываются их отличия от решений российского законодателя. В частности, посягательства на цифровые активы по УК Республики Казахстан квалифицируются в качестве хищения чужого имущества, а не приобретения права на такое имущество. Отдельные стороны зарубежного опыта заслуживают, по мнению автора, заимствования в процессе совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс; имущественные преступления; безналичные денежные средства; законодательство; страна; постсоветское пространство; цифровые активы; хищение; зарубежный опыт

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоляков, Александр Николаевич | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Аспирант

Как известно, отечественный законодатель совершенствует уголовно-правовые нормы с опорой в том числе на зарубежный опыт. С учетом этого представляется полезным рассмотреть подходы стран постсоветского пространства к определению предмета имущественных преступлений в целом и безналичных денежных средств в частности.

Начнем с опыта Беларуси. В законодательстве данной республики нет общего понятия «имущество», каждая отрасль права трактует его по-своему. Так, УПК Республики Беларусь в примечании к ст. 132 в рамках данной статьи под имуществом понимает вещи, в том числе наличные денежные средства, документарные ценные бумаги, безна-

личные денежные средства, находящиеся на банковских счетах, вкладах (в том числе небанковских кредитно-финансовых организациях), бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; имущественные права, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности [1]. В то же время УК Республики Беларусь, закрепляя в примечании к гл. 24 понятие «хищение», определяет его как «умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования

© Смоляков А. Н., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

компьютерной техники» [2]. На наш взгляд, давно назрела необходимость и в УК РФ расширить определение предмета хищения путем указания на право на имущество.

Этот вопрос был рассмотрен в одном из актуальных комментариев к УК Беларуси. Так, отмечалось, что безналичные средства являются записями на счетах в банковских и кредитных учреждениях и выступают особым предметом преступлений против собственности наряду с деньгами, а посягательство на них является завладением правом на имущество [3, с. 453]. Анализ проведенной Н. Н. Беломытцевым судебной практики показал, что зачастую предметом преступления, предусмотренного ст. 212 УК Беларуси, признаются безналичные денежные средства, электронные деньги и криптовалюта [4, с. 114].

Добавим также, что белорусский законодатель различает понятие «электронные денежные средства» («хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение...» [5] и «виртуальные денежные средства» (валюту различных социальных сетей, компьютерных игр, статус которых определяется исключительно их эмитентом [6]).

Стоит отметить, что криптовалюта и ее оборот были легитимированы в Беларуси Декретом Президента от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», в соответствии с которым криптовалюта является цифровым знаком – токеном [7]. Вместе с тем «токен» предназначен в первую очередь для заключения смарт-контрактов и отождествлять его с криптовалютой не следует.

Обратимся к опыту Казахстана. В ст. 115 ГК Казахстана имуществом признаются вещи, деньги, финансовые инструменты, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, имущественные права, цифровые активы и другое имущество. И далее указывается, что правовой режим вещей или имущественных прав (требований) применяется к деньгам и правам (требованиям) по денежному обязательству (правам требования по уплате денег), если иное не пред-

усмотрено законодательством или не вытекает из существа обязательства [8]. Стоит отметить, что цифровые активы по своей природе соответствуют понятию криптовалюта или токен [9].

Преступные посягательства на деньги или на цифровые активы (как разновидности имущества, а не имущественных прав) следует квалифицировать по УК Республики Казахстан в качестве хищения чужого имущества, а не приобретения права на такое имущество. При этом в главе о преступлениях против собственности имеются такие квалифицированные составы, как кража, совершенная путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций (п. 4 ч. 2 ст. 188), а также мошенничество, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной системы (п. 4 ч. 2 ст. 190). Встает закономерный вопрос о предмете указанных преступлений, в частности о возможности признания таковым безналичных денежных средств. Опираясь на разъяснения Верховного суда Республики Казахстан, следует положительно ответить на данный вопрос, поскольку совершение преступления, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 190, предполагает завладение имуществом или правом на имущество путем размещения в информационной системе заведомо недостоверных сведений или программ с целью реализации преступного умысла на обман пользователя посредством, например, Qiwi-кошелька [10].

Представляется, что наличие квалифицирующего признака, конструируемого посредством указания в нем на использование информационных технологий, оправдано только тогда, когда лицо использует какие-либо специальные знания, позволяющие заполучить безналичные денежные средства; в случае же, если для их хищения не требуется никаких особых познаний и применения специальных технических средств, дифференциация ответственности является необоснованной. Иными словами, если использование соответствующей ин-

формационной технологии является нормой и общедоступно, то такое обстоятельство не свидетельствует о резком повышении степени общественной опасности содеянного, что является обязательным условием введения в закон квалифицирующего признака. Именно по этой причине мы критически оцениваем введенный в 2018 г. в ч. 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». Дело в том, что кража с банковского счета совершается зачастую лицами, не обладающими какими-либо специальными познаниями в информационных технологиях, например с использованием системы «мобильный банк», доступной сегодня любому гражданину.

Так, приговором Тербунского районного суда Липецкой области от 07.07.2020 по делу № 1-А23/2020 были осуждены С. и П., среди прочего, по двум эпизодам п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу денег с банковского счета потерпевшего. Было установлено, что они, имея умысел на хищение денежных средств, находящихся на банковском счете потерпевшего, похитили у потерпевшего банковскую карту ПАО «Сбербанк России», снабженную функцией бесконтактной оплаты, с целью ее последующего использования для хищения денежных средств с банковского счета. Затем они воспользовались приложением «Сбербанк Онлайн», установленным на мобильном телефоне «Samsung», принадлежащем С. И посредством введения данных банковской карты ПАО «Сбербанк России» потерпевшего, тайно перевели с банковского счета денежные средства в сумме 4 000 рублей на расчетный счет ПАО «Сбербанк России», открытый на имя знакомого П. и С. Кроме того, эти же фигуранты перевели, используя все тот же способ (приложение «Сбербанк Онлайн»), денежные средства в размере 500 рублей с банковского расчетного счета банковской карты ПАО «Сбербанк России», принадлежащей потерпевшему, на расчетный банковский счет ПАО «Сбербанк России», открытый на имя другого знакомого П. и С. [11]. Очевидно, что перед нами обычные «бытовые» кражи, способ совершения которых

является столь же обычным и распространенным, сколь обыденными стали сегодня операции по безналичному переводу денежных средств гражданами. Поэтому имеются веские основания, как нам представляется, для ликвидации п. «г» из ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В целом анализ законодательства стран постсоветского пространства показал, что, как правило, закон не выделяет понятие «безналичные денежные средства», говоря о деньгах и признавая их либо вещами (ст. 22 ГК Республики Кыргызстан [12], ст. 135 ГК Азербайджанской Республики [13]), либо имуществом наряду с вещами (ст. 140 ГК Республики Таджикистан [14]).

Стоит отметить, что уголовно-правовая охрана имущественных отношений в большинстве стран постсоветского пространства сходна. Так, предмет хищения определен в соответствующих примечаниях к статьям в качестве чужого имущества (например, ст. 227 УК Туркменистана [15], ст. 244 УК Таджикистана [16], п. 17 ст. 3 УК Казахстана). В УК Армении понятие хищения не раскрывается, но предметом кражи выступает чужое имущество (ст. 177), а предметом мошенничества или вымогательства, кроме того, и право на имущество (ст. 178, 182) [17]. В то же время в законе имеется самостоятельный состав хищения, совершенного с использованием компьютерной техники (ст. 181), предметом которого является только имущество, право на имущество не упоминается. Какой смысл вкладывает законодатель в ст. 181 в понятие «имущество» – гражданско-правовое или более узкое? Согласно ст. 132 ГК Армении объектами гражданских прав являются имущество, в том числе деньги, ценные бумаги, имущественные права [18]. Думается, что ст. 181 рассчитана именно на охрану безналичных денежных средств, когда, используя компьютерную технику, лицо совершает хищение таких средств.

Во многих странах предметом мошенничества, вымогательства является чужое имущество или право на имущество, что отличает его от кражи (например, ст. 228, 232 УК Туркменистана, ст. 247, 250 УК Таджикистана, ст. 166, 170 УК Киргизии [19], ст. 177,

183 УК Латвии [20], ст. 181, 182 УК Литвы [21]). Примечательно, что в УК Литвы имущественные преступления нашли свое отражение в главе 28, которая называется «Преступления и уголовные проступки против собственности, имущественных прав и имущественных интересов». Это свидетельствует о выделении в рамках одной главы преступлений против собственности, а также против имущественных прав и имущественных интересов. При этом предметом присвоения (ст. 183) и растраты имущества (ст. 184) выступает не только чужое имущество, но и право на имущество, что подтверждает возможность совершения данных преступлений и в отношении таких имущественных прав, как безналичные денежные средства.

В пенитенциарном кодексе Эстонской Республики предметом присвоения также признается не только движимая вещь, но и любое иное доверенное лицу имущество (ст. 201), предметом кражи – движимая вещь (ст. 199), мошенничества (ст. 209) и вымогательства (ст. 214) – имущественная выгода [22].

Особый интерес представляют квалифицированные составы имущественных преступлений, конструируемые посредством указания на использование информационных технологий, которые, безусловно, облегчают доступ к безналичным денежным средствам [23, с. 51–52]. Выше говорилось о том, что такие составы известны УК Казахстана.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики также в ст. 177 закрепляет состав кражи с использованием электронных носителей информации либо информационных технологий [24]. В главе X Уголовного кодекса Республики Узбекистана («Хищение чужого имущества») имеется состав присвоения или растраты чужого имущества, вверенного виновному или находящегося в его ведении, с использованием средств компьютерной техники (ст. 167), а также составы мошенничества с использованием средств компьютерной техники (ст. 168), кражи с несанкционированным проникновением в компьютерную систему (ст. 169) [25].

Таким образом, законодательство стран постсоветского пространства в целом сходным образом регламентирует вопросы привлечения лиц к ответственности за преступное воздействие на безналичные денежные средства. Вместе с тем более совершенным в сравнении с нормативными актами других стран видится белорусское законодательство в части включения в понятие хищения не только имущества в узком смысле этого слова, но и права на имущество. Представляется, что имеются все основания заимствовать данный опыт при совершенствовании российских уголовно-правовых норм об имущественных преступлениях (гл. 21 УК РФ).

Ссылки

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=1594;-48 (дата обращения: 10.10.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск, 2019. 762 с.
4. Беломытцев Н. Н. О предмете хищения путем использования компьютерной техники // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 2. С. 113–118.
5. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414730#pos=2225;-47 (дата обращения: 10.10.2020).
6. Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201. URL: https://www.nbrb.by/legislation/documents/PP_201_199.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

7. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 10.10.2020).
8. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 10.10.2020).
9. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33885902#pos=240;-14 (дата обращения: 10.10.2020).
10. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 6 «О судебной практике по делам о мошенничестве». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000006S> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Приговор Тербунского районного суда Липецкой области от 07.07.2020 г. по делу № 1-А23/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30212538#pos=289;-60 (дата обращения: 10.10.2020).
13. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420111#pos=2686;-54 (дата обращения: 10.10.2020).
14. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30447927#pos=1120;-54 (дата обращения: 10.10.2020).
15. Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12 июня 1997 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 10.10.2020).
16. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#pos=191;-54 (дата обращения: 10.10.2020).
17. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#3> (дата обращения: 10.10.2020).
18. Гражданский кодекс Республики Армения от 5 мая 1998 г. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html (дата обращения: 10.10.2020).
19. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (дата обращения: 10.10.2020).
20. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 17 июня 1998 г. URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 10.10.2020).
21. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. URL: https://www.pravo.vuzlib.su/book_z794.html (дата обращения: 10.10.2020).
22. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики от 6 июня 2001 г. URL: <https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitenciarneu-kodeks> (дата обращения: 10.10.2020).
23. Иванчин А. В., Смоляков А. Н. Кража и компьютерное мошенничество с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 51–55.
24. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353#sub_id=150000 (дата обращения: 10.10.2020).
25. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1999 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 10.10.2020).

Issue of qualification of crimes committed by organized crime groups

I. G. Grigoryan¹

¹Russian-Armenian University, 123 Hovsep Emin St, Yerevan 0051, Armenia

Research article
Full text in Russian

The article discusses the theoretical aspects of definition of organized crime group. The characteristics of organized crime group, of criminal community are analyzed, and differentiation of criminal liability based on the form of complicity is presented. When distinguishing between conspiracy in crime and crime committed by organized group, sometimes difficulties can arise in investigative and judicial practices. Therefore the author justifies the need to develop a formalized criterion that should facilitate a clearer differentiation of responsibility between conspiracy in crime, organized groups and criminal community.

Keywords: organized crime group, differentiation of criminal responsibility, stability, cohesion, conspiracy in crime, distribution of roles, law enforcement practice

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Grigoryan, Ilona G. | E-mail: ilona.grigoryan.87@mail.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

Проблемы квалификации преступлений, совершенных организованными преступными группами

И. Г. Григорян¹

¹Российско-Армянский университет, ул. Овсепя Эмина, 123, Ереван, 0051, Армения

УДК 343.232

Научная статья

В статье рассмотрены теоретические аспекты определения организованной преступной группы, проанализированы признаки организованной группы, преступного сообщества, проведена дифференциация уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия. При проведении различия между преступлением, совершенным группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, в следственной и судебной практике порой возникают сложности; автором обоснована необходимость разработки формализованного критерия, который должен способствовать более четкой дифференциации ответственности между группами лиц с предварительным сговором, организованными группами и преступным сообществом.

Ключевые слова: организованная преступная группа; дифференциация уголовной ответственности; устойчивость; сплоченность; предварительный сговор; распределение ролей; правоприменительная практика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян, Илона Грачиговна | E-mail: ilona.grigoryan.87@mail.ru
Соискатель

Эффективное противодействие организованной преступности требует мобилизации потенциала всех правоохранительных органов и судов. С учетом сложного характера данного явления, организованности и даже профессиональности преступности, коррупции проведение следствия по фактам преступлений, совершенных преступными формированиями, не всегда является простой задачей. Пробелы в законодательстве также играют не последнюю роль среди препятствий, стоящих перед правоохранительными органами и судами Армении в деле расследования и рассмотрения уголовных дел в отношении проявлений организованной преступности.

В действующем Уголовном кодексе Республики Армения (далее – УК РА, УК) в соответствии с ч. 3 ст. 41 «преступление признается совершенным организованной группой,

если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» [1]. Помимо этого, в УК РА в ряде статей Особенной части факт совершения преступления организованной группой рассматривается как квалифицирующий признак.

В понятии подчеркиваются признаки устойчивости, достижения предварительной договоренности о совершении одного или нескольких преступлений, а также наличие организатора преступной группы, наличие двух или более лиц и умышленная форма вины. Однако наличие только этих признаков не представляет собой достаточно формализованного критерия, необходимого для безошибочной квалификации деяний, совершенных представителями организованной преступности.

© Григорян И. Г., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Следует отметить, что согласно п. 3 ч. 1 ст. 63 УК РА к обстоятельствам,отягчающим ответственность, относится совершение преступления в составе группы лиц, организованной группы или преступного сообщества. Примечательно, что в некоторых статьях Уголовного кодекса преступления, совершенные группой лиц или организованной группой (к примеру, убийство, совершенное группой лицили организованной группой; хулиганство, совершенное группой лиц или организованной группой и др.), либо совершенные группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой представлены как единый квалифицирующий признак (к примеру, коммерческая взятка, совершенная группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой). В то же время в других статьях УК совершение преступления организованной группой рассматривается в качестве отдельного квалифицирующего обстоятельства (к примеру, принуждение к отдаче частей тела или тканей (донорству), совершенное организованной группой) [1].

В тех статьях Особенной части УК, в которых в качестве квалифицирующего признака указаны группа лиц или организованная группа, под группой лиц понимается соисполнительство, независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора. В то же время в статьях УК, предусматривающих совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, именно наличие предварительного согласия на совершение преступного деяния придает квалифицирующий характер. Некоторые авторы считают, что именно такой подход законодателя является наиболее приемлемым и позволяет избежать проблем с квалификацией деяния [2, с. 46]. Преимущества такого подхода обосновываются тем фактом, что в следственной практике зачастую допускаются ошибки при квалификации деяния в связи со сложностью дифференциации деяний, совершенных организованной группой и группой лиц по предварительному сговору, в частности по признаку устойчивости группы.

Однако, на наш взгляд, именно разделение между организованной группой и группой лиц по предварительному сговору позволяет

выделить особую общественную опасность организованной преступности, так как общественная опасность деяния, совершенного группой лиц по предварительному сговору, отлична от степени общественной опасности деяния, совершенного организованной группой. Поэтому в некоторых составах преступлений армянский законодатель все же проявил дополнительное стремление к дифференциации уголовной ответственности в зависимости от того, совершено ли преступное деяние группой лиц по предварительному сговору или же организованной группой.

При квалификации преступления и, соответственно, проведения различия между преступлением, совершенным группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, в следственной практике порой возникают сложности, которые обосновываются как объективными причинами, так и субъективными. Это справедливо, в частности, в случае совершения организованной группой одного преступления. Само наличие предварительного сговора среди участников группы определяет ее большую общественную опасность. Группа лиц по предварительному сговору относительно организована, соисполнители нацелены на совершение преступления или преступлений, однако пока нет еще четких планов совместной деятельности.

В случае с обоими видами группим присущ устойчивый характер. Устойчивость группы по предварительному сговору проявляется в том, что между моментом достижения согласия на совместное совершение преступления и моментом совершения такового, группа продолжает существовать – не распадается. В то же время, по сравнению с устойчивостью организованной группы, это устойчивость разного характера. В случае с организованной группой устойчивость предполагает постоянство состава группы, стабильность членства в ней и т. д. Но самое главное отличие заключается в том, что совместная преступная деятельность рассчитана на длительное время. Как заметила Н. Ф. Кузнецова, «в судебной практике вывод об устойчивости группы часто обосновывается длительностью или многоэпизодностью преступной деятельности» [3, с. 207]. По мнению некото-

рых ученых, определяющим признаком организованной группы, характеризующим ее устойчивость, является наличие организатора или руководителя группы, поскольку организатор создает группу, осуществляет подбор соучастников, распределяет роли между ними, устанавливает дисциплину и т. п., а руководитель обеспечивает направленную и слаженную деятельность как группы в целом, так и каждого ее участника [4, с. 9].

Важно подчеркнуть тот факт, что, как закрепил армянский законодатель, при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору в нем участвуют исполнители, которые и достигли заранее договоренности о совместном совершении преступления, в то время как для квалификации преступления как совершенного организованной группой в следственной практике РА учитывается наличие заранее проработанного разделения функций среди участников группы (как соисполнителей, так и других членов), намеренное создание условий, благоприятных для совершения намеченного преступления, подготовка средств и орудий преступления, если таковые требуются.

Некоторые авторы предложили разделить признаки, характерные для преступных формирований, на обязательные и факультативные. Так, С. М. Бевза к обязательным признакам относит: устойчивость, распределение ролей, иерархическую структуру, сосредоточение усилий на определённых видах преступной деятельности, активное противодействие правоохранительным органам, жёсткую внутреннюю дисциплину, наличие определённого кодекса поведения. В то же время автор выделил следующие факультативные признаки: отстранённость руководителя организации от конкретной преступной деятельности, использование механизмов легализации преступных доходов, тщательный подбор кадров, трансграничный характер деятельности [5, с. 510–511].

Что касается квалификации преступлений, совершенных в составе преступных сообществ, то, как мы видим из понятия, используемого армянским законодателем, которое мы отметили выше, преступное сообщество характеризуется более сложной структурой по сравнению с организо-

ванной группой. Такая группа должна быть изначально создана для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Причем преступное сообщество характеризуется большей сплоченностью и организованностью, чем организованная преступная группа, или же сообщество состоит из двух и более организованных групп, что, в свою очередь, предполагает наличие более совершенной в организационно-структурном плане формы соучастия [6, с. 23–29].

Несмотря на то что ряд признаков, включая тяжкий и особо тяжкий характер преступлений, совершаемых преступным сообществом, выделен законодателем, на практике нам не известен ни один случай применения данной статьи в РА с 2003 года, т. е. с момента введения данного состава преступления в УК. В то же время при вменении ст. 223 нужно будет доказывать, что сообщество имело своей изначальной целью совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

При квалификации деяния в качестве совершенного преступным сообществом необходимо будет учитывать следующие признаки преступного сообщества: сложную структуру преступного формирования; руководство преступным формированием лидером; разделение функций управления сообществом и участие в конкретных преступлениях; устойчивость и сплоченность ее участников, достигаемые посредством иерархии подчинения, строжайшей дисциплины, единых и жестких правил взаимоотношений круговой поруки, разработки специальных мер защиты и конспирации и т. д.; установление коррупционных связей и т. д. [7, с. 119].

Как уже отмечалось выше, ст. 41 УК предусматривает совершение преступления преступным сообществом, однако в Особенной части УК РА, помимо собственно ст. 223 – создание преступного сообщества или участие в преступном сообществе, – совершение преступления преступным сообществом в качестве квалифицирующего признака, как это имеет место в случае с организованной группой, не предусматривается. Ввиду отсутствия судебно-следственной практики по ст. 223, вопрос квалификации деяний, совершенных членами преступного сообщества, пока остается открытым.

Что касается правоприменительной практики, судебно-следственная практика в РА признает, что организованная преступная группа при некоторых видах преступлений может быть создана как для совершения одного, но требующего тщательной подготовки преступного деяния, так и нескольких преступлений.

Обобщение практики применения закона показывает, что при использовании признака совершения преступления организованной группой встречаются ошибки. Так, в некоторых случаях происходит неоправданное игнорирование некоторых признаков при квалификации преступных деяний. К примеру, в одном из уголовных дел в качестве обвиняемых в совершении нескольких эпизодов склонения к проституции или иной сексуальной эксплуатации (ст.132-1) являлись супруги М. С. и К. С. На наш взгляд, следствие и суд по этому делу неоправданно проигнорировали и упростили некоторые аспекты и не стали устанавливать наличие признака устойчивости группы, что нам представляется абсолютно необходимым для правильной квалификации деяния как совершенного организованной группой [8].

В ходе следствия по уголовным делам, совершенным несколькими участниками, следственные органы при квалификации деяний порой идут по пути наименьшего сопротивления. При установлении наличия предварительной договоренности на совершение одного или нескольких преступлений членами группы все деяния, вменяемые данной преступной группе, по определению квалифицируются как совершенные организованной группой или группой лиц по предварительному сговору, в том числе в результате игнорирования некоторых особенностей деяния. Так, в одном уголовном деле следствие не исследовало достаточно тщательно наличие или отсутствие предварительного сговора между участниками преступления и распределения ролей между ними, а также другие обстоятельства, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии организованной группы [9].

В практике также возникают трудности с разграничением между совершением преступления организованной группой с участием в преступлении, совершаемом такой груп-

пой. В таком случае должно приниматься во внимание, что соучастие в виде пособничества возможно и тогда, когда само преступление выполняется организованной группой, например пособничество сложившейся организованной группе. Отдельное место следует уделить субъективной оценке и степени осведомленности пособника о том, кому он оказывает содействие. К примеру, в УК Украины для облегчения квалификации подобного деяния предусмотрена ст. 256 УК, в которой устанавливается уголовная ответственность за заранее не обещанное содействие участникам преступных организаций и сокрытие их преступной деятельности.

Мы хотели бы также обратить особое внимание на те случаи, когда в соответствующей статье УК совершение преступления группой не предусматривается. К примеру, российскими учеными предлагаются два подхода к квалификации деяний в таком случае. Одна группа ученых предлагает квалифицировать деяния в таком случае по соответствующей статье Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 33 (виды соучастников преступления, в РА – ст. 38) [10, с. 29]. Другая группа придерживается кардинально противоположного подхода: ученые предлагают квалифицировать деяния по соответствующей статье Особенной части со ссылкой на ст. 35 УК РФ (Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)) [11, с. 27].

Как показал наш анализ, в практике судебно-следственных органов Армении в таком случае ссылок на статьи Общей части не делается, а факт совершения преступления организованной группой учитывается на стадии назначения наказания. Таким образом, подобные дела оказываются вне статистики совершения преступлений организованными группами, что влечет неадекватное отражение ситуации с распространением организованной преступности в РА.

Обобщая вышеобозначенные проблемы, можно заключить, что анализ судебно-следственной практики РА показывает: перед правоприменительной практикой все еще стоит задача поиска формализованного критерия

для толкования признаков различного вида преступных групп и соответствующей квалификации деяния. Разработка такого критерия должна способствовать более четкой дифференциации между группами лиц с предварительным сговором, организованными группами и преступным сообществом. Разработка и усовершенствование законодательной базы должны способствовать облегчению задачи следственных и судебных органов в вопросе квалификации деяний, совершенных группой лиц. Как отмечают некоторые авторы, «трудности реального применения закона связаны с резким увеличением количества составов, содержащих данный признак, а также с недостаточным теоретическим обоснованием решения этих вопросов» [12, с. 48].

И здесь важна роль Кассационного Суда РА, который мог бы рассмотреть дела, связанные с организованной преступностью в свете формирования прецедента и выработать определенного рода критерии, которые бы облегчили задачу следственных органов и суда при квалификации деяний, совершенных преступными формированиями. Не менее важным является и обеспечение регулярной возможности по прохождению тренингов и программ по повышению квалификации соответствующих сотрудников органов следствия и суда в вопросах особенностей квалификации преступлений, совершенных группами лиц различной формы.

Ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#3> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Быков В. М. Совершение преступления группой лиц как квалифицирующий признак // Право и политика. 2000. № 6. С. 45–48.
3. Кузнецова Н. Ф. Соучастие в преступлении // Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. акад. В. Н. Кудрявцева и проф. А. В. Наумова. М., 2007. 651 с.
4. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М., 1997. 205 с.
5. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2005. 724 с.
6. Сучков Ю. И., Фалеев В. И. Проблемы понятий и квалификации преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) по российскому уголовному законодательству // Организованная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. М. Г. Миненок. Калининград, 1999. С. 23–29.
7. Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. 668 с.
8. Уголовное дело 14/2008. Архив суда общей юрисдикции Общины Шенгавит г. Еревана за 2008 г.
9. Уголовное дело 22/2005. Архив Апелляционного Суда Республики Армения за 2005 г.
10. Чупрова А. Ю., Мурзаков С. И. Квалификация преступлений, совершенных организованной преступной группой // Уголовное право. 2000. № 6. С. 24–30.
11. Кладков А. В. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Законность. 1998. № 8. С. 25–27.
12. Галиакбаров Р. Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 45–48.

"Theory of mind" as a predictor of forming tolerance in adolescents in the context of inclusive education

M. M. Kashapov¹, A. A. Volchenkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study is due to the need for practice in understanding and substantiating the psychological foundations of the formation of such a personality trait of adolescents as tolerance, as well as in identifying other personal characteristics of adolescents as predictors of the formation of tolerance. The purpose of the article is a generalized theoretical presentation of the empirical results of a pilot study of the personality traits of adolescents in the context of inclusive education. Achieving this goal makes it possible to reveal the psychological mechanisms of the adolescent's social behavior.

Keywords: tolerance; inclusive education; adolescents; disabilities; theory of mind

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kashapov, Mergalyas M. | E-mail: smk007@bk.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor

Volchenkova, Anastasiya A. | E-mail: 24crocus95@gmail.com
Postgraduate

«Модель психического» как предиктор формирования толерантности у подростков в контексте инклюзивного образования

М. М. Кашапов¹, А. А. Волченкова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Актуальность исследования обусловлена потребностью практики в осмыслении и обосновании психологических основ формирования такой личностной особенности подростков, как толерантность, а также в выявлении других личностных предикторов формирования толерантности. Целью статьи является обобщенное теоретическое представление эмпирических результатов исследования личностных особенностей подростков в контексте инклюзивного образования. Достижение данной цели позволяет раскрыть психологические механизмы социального поведения подростка.

Ключевые слова: толерантность; инклюзивное образование; подростки; ограниченные возможности здоровья; модель психического

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашапов, Мергалияс Мергалимович | E-mail: smk007@bk.ru
Доктор психологических наук, профессор

Волченкова, Анастасия Александровна | E-mail: 24crocus95@gmail.com
Аспирант

Актуальным и современным подходом к изучению генезиса понимания внутреннего мира других людей является «модель психического». В рамках этого подхода осуществляется исследование неспособности понимать ментальный мир другого человека. Данный подход получил название *theory of mind* (ТоМ, теория психического или модель психического в русскоязычном варианте, по версии Е. А. Сергиенко). Концепт модели психического в нашем исследовании рассматривается в рамках системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко [1].

Изучение понимания детьми внутреннего мира людей является важным и научно значимым, потому что раскрывает психологические механизмы социального поведения подростка. Наиболее интересным на данном этапе исследований представляется под-

ростковый возраст, поскольку он протекает в ситуации сложного социального и личностного развития ребёнка, независимо от того, имеет он типичное развитие или с ограниченными возможностями здоровья. В этом возрасте происходит перестройка мировосприятия, восприятия собственного Я – данные обстоятельства проживаются детьми не всегда спокойно, именно поэтому они нуждаются во внимательном сопровождении на данном этапе развития.

В проведенных ранее исследованиях, посвященных изучению когнитивных, регулятивных и коммуникативных процессов у подростков, включенных в систему инклюзивного образования, нами было установлено [2], что личностные особенности оказывают существенное влияние на формирование толерантности у подростков в контексте инклюзии.

© Кашапов М. М., Волченкова А. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Согласно А. В. Петровскому, личность, как субъект межличностных отношений, обнаруживает себя в трех репрезентациях (сферах), образующих единство: индивидуальность личности, ее представленность в системе межличностных отношений и в других людях. Личность должна быть характеризуема в единстве всех трех сторон ее существования как субъект межличностных, социальных по своему происхождению связей и отношений.

Одной из главных задач исследования является изучение вопроса о возможности выяснения личностных переменных, включенных в модель психического в качестве предикторов формирования толерантности у подростков. Для ее решения мы используем диагностику тех личностных характеристик подростка, которые претерпевают наиболее сильные возрастные изменения в данный период (12–16 лет).

Обучение школьников социальным компетенциям является важной задачей образования. Однако в настоящее время данному вопросу в контексте инклюзивного образования уделяется мало внимания.

В качестве основной гипотезы исследования мы выдвигаем предположение о том, что существуют личностные предпосылки (предикторы), определяющие формирование толерантности у подростков, обучающихся в инклюзивных классах. В связи с этим главным ожидаемым результатом является создание прогностической модели личностных характеристик, как предпосылок формирования толерантности.

Статья посвящена проблеме, которая занимает особое, во многом исключительное, положение в современной психологии инклюзивного образования – проблеме толерантности. К изучению проблем, связанных с формированием толерантного сознания, толерантного поведения и толерантной личности, обращается все больше исследователей.

Проблема формирования толерантности нашла свое отражение в трудах российских и зарубежных ученых, являющихся представителями различных наук. Так, в философии толерантность изучается как экзистенциальное состояние человека, как исток социальной активности, как особое состоя-

ние духовной жизни. В педагогике рассматриваются приемы и средства ее воспитания у детей как результат прямого воздействия взрослого, без учета субъектности отношений. В психологии толерантность исследуется как психологическая устойчивость личности [3], как личностная характеристика [4], как система установок и ценностей личности [5].

Психологами и педагогами разрабатываются программы формирования толерантности [5], предназначенные для детей разных возрастов. Следует отметить, что только целенаправленно организованная образовательная среда способствует достижению данной цели. Сторонники эколого-психологического подхода описывают школьную образовательную среду как совокупность различных материальных средств образования и межличностных отношений, которые устанавливаются между всеми участниками образовательного процесса: администрацией, педагогами, обучающимися и их родителями. В образовательной среде каждый участник осуществляет свою деятельность, используя пространственно-предметные элементы среды в контексте сложившихся социальных отношений. Выделим некоторые разногласия, делающие актуальным изучение проблемы формирования толерантности в инклюзивной образовательной среде. Это противоречия между:

1) необходимостью создания доступной среды инклюзивного образовательного учреждения и существующей на данный момент агрессией в подростковой среде;

2) возрастными психологическими возможностями подросткового возраста и недостаточным их учётом и использованием в образовательной среде;

3) практической необходимостью целенаправленного формирования толерантности у подростков и отсутствием специально разработанной технологии.

Таким образом, для создания эффективной программы коррекционно-развивающих занятий, направленной на формирование толерантности у подростков, необходимо изучить их личностные особенности.

Большое количество психологических исследований в настоящее время сконцентрировано вокруг проблемы становления и развития модели психического, то есть спо-

способности понимать психологические особенности другого человека (намерения, эмоции, желания, убеждения) и предсказывать свое и чужое поведение на основе этих состояний. Процесс формирования модели психического начинается в раннем возрасте и продолжается всю жизнь. Высокий уровень организации этой модели предполагает развитие способности к наиболее адекватному пониманию и прогнозированию поведения окружающих с учетом контекста ситуации и представлений об их индивидуально-личностных особенностях. Основные аспекты модели психического формируются тогда, когда ребёнок достигает возраста 3–5 лет. По мере приобретения человеком большего психологического опыта в течение жизни формируется и усложняется его модель психического, человек становится более компетентным в понимании другого.

Исследования показывают, что модель психического часто связана с важными социальными компетенциями и что она развивается также после младенчества и детства. Существует обширный эмпирический материал, полученный на выборке младших школь-

ников, имеющих нормальное развитие и с расстройством аутистического спектра, но крайне мало такого материала на выборке подростков, в частности не изучена модель психического на достаточно большой группе, которая присутствует в образовательных учреждениях – подростках с расстройством психологического развития (F-80-89 по МКБ-10). Кроме того, растущее значение межличностных отношений в подростковом возрасте, особенно между сверстниками, требует частого и точного использования конкретных социальных навыков, например, таких как, способность понимать собственное и чужое сознание. В подростковом возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками, в связи с этим исследование развития модели психического у подростков является актуальной проблемой.

Материалы и методы

Всего в исследовании использовано 7 методик. Методики подбирались в соответствии с уровнями модели психического, подбор психодиагностических методик мы осуществляли, опираясь на работы Е. А. Сергиенко.

Таблица 1

Методическое и диагностическое обеспечение исследования.

№ п/п	Уровни модели психического	Диагностический аппарат
1.	Понимание собственного внутреннего мира	1. Методика субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин); 2. Методика исследования самооотношения (В. В. Стопин); 3. Тест «Самоконтроль в общении» (М. Снайдер); 4. Опросник «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (И. А. Баева)
2.	Понимание внутреннего мира другого	1. Эксперсс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова); 2. Методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко)
3.	Понимание физического мира вокруг	Опросник уровня агрессивности (А. Басс, М. Перри)

Ход исследования:

1. Выявление причин возникновения взаимосвязей между признаками, характеризующими эти явления;

2. Определение зависимой переменной (ЗП). ЗП – индекс толерантности подростков. В качестве независимых переменных выступили: показатели самооотношения, самоконтроля в общении, психологической безопасности,

ситуативной и личностной тревожности, общий индекс агрессивности;

3. Формулирование предварительной гипотезы о зависимости исследуемых явлений. В качестве такой гипотезы мы выдвинули предположение, что существует связь между каждой из независимых переменных с зависимой переменной;

4. Построение матрицы коэффициентов парной корреляции между парами факторных признаков и оценка возможных вариантов группировки признаков корреляционно-регрессионной модели.

Применялся метод парной корреляции по Пирсону. Проведенный корреляционный анализ имел своей целью определение

характера и силы связи между такими личностными характеристиками (независимые переменные), как самоотношение, ситуативная и личностная тревожность, ощущение психологической безопасности, самоконтроль в общении, коммуникативная толерантность, индекс общей агрессивности, и уровнем толерантности (зависимой переменной) (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ по Пирсону

Переменные		Корреляции					
		Тревожность ситуативная	Тревожность личностная	Психологическая безопасность	Самоотношение	Самоконтроль в общении	Индекс агрессивности
Общий индекс толерантности	Корреляция Пирсона	-,360**	-,155**	,145**	,358**	,451**	-,188**
	Значим. (двусторонняя)	,190	,005	,008	,000	,000	,001
*Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя)							
**Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя)							

Проведенный корреляционный анализ позволил получить информацию о характере и степени выраженности связи (об этом мы судим по коэффициенту корреляции), которая используется нами в дальнейшем для отбора существенных факторов, а также для планирования эффективной последовательности расчета параметров регрессионных уравнений.

Следующим этапом пилотажного исследования стала процедура регрессионного анализа. Опишем основные показатели качества построенной модели.

1. Коэффициент детерминации $R^2=0,593$ – это доля дисперсии зависимой переменной, объясняемая рассматриваемой моделью зависимости. Это основной показатель, отражающий меру качества регрессионной модели и описывающий связь между зависимой и независимыми переменными модели. Таким образом, $R^2 = 0,593$ означает, что исследуемая совокупность независимых переменных: самоотношение, ситуативная и личностная тревожность, ощущение психологической безопасности, самоконтроль в общении, коммуникативная толерантность, индекс общей агрессивности – является пре-

диктором формирования уровня толерантности (ЗП) и объясняет, что занятия программы с точностью 59,3 % повлияют на изменение общего индекса толерантности подростков (ЗП). Анализируя результаты, можно признать модель достаточно хорошей.

2. Значение F-статистики. F-статистика объясняет то, как предикторы влияют на модель регрессии.

3. Процедура автоматизированной линейной регрессии. При помощи процедуры автоматизированной линейной регрессии мы получили наглядное представление предикторов формирования толерантности у подростков в контексте инклюзивного образования (рис. 1).

Результаты регрессионного анализа личностных особенностей относительно динамики формирования толерантности испытуемых представлены в табл. 4.

Самоконтроль в жизни человека занимает одну из ведущих позиций. Самоконтроль и контроль личности проявляются в способности человека регулировать психологические реакции на внешние раздражители, сдерживать импульсивность в поступках.

Контроль над эмоциями позволяет адекватно воспринимать жизнь во всех ее сферах. Подобный навык поможет избежать лишней агрессии. Наличие адекватного самоконтроля способствует возможности учитывать друго-

го человека рядом с собой, учитывать его внутренний мир, его мысли, эмоции и состояния, а значит, позволит адекватно оценить необходимость собственных проявлений рядом с другими.

Таблица 3

F-критерий Фишера как основа проверки статистической значимости коэффициента детерминации R²

ANOVA				
Модель	Сумма квадратов	Средний квадрат	F	Значимость
Регрессия	2248,848	321,264	25,392	0,000b
Остаток	4137,242	12,652		
Всего	6386,090			

Зависимая переменная – общий индекс толерантности

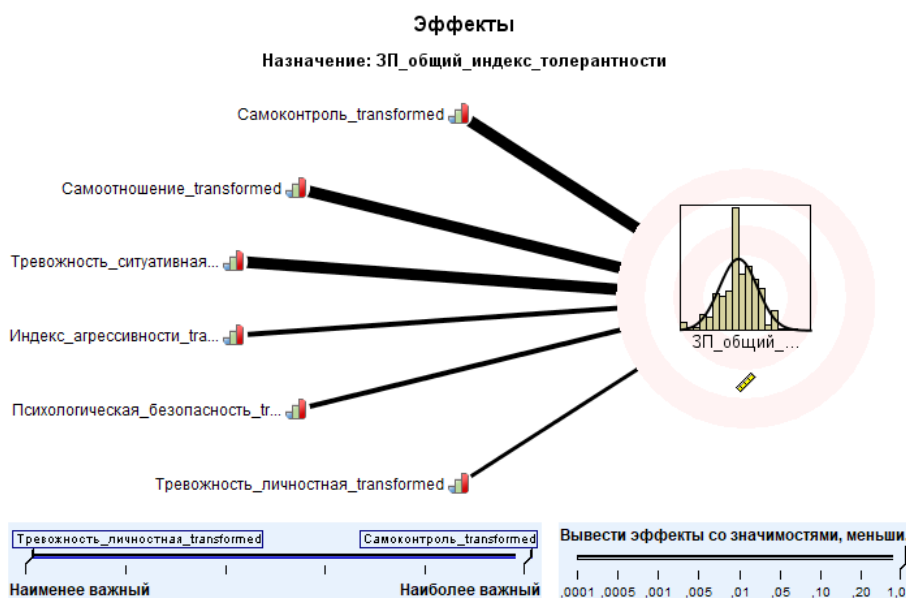

Рис. 1. Эффективность предикторов для зависимой переменной

Таблица 4

Эффекты предикторов для зависимой переменной

Наименование предиктора	Коэффициент регрессии (β =)	Уровень значимости
Самоконтроль	0,428	0,001
Самоотношение	0,249	0,001
Тревожность ситуативная	0,191	0,001
Психологическая безопасность	0,048	0,021
Индекс агрессивности	0,051	0,017
Тревожность личностная	0,033	0,056

Контроль может быть внутренним – направленным на себя или внешним – регулирующим деятельность окружающих. Когда контрольные механизмы направлены на анализ и регулировку своего Я, контроль выступает одним из важных факторов самосознания личности и является условием адекватного восприятия внутреннего и окружающего мира.

Выделяют следующие виды самоконтроля: временной, пространственный, произвольный. Временной предполагает предварительную оценку процесса, контроль самого действия и анализ результатов поступка. Пространственный самоконтроль регулирует разницу между модальными каналами восприятия.

Самоотношение является сложным личностным образованием, обеспечивающим переживания смысла Я личностью. Структурными элементами самоотношения являются самоуважение, аутосимпатия, самоуничижение, открытость, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценочность, самопринятие, внутренняя конфликтность, самообвинение и другие. Качество самоотношения зависит от того, какие элементы преобладают. Подростковый возраст является переходным и критическим с точки зрения перестройки всех психофизиологических систем организма, изменения ведущей деятельности и социальной ситуации развития. В подростковом возрасте самоотношение является центральным образованием самосознания, определяющим его возрастные особенности.

Факторами, влияющими на формирование самоотношения подростков, являются: стиль отношений с родителями, отношение «значимых других», социально-психологический статус ребенка, педагогические оценки. Подкрепление, идентификация, понимание – основные психологическими механизмами влияния родителей в подростковом возрасте. Именно они составляют основу демократического стиля воспитания, оптимального в подростковом возрасте.

Подростковый возраст является наиболее благоприятным для коррекции самоотношения и формирования адекватной самооценки и целостной Я-концепции. Работу с подростками по психологической программе, на наш взгляд, целесообразно выстраивать по нескольким направлениям: расширению

знаний и представлений подростков о себе; формированию способности адекватно оценить себя на основе собственной внутренней системы ценностей, взглядов, установок; формированию уверенности в себе, ощущения ценности, значимости собственной личности; формированию стремления к самопознанию и саморазвитию. Для решения этих задач необходимо провести занятия, направленные на развитие позитивного самоотношения в подростковом возрасте.

Ситуативная тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, нервозностью. Это состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разным по интенсивности и динамичности во времени. Повышенная тревожность, обусловленная страхом возможной неудачи, оценки со стороны взрослых или сверстников, является приспособительным механизмом, повышающим ответственность индивидуума перед лицом общественных требований и установок.

Повышенный уровень тревожности в старшем подростковом возрасте может повлиять негативным образом на здоровье, поведение, продуктивность деятельности. Все эти факторы неизбежно приводят к ухудшению уровня успеваемости. Повышенный уровень тревожности может привести к понижению самооценки, потере веры в свои возможности, агрессивному поведению. Все это мешает личности функционировать в социуме, проявлять себя и видеть свои сильные стороны. В старшем подростковом возрасте это приобретает особый аспект значимости, потому что повышение уровня ситуативной тревожности может повлиять не только на взаимоотношения с учителями, сверстниками и успешность прохождения учебных испытаний, но и на выбор дальнейшего жизненного пути. Результаты проведенного регрессионного анализа позволяют предположить, что, снижая ситуативную тревожность подростков, мы сможем добиться формирования толерантности у подростков.

Полученная модель статистически значима, мы можем ее применять для прогнозирования (предсказания) эффекта занятий по программе формирования толерантности

у подростков в контексте инклюзивного образования. Результаты регрессионного анализа подтверждают предварительную гипотезу, что существует связь между каждым из предикторов с зависимой переменной.

В современной образовательной ситуации появляется возможность построения инновационной модели инклюзивного образования, которая опиралась бы на совместную деятельность обучающихся, предполагающую сотрудничество и взаимопомощь. Именно такие занятия предлагаются в нашей программе.

В основе разработанной программы лежит анализ социально-психологических, развивающих и психофасилитационных проблем. Система занятий выстроена на основе модели психического. Содержание включенных в программу упражнений основано на принципах сенсорной интеграции и предполагают получение разнонаправленного сенсорного опыта. Это позволяет сформировать подростку личностный фундамент понимания другого, на который он может опираться в будущем при формировании новых социальных стереотипов, в частности толерантного, принимающего и понимающего отношения к другим людям, в том числе отличным от него.

Данные результаты являются начальным этапом на пути в исследовании формирования толерантности. В наших работах [6] представлено продолжение этого исследования: оценено влияние факторов на формирование толерантности, отмечены различия между личностными характеристиками у испытуемых контрольной и экспериментальной групп, а также описаны результаты применения коррекционной программы формирования толерантности.

Анализируя результаты пилотажного этапа исследования, в качестве самого главного факта можно отметить, что сотрудникам образовательных организаций: специалистам сопровождения необходимо уделять как пристальное, целенаправленное внимание развитию разных аспектов личности школьника.

В Российской Федерации с 2011 года реализуется Программа «Доступная среда». За годы действия госпрограммы суммарно под потребности и возможности людей с ограничениями здоровья уже приспособлено более восемнадцать тысяч социальных объектов во всех регионах нашей страны. Государством было принято решение о продлении программы с 2021 по 2025 годы.

Ссылки

1. Сергиенко Е. А. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябинкиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 113–146.
2. Кашапов М. М., Волченкова А. А. Основы формирования толерантности как системного качества школьников в контексте инклюзивного образования // *Ярославский психологический вестник*. 2018. № 1 (40). С. 101–107.
3. Солдатова Г. У. *Разные, но равные: большие психологические игры*. М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 336 с.
4. Асмолов А. Г. Мы обречены на толерантность // *Семья и школа*. 2001. № 11. С. 15–28.
5. Солдатова Г. У. *Искусство жить с непохожими людьми* / под ред. А. Г. Асмолова [и др.]; Министерство образования московской области М., Москва, 2009. 118 с.
6. Кашапов М. М., Волченкова А. А. Когнитивные и регулятивные основы формирования толерантности школьников в контексте инклюзивного образования // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Психология. 2018. Т. 23. С. 40–49.

Specifics of the relationship between role identity and self-esteem in adolescents with mental retardation

S. B. Perevozkin¹, J. M. Perevozkina¹, E. V. Veterok¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Viluiskaya str., Novosibirsk 630126, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the study of the relationship between role identity and self-esteem in adolescents with intellectual disabilities. The article provides a theoretical overview of modern research on role identity and self-esteem, including in adolescence. In order to study the specifics of the relationship between self-esteem and role identity of boys and girls in adolescence with mental retardation, the projective method «Kaleidoscope» (Yu.M. Perevozkina, L. V. Panshina (Zinoviev), O. O. Andronikova, N. V. Dmitrieva) and the method «Dembo-Rubinstein» (modified by a.m. Parishioners) were used. The collection of empirical data on the described methods was carried out in the municipal state educational institution of Novosibirsk «Special (correctional) school No. 1». The sample size was 59 adolescents with mild mental retardation, including 28 boys and 21 girls. The age range ranged from 12 to 17 years. The structural-psychological method of A.V. Karpov was used to determine the specifics of correlation. The results of the study indicate a predominance of self-assessment criticality in adolescents with reduced intelligence and identity to roles related to a later age period. This trend suggests that overestimated self-esteem is associated with infantile roles, while role models of the next age period are associated with reduced self-esteem. It is also found that the role structure of mentally retarded adolescents is disintegrated. Their roles are included in the structure of the personality not based on the analysis of expectations and comparison with their own needs, but are imitated on the basis of external signs. This manifests itself in difficulties associated with role behavior and socialization.

Keywords: role; role identity; self-esteem; adolescence; dysontogenesis; mental retardation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Perevozkin, Sergey B.	E-mail: per@bk.ru Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor
Perevozkina, Julia M.	E-mail: per@bk.ru Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor
Veterok, Ekaterina V.	E-mail: severus.snegg.1997@gmail.com Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Специфика взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью

С. Б. Перевозкин¹, Ю. М. Перевозкина¹, Е. В. Ветерок¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Статья посвящена изучению взаимосвязей ролевой идентичности и самооценки у подростков с нарушением интеллекта. В статье приводится теоретический обзор современных исследований ролевой идентичности и самооценки, в том числе в подростковом возрасте. С целью изучения специфики взаимосвязи между самооценкой и ролевой идентичностью мальчиков и девочек в подростковом возрасте с умственной отсталостью применялась проективная методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина (Зиновьева), О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева) и методика «Дембо-Рубинштейн» (в модификации А. М. Прихожан). Сбор эмпирических данных по описанным методикам осуществлялся в муниципальном казенном общеобразовательном учреждении г. Новосибирска «Специальная (коррекционная) школа № 1». Объем выборки составил 59 подростков с легкой степенью умственной отсталости, из них 28 мальчиков и 21 девочка. Возрастной показатель варьировался от 12 до 17 лет. Для установления специфики корреляции использовался структурно-психологический метод А. В. Карпова. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании критичности в самооценке у подростков со сниженным интеллектом при идентичности к ролям, относящимся к более позднему возрастному периоду. Указанная тенденция позволяет говорить, что завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода связаны со сниженной самооценкой. Также обнаружено, что ролевая структура умственно отсталых подростков носит дезинтегрированный характер. Их роли включаются в структуру личности не на основе анализа экспектаций и сопоставления с собственными потребностями, а имитируются на основе внешних признаков. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением и социализацией.

Ключевые слова: роль; ролевая идентичность; самооценка; подростковый возраст; дизонтогенез; умственная отсталость

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перевозкин, Сергей Борисович	E-mail: per@bk.ru Кандидат психологических наук, доцент
Перевозкина, Юлия Михайловна	E-mail: per@bk.ru Кандидат психологических наук, доцент
Ветерок, Екатерина Владимировна	E-mail: severus.snegg.1997@gmail.com Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования. В современном социокультурном пространстве актуализируются проблемы развития ролевой идентичности как фактора психосоциального благополучия личности. Современное об-

щество характеризуется индивидуализацией, относительностью ценностей и перестройкой социальных систем, что приводит к трансформации идентичности личности. В настоящее время ролевая идентичность рассматривается

в ряде зарубежных исследований, в то время как на российской выборке исследования носят фрагментарный характер. Тем не менее ролевая идентичность как ведущий психологический феномен, обуславливающий специфику принадлежности к определенным социальным ролям, играет важную роль в формировании личности, что особенно важно в подростковом возрасте. При этом наибольшие сложности с развитием ролевой идентичности возникают у подростков с умственной отсталостью, что может оказывать влияние на формирование их личностных структур, в том числе самооценки. При этом на современном этапе развития науки в зарубежных и отечественных научных источниках не раскрыта проблема взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью, что обуславливает актуальность данного исследования.

В зарубежной науке идентичность рассматривается не как статическая сущность, которая остается неизменной на протяжении онтогенеза, а как сложная, неоднородная личностная структура, зависящая от изменения жизненных обстоятельств и психологических потребностей. М. Littlefield [1] отмечает, что ролевая идентичность играет ведущую роль в психосоциальной адаптации личности. Автором было проведено исследование взаимосвязи между ролевой идентичностью и стрессом, чтобы прояснить его адаптивную ценность. Результаты исследования показали, что ролевая идентичность является фактором психосоциального благополучия субъекта.

Исследование D. Reitzes [2] показало, что ролевая идентичность определяет самооценку личности в различных социальных ситуациях. Автор отмечает, что, в то время как роль может служить точкой отсчета для идентичности, ролевая идентичность зависит от поведения и реакций других людей. Автор изучал взаимосвязь ролевой идентичности с самооценкой личности и развитием эго у лиц женского пола. Результаты анализа самооценки показали, что андрогинные и маскулинные женщины обладают более высокой степенью самооценки, чем фемининные женщины. Уровень развития эго у андрогинных женщин существенно не отличался от уровней развития эго у женщин с другими типами идентичности, но был значительно выше, чем у мужчин.

J. Huttunen [3] подчеркивает, что формирование идентичности является центральной задачей развития в подростковом возрасте, но достижение идентичности не происходит в данный возрастной период. При этом, помимо прогрессивного развития в направлении достижения идентичности, субъекты могут переходить в различные статусы идентичности и выходить из них в различных паттернах изменчивости. Таким образом, формирование идентичности оказывается сложным, нелинейным процессом. Формирование идентичности личности неоднородно и происходит с разной скоростью в разных сферах в зависимости от интересов и окружающей среды индивида. Эмпирическое исследование автора было направлено на изучение сходства между ролевой идентичностью подростков мужского пола и ролевой идентичностью их отцов. Также была предпринята попытка определить влияние взаимодействия отца и сына на конкретную природу этих сходств. Результаты исследования показали, что маскулинность подростков положительно коррелировала с маскулинностью отцов и отрицательно – с фемининностью отцов. Эти взаимосвязи укреплялись как доверительностью отношений отца и сына, так и отцовским контролем. Фемининность подростков не коррелировала ни с фемининностью, ни с маскулинностью отцов.

K. Luuskс с соавторами [4] провел исследование, в котором обнаружены взаимосвязи между ролевой идентичностью подростков и идентичностью их родителей. В частности, авторы выявили взаимосвязи между ролевой идентичностью подростков и их матерей, в то время как между подростками и их отцами данные корреляции не были выражены. Авторы обнаружили, что родители могут являться образцом для подражания для подростков в отношении ролевой идентичности. В исследовании H. Brutsaert [5] отмечается, что ролевая идентичность подростков связана с переживанием принятия сверстниками и высокой самооценкой. По мнению автора, как подростки мужского пола, так и женского, обладающие высоким уровнем самооценки, сообщают о более высоком уровне принятия сверстниками и сформированной ролевой идентичности. Позитивная самооценка в подростковом возрасте связана с академической успеваемостью

учащихся и ролевой идентичностью. Авторы отмечают, что ролевая идентичность положительно повлияла на соотношение между восприятием школьного климата и самооценкой подростков на всех уровнях.

Исследование Н. Watanabe [6] было направлено на изучение ролевой идентичности и совладающего поведения в подростковом возрасте. Автор отмечает, что ролевая идентичность относится к восприятию индивидуумами личностного роста и позитивных жизненных изменений путем проведения переоценок негативных событий. Автором обнаружено, что уровень достижения идентичности умеренно коррелирует с позитивным отношением к актуальным жизненным событиям. В частности, выявлено, что позитивное отношение к личностному росту способствует достижению идентичности у подростков. Автор рассматривает идентичность как совокупность автобиографических воспоминаний и рассуждений. Автобиографические рассуждения – это процесс рефлексивного мышления, связанный с переосмыслением личных прошлых событий и соединением настоящего «я» с прошлым и будущим. Таким образом, развитие идентичности связано с процессом создания смыслов для прошлого опыта и себя.

Автором также показано, что, поскольку центральность положительного события – это не просто отражение положительного опыта, а, скорее, результат саморефлексивной деятельности, связанной с этим опытом, подростки с центральным положительным событием демонстрируют более высокие уровни достижения идентичности, чем те, кто извлек достаточную пользу из отрицательного события, которое они считали центральным для своей личности. Это указывает на то, что преобразование прошлого опыта из негативного в позитивный путем серьезного рассмотрения себя и создания позитивных значений может быть более тесно связано с развитием идентичности. Из этого следует, что отрицательный опыт не обязательно приводит к дезадаптации, симптоматике или распространению идентичности, но на самом деле способствует более высокому достижению идентичности, чем положительный опыт, при условии, что из этих событий можно успешно извлечь достаточные преимущества в различных областях.

В исследовании D. Cantor [7] изучается роль, которую групповая психотерапия играет в развитии идентичности у подростков, которым поставлен диагноз «синдром дефицита внимания с гиперактивностью». Решение проблем идентичности является одним из самых сложных периодов для подростков с нарушениями в развитии. Автором обнаружено, что групповая психотерапия становится эффективным средством для подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, поскольку процесс групповой психотерапии позволяет более успешно решить проблемы идентичности по сравнению с индивидуальной терапией.

В отечественных исследованиях ролевая идентичность рассматривается как психологический феномен, который реализуется посредством адаптации как к трансформациям внешней среды, так и к психической реальности [8–10]. О. В. Рубцова [11], анализируя ролевую идентичность в подростковом возрасте, понимает под данным феноменом социо-личностный и социо-когнитивный конструкт, обуславливающий специфику социальной ситуации развития субъекта. Автор отмечает, что данный конструкт объединяет личностные, когнитивные и социальные структуры психики, что детерминирует взаимодействие личности с социальной действительностью. Т. А. Колосовой [12] проведено исследование ролевой идентичности у подростков с умственной отсталостью, которое показало, что данная категория детей в основном презентует себя с положительной стороны, при этом их самоописания менее реалистичны и ограничены настоящим, что свидетельствует о завышенно неустойчивой самооценке и об отсутствии планов на будущее. Также у подростков с умственной отсталостью значительно снижено количество идентификационных характеристик и не сформированы социальные роли, что предполагает несформированность или кризис идентичности, неадекватное принятие себя.

Таким образом, на основании теоретического обзора зарубежной и отечественной научной литературы выявлены специфика и противоречия в понимании ролевой идентичности подростков с умственной отсталостью, а также обнаружена фрагментарность в описании взаимосвязей ролевой идентичности с самооценкой у подростков с умственной отсталостью,

что обуславливает постановку цели исследования, заключающейся в изучении специфики взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью.

Методы

С целью изучения специфики взаимосвязи между самооценкой и ролевой идентичностью мальчиков и девочек в подростковом возрасте с умственной отсталостью применялись две диагностические методики. Для диагностики ролевого профиля использовалась проективная методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина (Зиновьева), О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева, патент № 2625284 зарегистрирован 12 июля 2017 г.). Методика «Дембо-Рубинштейн» (в модификации А. М. Прихожан) включена для исследования самооценки. Обе методики рассчитаны на возрастной диапазон, начиная с младшего школьного возраста (методика «Дембо-Рубинштейн») или с дошкольного (методика «Калейдоскоп»). Так как обе методики понятны и доступны для детей, начиная с дошкольного и младшего школьного возраста с нормой развития, следовательно, возможно их использование для подростков с легкой и средней умственной отсталостью.

Сбор эмпирических данных по описанным методикам осуществлялся в муниципальном казенном общеобразовательном учреждении г. Новосибирска «Специальная (коррекционная) школа № 1». Объем выборки составил 59 подростков с легкой степенью умственной отсталости, из них 28 мальчиков и 21 девочка. Возрастной показатель варьировался от 12 до 17 лет.

Для установления специфики корреляции использовался структурно-психологический метод А. В. Карпова [13], включающий расчет корреляций на выделенных группах (в нашем случае – это девочки и мальчики) по критерию г-Спирмена и вычисление структурных индексов (индекс когерентности структуры – ИКС, индекс дивергентности структуры – ИДС и индекс организованности структуры – ИОС).

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что между самооценкой и ролевыми моделями подростков с умственной отсталостью существуют статистически значимые корреляции (рис. 1).

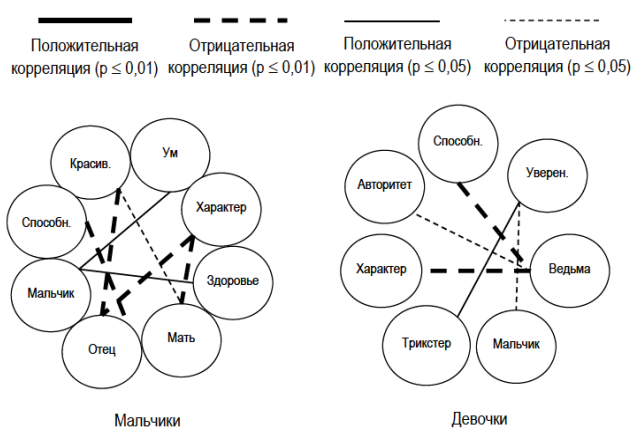

Рис. 1. Структурограмма самооценки и ролевых моделей у подростков с умственной отсталостью

В подгруппе мальчиков было получено семь достоверных связей, а в подгруппе девочек – пять. Их анализ позволяет зафиксировать следующие основные результаты. Во-первых, в обеих подгруппах были обнаружены три ролевые модели, которые имели значимую корреляцию с параметрами самооценки. Это роль отца, матери и мальчика у подростков мужского пола и роль мальчика, трикстера и ведьмы – у подростков женского пола. Причем в подгруппе девочек преобладают деструктивные ролевые модели (ведьма и трикстер) и мужские (мальчик и трекстер). Подобные результаты были получены в исследовании А. Э. Симановского [14], установившем гендерную инверсию у детей с нарушением интеллекта. В подгруппе мальчиков в корреляционной структуре преобладают роли старшего возрастного периода – это роли отца и матери, относящиеся к периоду взрослости. Более того, корреляционная насыщенность именно на эти роли свидетельствует об изначальной деформации ролевой структуры у мальчиков с умственной отсталостью, т. к. для них характерна ролевая идентичность либо с младшими по возрасту ролями, либо со старшими. Кроме того, для обеих структурограмм свойственна выраженность отрицательных корреляций. Следовательно, уже этот результат подтверждает априорные ожидания, которые положены в основу замысла всей данной работы и согласно которым структура ролей и самооценки у умственно отсталых подрост-

ков будет носить дезинтегрирующий характер. Большинство локальных корреляций между отдельными параметрами самооценки и ролевыми моделями также являются значимыми. Следовательно, они и сами по себе также оказывают друг на друга свое относительно автономное взаимодействие.

Более внимательное рассмотрение полученных взаимосвязей демонстрирует, что завышенная самооценка по параметрам ум и характер в большей степени характерна для мальчиков-подростков, идентифицирующих себя с ролью мальчика. С другой стороны, подростки мужского пола с предпочитаемыми ролями отец и мать имеют сниженную самооценку по таким признакам, как характер, способности и красота. Это свидетельствует о том, что подростки с выраженной ролевой моделью мальчика имеют более завышенное мнение о своем психологическом и физическом здоровье, тогда как подростки мужского пола с выраженными ролевыми моделями матери и отца имеют заниженное мнение о параметрах, составляющих самооценку, о своем характере, способностях, красоте. Такие результаты вскрывают характерную тенденцию: завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода и не соответствующие полу связаны со сниженной самооценкой. В данном случае можно предположить, что ролевая идентичность подростков, имеющих интеллектуальные нарушения с ролями взрослого периода, связана с некоторой критичностью в отношении собственной личности [15–16]. Кроме того, большинство связей, носящих отрицательный характер, обнаружено между ролевыми моделями, относящимися к более позднему возрастному периоду. И наоборот, положительная самооценка по параметру уверенность в себе связана с ролью ребенка, характерной для более раннего возрастного периода.

Интересным фактом было обнаружение подобной тенденции у девочек-подростков с нарушением интеллекта только с ролью ведьмы, имеющей деструктивную направленность. Примечательно, что данная роль имеет экспектации, связанные с уверенностью в себе, напористостью [17]. Вместе с тем в подгруппе девочек-подростков было обнаружено, что ролевая модель ведьмы имеет от-

рицательные корреляции с такими показателями, как характер, способности и авторитет при уровне значимости $p < 0,01$. Это демонстрирует, что девочки-подростки с выраженной ролевой моделью ведьмы имеют заниженное мнение о своем характере, способностях и своем статусе в группе сверстников. С другой стороны, роль трикстера, имеющая также деструктивную направленность, положительно связана с уверенностью в себе ($r = 0,67$ при уровне значимости $p = 0,022$). Основными характеристиками этой роли являются безответственность, отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами и стандартами; беспринципность и склонность к асоциальному поведению [17]. Подобные результаты могут быть связаны с механизмом социального научения. Так, девочки-подростки с умственной отсталостью могут наблюдать агрессивное поведение в своей семье или со стороны сверстников по отношению к себе, а сниженная критичность усложняет адекватную оценку ситуации и возможность использования социально-приемлемых моделей ролевого поведения [18]. Наши данные согласуются с результатами, представленными в исследовательской статье Т. А. Колосовой [19], которая доказала, что неадекватное поведение умственно отсталого подростка обусловлено непониманием социальной ситуации. В этой связи подросток оказывается уязвимым, что и порождает защитное поведение в виде агрессивности и компенсации. Кроме того, нарушение полоролевой идентификации у умственно отсталых подростков детерминировано в большей степени интеллектуальным развитием. Чем выше уровень умственного развития, тем больше разных признаков принадлежности к тому или иному полу идентифицирует подросток [20].

Такой результата свидетельствует в пользу отсутствия способности подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Значит, подростки с нарушением интеллекта чаще отталкиваются от внешних характеристик относительно ролевого поведения и ролевых моделей. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением в частности и в социализации в целом, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают интериоризировать такому под-

ростку общественные ожидания относительно конкретной роли.

Следующие полученные нами результаты также довольно принципиальны в плане исследовательских задач. Структурные индексы демонстрируют, что в обеих подгруппах преобладают дезинтегрирующие тенденции, индекс дивергентности структуры мальчиков – ИДС=14, а у девочек ИДС=10. При низко выраженных индексах когерентности структуры у мальчиков ИКС=4, у девочек ИКС=2 (рис. 2). Такое соотношение приводит к дезорганизованности общей структуры, о чем свидетельствуют полученные индексы организованности структуры – у мальчиков ИОС=-10, у девочек ИОС=-8.

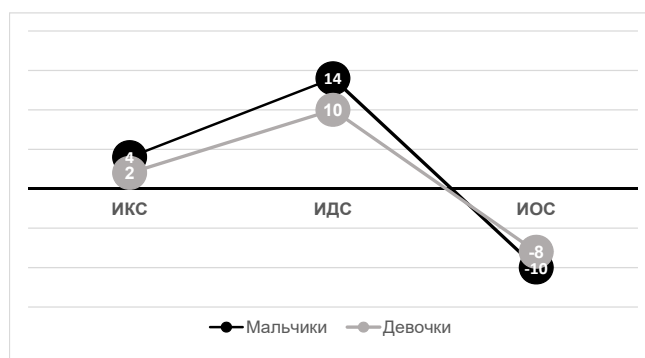

Рис. 2. Структурные индексы самооценки и ролевых моделей в личностной сфере у подростков с умственной отсталостью в зависимости от пола

Сравнительный анализ двух структур программ позволяет сделать следующие заключения. Профиль структурных индексов носит тождественный, дезинтегрированный характер как для мальчиков, так и для девочек. Это означает, в свою очередь, что степень структурированности – своеобразной организованности отдельных параметров самооценки и ролевых моделей – обратно пропорциональна степени умственного развития, которое распространяется как на личностную, так и на социальную сферу. Полученные данные вскрывают очень важную проблему социализации умственно отсталых подростков, у которых сниженная критичность усложняет адекватную оценку ситуации и возможность использования социально-приемлемых моделей ролевого поведения. На подобные трудности указывает и А. Э. Симановский с соавторами [18], отме-

чая прямую связь между освоением ролей и трудностями в социализации у подростков с нарушением интеллекта, детерминированную сложностями символической интерпретации ролевых моделей взрослого. Непонимание социальной ситуации обусловлено сниженной способностью подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Они в большей степени ориентируются на внешние признаки ролевых моделей. Это проявляется в трудностях, сопряженных как с ролевым поведением и формированием адекватной самооценки в частности, так и в социализации в общем, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают подростку с умственной отсталостью успешно встроиться в социальное пространство.

Выводы

В ходе проведенного исследования было определено, что подростки с умственной отсталостью характеризуются неадекватно завышенной самооценкой. Это объясняется стремлением компенсировать ненормативное развитие, а также отсутствием необходимого интеллектуального развития для объективной оценки себя и своих возможностей.

Большинство связей, носящих отрицательный характер, обнаружено между ролевыми моделями, относящимися к более позднему возрастному периоду, и самооценкой умственно отсталых подростков. И наоборот, положительная самооценка связана с ролями, относящимися к раннему возрастному периоду. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании критичности в самооценке у подростков со сниженным интеллектом при идентичности к ролям, относящимся к более позднему возрастному периоду. Указанная тенденция позволяет говорить, что завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода связаны со сниженной самооценкой.

Ролевая структура умственно отсталых подростков носит дезинтегрированный характер. Они остаются в ролевом развитии на стадии дошкольников или младших школьников, когда роли включаются в структуру личности не на основе анализа их экспектаций и сопоставления с собственными потребностями, а имитируются, основываясь на внешних признаках.

Такой результат свидетельствует в пользу сложности подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением в частности и в социализации в целом, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают понять подростку общественные ожидания относительно конкретной роли.

Ссылки

1. Littlefield M. B. Gender Role Identity and Stress in African American Women // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2004. Vol. 8, no. 4. P. 93–104.
2. Reitzes D. C. Role-Identity Correspondence in the College Student Role // *The Sociological Quarterly*. 1981. Vol. 22, no. 4. P. 607–620.
3. Huttunen J. Father's Impact on Son's Gender Role Identity // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 1992. Vol. 36, no. 4. P. 251–260.
4. Intergenerational associations linking identity styles and processes in adolescents and their parents / K. Luyckx, S. J. Schwartz, J. Rassart, T. A. Klimstra // *European Journal of Developmental Psychology*. 2016. Vol. 13, no. 1. P. 67–83.
5. Brutsaert H. Gender-role identity and perceived peer group acceptance among early adolescents in Belgian mixed and single-sex schools // *Gender and Education*. 2006. Vol. 18, no. 6. P. 635–649.
6. Watanabe H. Association between benefit-finding and identity development in adolescence: are there benefit-finding domains related to high identity achievement? // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2019. Vol. 24, no. 1. P. 62–73.
7. Cantor D. The Role of Group Therapy in Promoting Identity Development in ADHD Adolescents // *Journal of Psychotherapy in Independent Practice*. 2000. Vol. 1, no. 2. P. 53–62.
8. Ветерок Е. В. Особенности сенсомоторной интеграции у нормативно развивающихся подростков и подростков с измененной сексуальной ориентацией // *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2010. Т. 1. № 1. С. 149–153.
9. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Взаимодетерминация учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности // *ПНиО*. 2019. № 4 (40). С. 225–235.
10. Перевозкина Ю. М., Ветерок Е. В., Дмитриева Н. В. Репрезентации сексуальности и психотерапевтическая работа с ними // *Развитие человека в современном мире: сб. науч. тр. / Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2016. С. 168–177.*
11. Рубцова О. В. Сюжетно-ролевая игра как средство развития ролевой идентичности старших подростков // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2012. № 1. С. 26–35.
12. Колосова Т. А. Специфика самоидентификации у старших подростков с умственной отсталостью // *МНИЖ*. 2013. № 8-2 (15). С. 130–132.
13. Карпов А. В. Метакогнитивные детерминанты психического выгорания в профессиональной деятельности // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 6 (42). С. 322–337.
14. Симановский А. Э. Гендерная социализация детей с задержкой психофизического развития и нарушением интеллекта: монография. Ярославль: Канцлер, 2020. 146 с.
15. Перевозкин С. Б., Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М. Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии // *Вестник НГПУ*. 2018. № 1. С. 23–44.
16. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Мотивационно-ролевые модели социализации в подростковом возрасте // *Развитие человека в современном мире*. 2020. № 1. С. 49–59.
17. Перевозкина Ю. М. Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 307 с.
18. Особенности социально-ролевых семейных установок у детей с нарушениями интеллекта / А. Э. Симановский, С. Н. Воронина, Н. С. Сиротина М. И. Климьчева // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 4. С. 151–156.
19. Колосова Т. А. Гендерный аспект структуры защитного поведения подростков с легкой степенью умственной отсталости // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012. № 9. С. 65.
20. Каштанова С. Н., Николаева А. Н. Исследование полоролевой идентичности у подростков с умственной отсталостью // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. С. 15–44.

On the psychological determinants of self-stigmatization

O. A. Efimova¹, S. V. Trifonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study of the relationship between irrational attitudes and types of character accentuations in adolescents who are inclined and not inclined to self-stigmatization. According to the results, adolescents who are prone to self-stigmatization are less resistant to frustrating situations and are more susceptible to stress factors than adolescents who are not prone to self-stigmatization. Statistically significant relationships were found between irrational attitudes and certain types of accentuations, but the content of these relationships was virtually identical in both groups. Self-stigmatization and the irrational attitudes that accompany it are not directly related to personality accentuations.

Keywords: stigmatization, self-stigmatization, irrational attitudes, types of personality accentuations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Efimova, Olga A. | E-mail: olga.efimova.1999@list.ru
Master student

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

К вопросу о психологических детерминантах самостигматизации

О. А. Ефимова¹, С. А. Трифонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи иррациональных установок и типов акцентуаций характера у подростков, склонных и не склонных к самостигматизации. Согласно результатам, подростки, склонные к самостигматизации, менее устойчивы к фрустрирующим ситуациям и подвержены влиянию стресс-факторов в большей степени, чем подростки, не склонные к самостигматизации. Были выявлены статистически значимые взаимосвязи между иррациональными установками и некоторыми типами акцентуаций, но содержание этих взаимосвязей оказалось фактически идентичным в обеих группах. Самостигматизация и иррациональные установки, сопровождающие ее, не связаны напрямую с акцентуациями личности.

Ключевые слова: стигматизация; самостигматизация; иррациональные установки; типы акцентуаций личности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефимова, Ольга Александровна | E-mail: olga.efimova.1999@list.ru
Магистрант

Трифонова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Проблема стигматизации чрезвычайно актуальна для современного общества. «Стигма – это определённое качество или признак индивидуума, который определяется индивидуумом как неприемлемый, негативный, неприятный. Это качество не соответствует собственным принципам и мировоззрению и актуальным в данный момент ценностям общества» [1, с. 116]. Предпосылки теоретического осмысления проблемы стигматизации можно обнаружить в работах Дж. Г. Мида, драматургическом подходе И. Гофмана, концепции социального обмена Дж. Хоманса и теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лумана [2]. В научный оборот понятие «стигма» было введено И. Гофманом в его работе «Стигма: заметки по управлению испорченной идентичностью»

(1963). С этого момента начался этап социально-психологического исследования феномена стигматизации [3]. Стигма подразумевает обозначение группы или индивида как отличающегося, вплоть до девианта, и возникает тогда, когда индивид отличается по каким-то параметрам от доминирующей социальной нормы и когда он негативно оценивается. Как следствие – вся идентичность человека оценивается через призму именно этого параметра и человек подвергается дегуманизации в глазах тех, кто его оценивает [4].

На сегодняшний момент стигматизацию определяют как процесс экстраполяции социально неприемлемых стереотипов на отдельных лиц или групп, выделение их из общей массы по отдельным признакам [5]. Менее формальное определение стигматизации

предполагает предвзятое, негативное отношение к отдельному индивиду или группе лиц, связанное с наличием у него (них) каких-либо особых свойств или признаков [6].

К функциям стигмы Дж. Крокер с коллегами относят следующие: во-первых, повышение самооценки за счёт стигматизации других; во-вторых, поддержание позитивной социальной идентичности, что в результате оборачивается оправданием дискриминации в отношении аут-группы; в-третьих, легитимизация неравенства статуса той или иной группы; в-четвертых, управление страхом, выполнение защитной функции в связи с возникновением сильной тревожности [7].

Можно говорить о стигматизации не только в том случае, когда у индивида имеется некое качество или признак, который его отличает, но и в том случае, когда индивид сам верит в наличие одного [4, 8]. По мере изучения проблемы стигматизации данный феномен стали подразделять на внешнюю стигматизацию (дискриминацию) и внутреннюю стигматизацию (самостигматизацию). Термин самостигматизации, введенный В. Link, связан с состоянием, при котором индивид испытывает чувство собственной ущербности и неполноценности [9].

В клинической психологии данный феномен описан более подробно, однако он касается лишь лиц, страдающих психическими расстройствами. Так, за самостигматизацию пациента психиатрических служб может быть принята совокупность его реакций на заболевание и статус психически больного [10]. В структуре феномена самостигматизации ключевую роль играет переживание пациентом собственной несостоятельности по сравнению с окружающими и связанное с этим чувством вины. К последствиям самостигматизации относятся дистанционирование от общества, чувство стыда, вины [10]. Самостигматизация – совокупность реакций пациента на проявления психической болезни и статус психически больного в обществе. Следствиями самостигматизации являются: нарушение представления больного о собственной личности, снижение самооценки, формирование тенденции к предупреждению ситуаций, в которых может проявиться его несостоятельность,

создание утрированно негативного образа душевнобольного [10].

Согласно исследованиям самостигматизации у лиц с основными психическими расстройствами [10], а также у людей с излишним весом [11], самостигматизация представляет собой сочетание двух компонентов: фрустрирующего и компенсаторного. Фрустрирующий компонент составляют эмоциональные состояния, раскрывающиеся в комплексе негативных переживаний и поведенческих реакций (неуверенность в себе, страх негативных оценок, гнев, представления о собственной несостоятельности, чувство вины, стыда, безнадежности и т. п.). Данный компонент выступает основой к принятию стигматизируемой категории лиц (полные люди, психически больные, больные ВИЧ-инфекцией, онкологическими заболеваниями, туберкулезом и т. д.) как недостойных во многих смыслах, безвольных, некрасивых, ленивых и т. п. [11]. Компенсаторный или защитный компонент назван так потому, что индивид рассматривается с позиций способности к адаптации. Компенсаторные механизмы искажения информации направлены на стабилизацию самооценки личности. С их помощью люди преодолевают внутренние и внешние конфликты, такие как отрицание наличия проблемы, борьба с общественными стереотипами, самоидентификация со стигматизируемой категорией и принятие себя, согласие с социально-экономическим неравенством и профессиональными ограничениями и т. п. [12].

Экстраполируя термин «самостигматизация» из области клинической психологии в социальную психологию, по нашему мнению, можно определить самостигматизацию как совокупность реакций индивида на проявление имеющейся у него стигмы и восприятие её в обществе. При этом внешняя стигма подразумевает несправедливое отношение социума к индивиду. Под внутренней стигмой понимается чувство стыда и ожидание осуждения со стороны окружающих, приводящие нередко к тому, что стигматизированный человек добровольно ограничивает свой жизненный опыт и возможности получения специализированной помощи [13].

Проблема самостигматизации в социальной психологии изучена крайне мало [14]. В первую очередь важно понять суть данного

феномена и выявить причины его возникновения, т. к. он оказывает колоссальное влияние на формирование социального поведения членов общества, системы ценностей и норм [15]. Можно предположить, что транслируемые нормы, ценности и эталоны поведения способны повлиять на субъективное отношение человека к себе, внешним проявлением которого являются используемые человеком «ярлыки», применяемые им для описания собственной Я-концепции на её различных уровнях. Фактически «приписывание» себе каких-либо ярлыков и представляет собой процесс самостигматизации. Большую роль в этом процессе, на наш взгляд, играют иррациональные установки человека. В связи с этим мы предположили, что у респондентов, склонных и не склонных к самостигматизации существует специфика взаимосвязи между иррациональными установками и типами акцентуаций. Иррациональные установки подростков, склонных к самостигматизации имеют свои особенности и отличия от иррациональных установок подростков, не склонных к самостигматизации.

Наше эмпирическое исследование ставит перед собой цель – выявить психологические детерминанты самостигматизации, в частности, выявить и описать соотношение между иррациональными установками, в перечень которых входит также установка на самостигматизацию, и типами акцентуаций характера. Объект исследования – феномен самостигматизации. Предмет исследования – взаимосвязь установки на самостигматизацию с типами акцентуаций характера. В исследовании приняли участие 93 учащихся средней образовательной школы в возрастном диапазоне от 12 до 16 лет (38 девушек и 55 юношей). Учащиеся были разделены на две группы – лиц, не склонных (1-я группа) и склонных (2-я группа) к самостигматизации. Численность первой группы составила 54 человека, из которых 21 девушка и 33 юноши. Численность второй группы составила 39 человек, из которых 17 девушек и 22 юноши.

Для изучения феномена самостигматизации использовались следующие группы методов. *Во-первых*, тестовые методы. Для диагностики иррациональных установок, в перечень которых входит также установка на само-

стигматизацию, использовался тест А. Элиса. Для диагностики типов акцентуаций использовался опросник К. Леонгарда – Г. Шмишека (вариант для детей и подростков). Для разделения учащихся на группы, склонных и не склонных к самостигматизации, использовалась анкета, которая включала открытые вопросы, направленные на анализ собственных ярлыков и их влияния на поведение респондентов. *Во-вторых*, для обработки данных использовались математико-статистические методы: U-критерий Манна – Уитни – непараметрический статистический критерий, применяемый для сравнения выраженности показателей в двух несвязных выборках; непараметрический критерий Колмогорова – Смирнова, который предназначен для проверки гипотезы о принадлежности выборки некоторому закону распределения, то есть проверки того, что эмпирическое распределение соответствует предполагаемой модели (для объема выборки $n \geq 50$); критерий Шапиро – Уилка, предназначенный также для оценки нормальности распределения, используется при ограниченном объеме опытных данных ($n \leq 50$); корреляционный анализ – статистический метод, позволяющий с использованием коэффициентов корреляции определить, существует ли зависимость между переменными и насколько она сильна. На основе данных о нормальности распределения выборок были использованы следующие коэффициенты корреляций: r-Пирсона (для нормального распределения) и r-Спирмена.

Результаты исследования и их интерпретация. На основе качественного анализа, проведенного в группе лиц, не склонных к самостигматизации, было выявлено, что подавляющее большинство респондентов (80 %) имеют иррациональные установки (ИУ). Это говорит о том, что для подавляющего числа подростков характерно наличие иррациональных убеждений, которые представляют собой, с точки зрения А. Элиса, жёсткие эмоционально-когнитивные связи, которые имеют характер предписания, требования, приказа, носят абсолютистский характер. Они характеризуются тем, что они неистинны, не соответствуют реальности ни количественно, ни качественно, категоричны, приводят к длительным и сильным негативным переживаниями и, на-

конец, не способствуют достижению цели [16]. Результаты, полученные в ходе проведения анализа результатов в рамках данной группы, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Выраженность ИУ в группе лиц, не склонных к самостигматизации

Уровень выраженности	Кол-во ответов	Выраженность, %	x
Данные по шкале «Катастрофизация»			
Выражены сильно	14	26	16
Выражены средне	39	72	
Отсутствуют	1	2	
Данные по шкале «Долженствование в отношении себя»			
Выражены сильно	11	20	17
Выражены средне	43	80	
Отсутствуют	–	–	
Данные по шкале «Долженствование в отношении других»			
Выражены сильно	1	2	18
Выражены средне	53	98	
Отсутствуют	–	–	
Данные по шкале «Оценочная установка»			
Выражены сильно	7	13	18
Выражены средне	40	74	
Отсутствуют	7	13	
Данные по шкале «Фрустрационная толерантность»			
Выражены сильно	5	9	19
Выражены средне	4	74	
Отсутствуют	9	17	

Установка на «катастрофизацию» отражает восприятие людьми различных неблагоприятных событий. По нашей выборке в среднем ($x = 16$) испытуемые имеют средний уровень выраженности данной иррациональной установки. 26 % испытуемых свойственно оценивать каждое неблагоприятное событие как ужасное и невыносимое и лишь 2 % могут оценить негативные события как должное, без сильных эмоциональных всплесков и волнений.

Установки «долженствование в отношении себя» и «долженствование в отношении других» указывают на наличие либо отсутствие чрезмерно высоких требований к себе и другим. В нашей выборке как показатели по первой, так и по второй шкале выражены средне ($\bar{x} = 17$; $\bar{x} = 18$). При этом сильная выраженность такой иррациональной установки как «долженствование в отношении себя» встречается в 20 %

случаев. Это говорит о том, что каждый пятый подросток в данной выборке склонен предъявлять чрезмерно высокие требования по отношению к себе. Также стоит отметить, что в нашей выборке не оказалось ни одного случая, при котором данная иррациональная установка не проявилась бы, т. е. в той или иной степени каждый подросток имеет завышенные требования применительно к параметрам, которыми он обладает. По шкале «долженствование в отношении других» практически все подростки (98 %) имеют завышенные требования к окружающим, но уровень этих требований не является критическим и проявляется на среднем уровне.

«Оценочная установка» показывает, как человек оценивает себя и других. Наличие такой установки может свидетельствовать, что человеку свойственно оценивать не отдельные черты или поступки людей, а личность в це-

лом. В большинстве случаев (78 %) подростки обладают данной иррациональной установкой на среднем уровне. Это говорит о том, что практически все испытуемые в какой-то мере больше склоняются к шаблонно неверному восприятию личности, её поведения, действий и т. п. В 13 % случаев данная иррациональная установка выражена крайне сильно, т. е. подростки, у которых был выявлен низкий показатель по данной шкале, проявляли склонность оценивать других людей сквозь призму шаблонов и стереотипов. И только у 13 % подростков данной иррациональной установки не было выявлено, что говорит о том, что они оценивают окружающих непредвзято, избегая влияния различных социальных штампов.

Оценка фрустрационной толерантности личности отражает степень переносимости различных фрустраций (т. е. показывает

уровень стрессоустойчивости). Для большинства испытуемых характерен средний уровень стрессоустойчивости. Это свидетельствует о том, что уровень стресса для большинства подростков в случае возникновения фрустрирующей ситуации повышается, но не является столь критичным, приводящим к дезадаптации личности. Только в 9 % случаев фрустрирующая ситуация вызывает сильный стресс, для остальных 17 % фрустрирующая ситуация не приводит к ощутимому стрессу.

На основе качественного анализа, проведенного в группе лиц, склонных к самостигматизации, было выявлено, что большинство респондентов (71 %) имеют иррациональные установки. В 26 % случаев они отчетливо выражены. Полученные результаты в рамках данной группы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выраженность ИУ в группе лиц, склонных к самостигматизации

Уровень выраженности	Кол-во ответов	Выраженность, %	x
Данные по шкале «Катастрофизация»			
Выражены сильно	15	38	15
Выражены средне	24	62	
Отсутствуют	–	–	
Данные по шкале «Долженствование в отношении себя»			
Выражены сильно	10	26	17
Выражены средне	27	69	
Отсутствуют	2	5	
Данные по шкале «Долженствование в отношении других»			
Выражены сильно	2	5	19
Выражены средне	36	92	
Отсутствуют	1	3	
Данные по шкале «Оценочная установка»			
Выражены сильно	7	18	18
Выражены средне	29	74	
Отсутствуют	3	8	
Данные по шкале «Фрустрационная толерантность»			
Выражены сильно	6	15	18
Выражены средне	31	79	
Отсутствуют	2	5	

Видно, что все подростки в данной группе имеют иррациональную установку «катастрофизация» – в 62 % случаев она выражена средне и в 38 % – выражена сильно. Это говорит о том, что подростки, вошедшие в группу склонных к самостигматизации, чаще воспринимают неблагоприятные ситуации как нечто ужасное, невыносимое, ведущее к сильному эмоциональному дисбалансу, по сравнению с группой лиц, не склонных к самостигматизации.

У большинства подростков, склонных к самостигматизации, иррациональная установка «долженствование в отношении себя» имеет среднюю степень выраженности (69 %) и сильную в 26 % случаев. В 2 % случаев было выявлено отсутствие данной установки.

Данные по шкале «долженствование в отношении других» указывают на то, что в среднем ($x = 19$) подростки, склонные к самостигматизации, обладают средним уровнем выраженности данной иррациональной установки. При этом высокая степень выраженности этой установки в данной группе чуть выше (5 %), чем в первой группе (2 %), и также есть небольшой процент тех, у кого подобная установка отсутствует (3 %). Полученные данные указывают на то, что у большинства испытуемых как в первой группе, так и во второй проявляются установки, связанные с долженствованием, завышенными требованиями по отношению к окружающим. В обеих группах есть подростки, отличающиеся чрезмерной выраженностью этой установки.

Данные по шкале «оценивающая установка» указывают на то, что как подросткам, склонным к самостигматизации, так и не склонным к ней, характерно воспринимать человека сквозь призму различных стереотипов и оценивать поведение других, опираясь на некоторые поведенческие шаблоны.

Анализируя данные по шкале «фрустрационная толерантность», можно сказать, что большинство подростков из этой группы обладают средним уровнем стрессоустойчивости (79 %), однако число лиц, обладающих сильно выраженной степенью данной иррациональной установки, почти в два раза выше (15 %) по сравнению с показателями в первой группе (9 %), но по среднему показателю выборки находятся фактически на одном уровне ($\bar{x}_1 = 19$; $\bar{x}_2 = 18$).

При сравнительном анализе данных выборок результаты как статистического, так и качественного анализа показали, что принципиальной разницы по содержанию большинства иррациональных установок между подростками, склонными к самостигматизации и не склонным к ней, не оказалось. Статистически значимые различия были получены в установке на «фрустрационную толерантность». Подростки, склонные к самостигматизации, менее устойчивы к фрустрирующим ситуациям и подвержены влиянию стресс-факторов в большей степени, чем испытуемые из первой группы. Предположительно это может быть связано с тем, что подростки, имеющие склонность навешивать на себя определенный ярлык, обладают определенными субъективными границами относительно каких-то своих личных параметров и возможностей. Соответственно, столкновение с ситуацией, требующей от них каких-то действий или решений, находящихся за пределами их ментальных границ, вызывает у них сильный стресс, поскольку они полагают, что вероятность успешного преодоления некой фрустрирующей ситуации для них крайне мала в связи с существующим у них представлением об ограниченности своих ресурсов.

В результате корреляционного анализа в обеих группах были выявлены значимые умеренные положительные взаимосвязи между шкалой «катастрофизация» и шкалой «фрустрационная толерантность» (в группе респондентов, не склонных к самостигматизации, $r = 0,359^{**}$, $p < 0,01$; в группе респондентов, склонных к самостигматизации, $r = 0,353^{**}$, $p < 0,01$). Чем в большей степени выражены показатели по шкале «катастрофизация», тем больше выражены показатели по шкале «фрустрационная толерантность». Это говорит о том, что подростки, склонные воспринимать все негативные события как непреодолимые, катастрофичные, более подвержены влиянию стресс-факторов.

Существуют значимые умеренные положительные взаимосвязи между шкалой «долженствование в отношении себя» и шкалой «долженствование в отношении других» ($r = 0,32$, $p < 0,05$ – в первой группе и $r = 0,313$, $p < 0,05$ – во второй группе). С увеличением показателей по шкале «долженствование в отно-

шении себя» также увеличиваются показатели по шкале «долженствование в отношении других». Это может быть связано с тем, что подростки, оценивающие себя сквозь призму неких эталонов или стереотипов, предъявляют к себе завышенные требования, выражающиеся в таких формах, как «я должен», «я обязан» и т. п. При таком когнитивном искажении мышления человек формирует для себя и окружающих жёсткий свод правил поведения. И поступки других людей он начинает оценивать через призму собственной картины мира и может подвергнуть жёсткой критике всё, что делается не так, как «должно» по его представлению.

У не склонных к самостигматизации были выявлены значимые слабые отрицательные

взаимосвязи между шкалой «катастрофизация» и шкалой «возбудимый тип» акцентуации ($r=-0,282$, $p<0,05$). Значимые слабые отрицательные взаимосвязи между данными шкалами были выявлены и в группе склонных к самостигматизации ($r=-0,298$, $p<0,05$) (табл. 3 и 4).

С увеличением показателей по шкале «катастрофизация» уменьшаются показатели по шкале «возбудимый тип». Наличие данной взаимосвязи имеет вполне очевидный характер: чем меньше человек склонен гиперболизировать наличие и последствия, возникших в его жизни трудностей или неблагоприятных событий, тем выше его психическая устойчивость, ярче выражена способность к самообладанию, что идет вразрез с характеристиками возбудимого типа.

Таблица 3

Соотношение ИУ и типов акцентуаций в группе респондентов, не склонных к самостигматизации

	Акцентуация									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
a	0,116	-0,128	0,012	-0,282*	0,196	-0,167	-0,166	0,077	0,099	-0,102
b	-0,237	-0,085	-0,037	-0,179	-0,028	0,086	0,032	0,138	-0,124	-0,044
c	-0,035	-0,152	-0,197	-0,097	-0,16	0,039	-0,022	-0,169	-0,245	-0,123
d	0,144	-0,24	-0,06	-0,216	0,185	-0,29*	-0,126	-0,219	-0,105	-0,179
e	0,134	-0,104	0,066	-0,408**	0,265	-0,078	-0,2	-0,041	-0,017	-0,221

Примечание: а – катастрофизация; б – долженствование в отношении себя; с – долженствование в отношении других; d – оценочная установка; е – фрустрационная толерантность; 1 – демонстративный тип; 2 – застревающий тип; 3 – педантичный тип; 4 – возбудимый тип; 5 – гипертимный тип; 6 – дистимный тип; 7 – тревожный тип; 8 – экзальтированный тип; 9 – эмотивный тип; 10 – циклотимный тип; * - $p<0,05$, ** - $p<0,01$.

Таблица 4

Соотношение ИУ и типов акцентуаций в группе респондентов, склонных к самостигматизации

	Акцентуация									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
a	0,159	-0,249	-0,064	-0,298*	0,225	-0,07	-0,129	0,144	0,17	-0,114
b	-0,21	-0,041	-0,079	-0,161	-0,021	0,041	0,037	0,121	-0,157	-0,054
c	-0,051	-0,163	-0,151	-0,069	-0,169	0,145	0,022	-0,169	-0,222	-0,109
d	0,14	-0,249	-0,03	-0,166	0,16	-0,306*	-0,095	-0,21	-0,121	-0,184
e	0,165	-0,208	0,049	-0,415**	0,283*	-0,005	-0,215	-0,044	-0,002	-0,207

Примечание: а – катастрофизация; б – долженствование в отношении себя; с – долженствование в отношении других; d – оценочная установка; е – фрустрационная толерантность; 1 – демонстративный тип; 2 – застревающий тип; 3 – педантичный тип; 4 – возбудимый тип; 5 – гипертимный тип; 6 – дистимный тип; 7 – тревожный тип; 8 – экзальтированный тип; 9 – эмотивный тип; 10 – циклотимный тип; * - $p<0,05$, ** - $p<0,01$.

Существуют значимые слабые отрицательные взаимосвязи между шкалой «оценочная установка» и шкалой «дистимный тип» акцентуации ($r=-0,29$, $p<0,05$). Было выявлено

но, что и в группе лиц, склонных к самостигматизации, существуют значимые умеренные отрицательные взаимосвязи между данными шкалами ($r=-0,306$, $p<0,05$). С возрастанием показателей по шкале «оценочная установка» снижаются показатели по шкале «дистимный тип», т. е, это говорит о том, что у лиц, у которых отсутствует предубеждение оценивать другого человека по социальным шаблонам, проявляются характеристики, присущие дистимному типу, а именно: робость, нерешительность, серьезность, «холодный ум»; не подвержены субъективным и эмоциональным воздействиям, склонны доверять только точным фактам [17]. Его противоположностью выступает гипертимный тип, который, наоборот, отличается общительностью, подвижностью; у большинства отсутствует критическое отношение к своим недостаткам. Соответственно, мы можем сделать вывод, что подростки с выраженной акцентуацией «дистимный тип» в меньшей степени склонны оценивать человека формально. Они предпочитают анализировать черты или поступки людей отдельно, т. е. в зависимости от ситуации. И хотя мы не получили взаимосвязей между «гипертимным типом» и «оценочной установкой», логично предположить, что подростки с выраженным гипертимным типом (исходя из того, что данный тип является антагонистичным по отношению к дистимному), наоборот, оценивают людей несколько поверхностно. И это может быть связано с тем, что круг их знакомств постоянно обновляется и у них нет ни времени, ни потребности лучше узнавать своего собеседника.

Существуют значимые умеренные отрицательные взаимосвязи между шкалой «фрустрационная толерантность» и шкалой «возбудимый тип» ($r=-0,408$, $p<0,01$). Аналогичная взаимосвязь была обнаружена и во второй группе ($r=-0,415$, $p<0,01$). С возрастанием показателей по шкале «фрустрационная толерантность» снижаются показатели по шкале «возбудимый тип» акцентуации. В данном случае вполне логично, что при выявлении высокой стрессоустойчивости у подростка

(высокие показатели по шкале «фрустрационная толерантность») показатели по шкале «возбудимый тип» будут низкими.

Единственная специфическая взаимосвязь была выявлена во второй группе. Существует значимая слабая положительная взаимосвязь между шкалой «фрустрационная толерантность» и шкалой «гипертимный тип» акцентуации ($r=0,283$, $p<0,05$). С увеличением показателей по шкале «фрустрационная толерантность» также увеличиваются показатели по шкале «гипертимный тип». Это может быть связано с тем, что лица, с гипертимным типом склонны часто менять род своих занятий, увлечений, круг знакомства [18]. В связи с этим мы можем предположить, что частые изменения энергозатратны для человека и могут привести к высокой подверженности стресс-факторам.

Таким образом, на основе полученных данных мы можем заключить, что проблема требует дальнейшего исследования. Тем не менее можно сделать следующие выводы:

1. В группах респондентов, склонных и не склонных к самостигматизации, содержание иррациональных установок оказалось очень схожим и различий, свидетельствующих об особой специфике иррациональных установок, в какой-либо из групп не было выявлено;

2. Существуют взаимосвязи между иррациональными установками и типами акцентуаций, однако характер и содержание данных взаимосвязей не является специфичным в группах лиц, склонных и не склонных к стигматизации;

3. Были выявлены статистически значимые различия в показателях «фрустрационной толерантности». Подростки, склонные к самостигматизации, менее устойчивы к фрустрирующим ситуациям и подвержены влиянию стресс-факторов в большей степени, чем подростки, не склонные к самостигматизации;

4. На основе данных исследования мы можем заключить, что ни самостигматизация, ни иррациональные установки, сопровождающие ее, не связаны напрямую с акцентуациями личности.

Ссылки

1. Кнуф А., Эпов Л. Ю. Стигма: теория и практика // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stigma-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 10.09.2020).

2. Сироткин Ю. Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stigmatizatsiya-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Липай Т. П. Социальная стигматизация как объект управления в образовательном пространстве: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 27 с.
4. Бовина И. Б., Бовин Б. Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты. Ч.1) // Психология и право. 2013. № 3. URL: https://psyjournals.ru/files/63778/psyandlaw_2013_3_Bovina_Bovin.pdf (дата обращения: 10.09.2020)
5. Шайдукова Л. К., Овсянников М. В. Феномен стигматизации в наркологической практике // Казанский медицинский журнал. 2005. № 1. С. 55–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9128939> (дата обращения: 10.09.2020).
6. Факторы стигматизации психически больных старшеклассников / А. В. Сидорова, И. С. Иванова, М. Ю. Судякова, А. П. Андреева // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 31–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21681734> (дата обращения: 09.10.2020).
7. Крокер Дж., Майор Б., Стил С. Социальная стигма // Справочник по социальной психологии / сост.: Д. Гильберт, С. Т. Фиске, 1998. 553 с.
8. Гофман И. Г. Представление себя другими в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалёва. М., 2000. 304 с.
9. Токарева Н. Г. Эпилепсия и стигматизация // Наука и инновации в современном мире: медицина и фармацевтика, биология, сельское хозяйство, география и геология. Одесса, 2017. С. 103–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32628464> (дата обращения: 10.09.2020).
10. Ястребов В. С. Самостигматизация при основных психических заболеваниях: методические рекомендации / В. С. Ястребов, О. А. Гонжал, Г. В. Тюменкова, И. И. Михайлова; Науч. центр психического здоровья РАМН. М.: Юстицинформ, 2009. 18 с.
11. Соловьева С. Л. Самостигматизация как фактор превращения личности здорового в личность больного // Неврологический вестник. 2017. Т. XLIX, № 1. С. 49–56. URL: <https://journals.eco-vector.com/1027-4898/article/view/14044> (дата обращения: 10.09.2020).
12. Барковская А. Ю., Протащик Д. В. Социальные причины избыточной массы тела и ожирения подрастающего поколения россиян. Социология медицины – реформе здравоохранения: научные труды IV Всерос. науч.-практ. конф. (с межд. участием), 3–4 октября 2013 г., Волгоград. Волгоград: ВолГМУ, 2013. С. 139–145.
13. Гурин И. В., Захарова Н. М. Факторы, способствующие стигматизации лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Психология и право. 2017. № 3. С. 56–70. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n3/87525_full.shtml (дата обращения: 10.09.2020).
14. Ефимова О. А., Трифонова С. А. К проблеме определения конструкта самостигматизации // Ярославский психологический вестник. 2020. Вып. 2(47). С. 75–78.
15. Пологонкина Е. И. Стигма в рекламе как механизм влияния на социальное поведение // Социология власти. 2010. № 5. С. 74–81.
16. Ремеева А. Ф., Пальчиков И. А. Особенности иррациональных установок девиантных подростков // Психология и право. 2013. Т. 3, № 2. URL: https://psyjournals.ru/files/61028/psyandlaw_2013_2_Remeeva_Palchikov.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
17. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков // Психология индивидуальных различий: Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 288–318.
18. Мамедов А. К., Липай Т. П. Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 128–138 (Республика Беларусь, Минск). URL: <https://new.istina.msu.ru/publications/article/8737237/> (дата обращения: 10.09.2020).

Professional and psychological selection of candidates to serve in the police department of the Russian Federation

A. M. Pervitskaya¹

¹Kurgan State University, 63 Sovetskaya str., Kurgan 640020, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of the professional and psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. With the help of analysis of variance, significant differences were established according to most criteria between the categories of professional suitability, at the same time there is some blurring of boundaries according to a number of criteria for categories that are close to each other, which creates a prospect for the development and self-development of candidates.

Keywords: professional and psychological selection; candidates for service; Department of Internal Affairs of the Russian Federation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pervitskaya, Alena M. | E-mail: alenska3@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в ОВД РФ

А. М. Первитская¹

¹Курганский государственный университет, ул. Советская, 63, Курган, 640020, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье представлены результаты эмпирического исследования профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ). При помощи дисперсионного анализа установлены значимые различия по большинству критериев между категориями профессиональной пригодности. В то же время имеется некая размытость границ по ряду категорий профессиональной пригодности, находящихся семантически близко друг к другу, что создает перспективу для развития и саморазвития кандидатов.

Ключевые слова: профессионально-психологический отбор; кандидаты на службу; ОВД РФ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Первитская, Алёна Михайловна | E-mail: alenka3@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования

В настоящее время к сотруднику органов внутренних дел предъявляются жесткие требования. Сотрудники должны уметь работать эффективно, показывать высокую работоспособность, стрессоустойчивость в экстремальных ситуациях. Профессиональный психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел имеет значение для обеспечения эффективности работы. От качества психологического профессионального отбора зависит дисциплинированность, сохранность психического здоровья сотрудников, отсутствие профессиональных деформаций и профессионального выгорания [1–3].

Профессиональный отбор – это процедура, в процессе которой изучается и оценивается пригодность человека к успешному выполнению профессиональной деятельности. В ходе данного отбора кандидату на службу присваивается определенная категория профессиональной психологической пригодности, присвоение которой происходит путем

проведения психологических, а также психофизиологических обследований и тестирований. Помимо этого, проводятся и медицинские обследования и тестирования. Существуют определенные критерии профессиональной психологической пригодности, которые заключаются в уровне развития личных деловых качеств кандидатов, необходимых для выполнения служебных обязанностей сотрудника ОВД РФ [4].

Профессионально-важными личными и деловыми качествами, которые подлежат изучению к ходе комплексных обследований, являются: уровень общего интеллектуального развития, а именно уровень способностей к суждениям и умозаключениям, к четкому изложению информации как в устной, так и в письменной форме; эмоциональная устойчивость, уравновешенность, контроль над своим поведением, внешнее проявление эмоций и эмоциональная зрелость; уровень волевой регуляции поведения, выдержки, смелости и решительности. Кроме

этого, исследуется уровень настойчивости, целеустремленности и работоспособности; внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, ответственность; уровень правосознания и нравственных убеждений – честность, принципиальность, соблюдение норм общественной морали; зрелость личности, способность брать на себя ответственность за свои решения, действия и поступки, умение определять приоритеты и последовательность в решении проблем, самостоятельность, уверенность в своих силах и уровень самокритичности; самооценка, особенности мотивационной сферы личности [2].

По завершении комплексного обследования комиссией составляется заключение, в котором указывается, рекомендован кандидат к службе в ОВД РФ либо не рекомендован, а также к какой категории профессиональной пригодности относится. Выделяют четыре категории профессиональной пригодности.

1. Первой категории профессиональной пригодности соответствуют кандидаты, имеющие высокий уровень развития личных и деловых качеств, позволяющих им быстро овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями, а также успешно выполнять обязанности сотрудника ОВД РФ, в том числе в особых условиях деятельности. При этом у кандидатов, относящихся к первой категории, должны отсутствовать факторы риска.

2. Второй категории соответствуют кандидаты, у которых в ходе комплексного обследования выявлено отсутствие факторов риска, а также выявлен средний уровень развития личных и деловых качеств, позволяющих в короткие сроки овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями, а также успешно выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД РФ.

3. Рекомендуется условно, что соответствует третьей категории профессиональной пригодности. К данной категории могут быть отнесены кандидаты, у которых отсутствуют факторы риска и имеется уровень развития личных и деловых качеств ниже среднего. Кандидат может овладеть необходимым минимумом профессиональных знаний, умений и навыков, при этом удовлетворительно выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД, но данный уровень развития личных

и деловых качеств не обеспечивает успешного выполнения обязанностей в особых условиях деятельности. К третьей категории также могут быть отнесены кандидаты с высоким и средним уровнем развития личных и деловых качеств, у которых при этом выявлен один фактор риска. В данном случае решение о профессиональной пригодности таких кандидатов будет приниматься с учетом содержания фактора риска, уровня развития их личных и деловых качеств, а также других данных.

4. К четвертой категории профессиональной пригодности относятся кандидаты, которые не рекомендуются в связи с тем, что не способны выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД РФ. У них наблюдается низкий уровень развития личных и деловых качеств, не позволяющий в установленные сроки овладеть необходимым минимумом знаний, умений и навыков, либо выявлен фактор риска (за исключением случаев, предусмотренных в пункте 3) [3].

Подводя итог теоретическим рассуждениям, необходимо эмпирически исследовать психологические особенности кандидатов на службу в органы внутренних дел. В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение, что ряд интеллектуально-личностных свойств является определяющим для соответствующих категорий профессиональной пригодности, но не всегда границы между категориями являются четкими. Проверка данной гипотезы осуществлялась на выборке из 90 кандидатов на службу ОВД РФ, возраст кандидатов 20–35 лет, образование среднее и средне-специальное. Уровни выраженности показателей по 10-балльной шкале: 0–4 – низкий уровень, 5 – ниже среднего, 6–7 – средний, 8–10 – высокий. Распределение кандидатов по категориям профессиональной пригодности представлено в табл. 1

В работе использованы методики, утвержденные МВД РФ: «Аналогии», «Словарь», «Прогрессивные матрицы» Равенна, Краткий отборочный тест (КОТ), Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» (М-профиль) Ш. Ричи, П. Мартина, «Оценка уровня волевой саморегуляции» (ВСК) А. Г. Зверькова, Е. В. Эйдмана, Многомерный метод исследования личности (ММИЛ) в адаптации Ф. Б. Березина, М. П. Мирошни-

кова, «Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями» Е. Г. Ксенофонтовой, Методика изучения правосознания

Л. А. Ясюковой. Данный психодиагностический комплекс позволяет исследовать критерии профессиональной пригодности кандидатов.

Таблица 1

Распределение кандидатов по категориям профессиональной пригодности

Категории профессиональной пригодности, n /%			
1-я (рекомендован в первую очередь)	2-я (рекомендован)	3-я (рекомендован условно)	4-я (не рекомендован)
3/3	43/48	38/42	6/7

Результаты и их обсуждение

Для сопоставления личностно-индивидуальных качеств кандидатов по критериям в зависимости от категории профессиональной пригодности применен анализ первичных статистик, дисперсионный анализ.

Первый критерий пригодности – «Уровень общего интеллектуального развития, способностей к логическим суждениям и умозаключениям, а также четкому изложению информации в устной и письменной форме».

Для первой категории пригодности («рекомендован в первую очередь») характерен высокий уровень развития общего и невербального интеллекта ($M=7,67\pm 0,5$; $S=1,02$), высокая способность к обнаружению связей, выявлению отношений, зависимостей между предметами и явлениями, умение находить причинно-следственные и другие связи. Характерна эрудиция и широкий кругозор, охватывающий различные области знаний, высокий уровень развития общих умственных способностей, а также познавательная активность, быстрая перестройка стратегий и способов переработки информации при изменении условий деятельности. Для второй категории пригодности («рекомендован») характерен средний уровень общего интеллектуального развития, способностей к логическим суждениям и умозаключениям, а также четкому изложению информации в устной и письменной форме ($M=6,06\pm 0,32$; $S=0,54$). Для третьей категории пригодности («рекомендован условно») характерен уровень ниже среднего ($M=4,99\pm 0,39$; $S=1,82$). Уровень общего развития общих умственных способностей достаточен для успешной профессиональной реализации. Однако наблюдается недостаточно глубокое понятие логики изложения, снижена способность, умение рас-

ставлять смысловые акценты. Ниже среднего развиты способности к анализу и умение находить причинно-следственные связи между явлениями. Данной категории кандидатов свойствен узкий кругозор, имеющиеся знания ограничиваются простыми бытовыми сведениями, низкий уровень общей культуры, характерна средняя способность к обучению, однако, если им создать благоприятные условия, у них будет происходить быстрое формирование умений и навыков. Для четвертой категории («не рекомендован») характерен низкий уровень общего интеллектуального развития, способностей к логическим суждениям и умозаключениям, а также четкому изложению информации в устной и письменной форме ($M=2,42\pm 0,41$; $S=1,04$). Однофакторный дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий в уровне общего интеллектуального развития между кандидатами 1 и 2 категории ($p>0,05$), между всеми остальными группами кандидатов различия выявлены на значимом уровне ($p\leq 0,01$, $F=141,2$).

Вторым критерием в психологическом отборе является «Эмоциональная устойчивость, уравновешенность, контроль своего поведения и внешних проявлений эмоций, эмоциональная зрелость».

Для первой категории пригодности характерны высокий уровень эмоциональной устойчивости, контроля своего поведения, высокий уровень внимания к своему здоровью ($M=9\pm 0,26$; $S=1,3$). Для второй категории пригодности и третьей категории характерен средний уровень эмоциональной устойчивости ($M=7,41\pm 0,15$; $S=1,5$) и ($M=6,16\pm 0,35$; $S=2,34$). Для четвертой категории пригодности характерен уровень эмоциональной устойчивости – ниже среднего ($M=4,5\pm 0,8$; $S=1,33$). Однофакторный дисперсионный анализ по-

казал отсутствие значимых различий в уровне эмоциональной устойчивости кандидатов 3 и 4 категории ($p > 0,05$), между всеми остальными группами кандидатов различия выявлены на значимом уровне ($p \leq 0,01$, $F = 76,2$).

Критерий «Уровень волевой регуляции поведения, выдержки, смелости, решительности, настойчивости, целеустремленности, работоспособности».

Для первой категории пригодности характерен высокий уровень волевой регуляции поведения, выдержки, смелости, работоспособности ($M = 8,11 \pm 0,4$; $S = 1,03$). Кандидаты отличаются эмоциональной зрелостью, независимостью, самостоятельностью, уверенностью в себе. Испытуемые ответственны, у них развито чувство долга, обладают высоким самоконтролем, высокой работоспособностью, соблюдают социальные нормы, хорошо владеют собой в стрессовых ситуациях. Второй и третьей категориям кандидатов соответствует средний уровень ($M = 6,87 \pm 0,26$; $S = 1,13$) и ($M = 6,13 \pm 0,5$; $S = 1,51$). Ответственность и чувство долга развиты в умеренной степени, наблюдается высокая работоспособность, соблюдение социальных норм. В стрессовых ситуациях умеренной интенсивности кандидаты способны сохранять самообладание. Присутствует умеренная готовность к риску, стремление к выполнению намеченного при условии отсутствия серьезных препятствий. Четвертая категория кандидатов характеризуется недостаточной эмоциональной зрелостью, недостаточной уверенностью в себе и низкой ответственностью. Снижен контроль своих поступков. Для данной категории характерна умеренная работоспособность, недостаточная настойчивость в выполнении намеченного, устойчивость к соблазнам, не слишком строгое следование социальным нормам ($M = 5,25 \pm 0,7$; $S = 1,24$). Однофакторный дисперсионный анализ показал наличие значимых различий в уровне волевой регуляции кандидатов между всеми категориями профессиональной пригодности ($p \leq 0,05$, $F = 112,2$).

Критерий «Внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, ответственность за порученное дело».

Для первой категории по данному критерию характерны следующие особенности: высокий уровень внутренней организован-

ности и исполнительности. Средний (нормальный) уровень общей интернальности, проявляющийся как в описании личного опыта, так и в суждениях о жизни ($M = 7,83 \pm 0,53$; $S = 1,04$). Для второй и третьей категории характерен средний уровень по данному критерию ($M = 6,85 \pm 0,61$; $S = 1,11$) и ($M = 5,96 \pm 0,7$; $S = 0,84$). Для четвертой категории по критерию внутренней организованности, дисциплинированности и ответственности характерен уровень ниже среднего ($M = 4,58 \pm 0,45$; $S = 1,35$). Испытуемые четвертой категории демонстрируют убежденность в бессмысленности какой-либо деятельности, направленной на достижение жизненных целей, поскольку, по их мнению, она ни в каком случае не способна привести к положительному результату. Однофакторный дисперсионный анализ показал наличие значимых различий в уровне внутренней организованности, исполнительности, дисциплинированности кандидатов между всеми категориями профессиональной пригодности ($p \leq 0,01$, $F = 133,2$).

Критерий «Уровень правосознания и нравственных убеждений, честность, принципиальность, соблюдение норм общественной морали».

Уровень правосознания у первой и второй категорий пригодности находятся на среднем уровне ($M = 7,33 \pm 0,51$; $S = 1,21$) и ($M = 6,56 \pm 0,45$; $S = 1,04$). Для испытуемых характерен хороший уровень бытовой сферы правосознания, а также достаточный уровень правовых знаний. Для третьей категории характерен уровень ниже среднего ($M = 5,44 \pm 0,31$; $S = 1,01$). Для четвертой категории характерен низкий уровень правосознания и нравственных убеждений, честности, соблюдения норм общественной морали ($M = 3,75 \pm 0,66$; $S = 1,41$). Однофакторный дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий в уровне правосознания и нравственных убеждений, честности, соблюдения норм общественной морали кандидатов 3 и 4 категорий ($p > 0,05$); между всеми остальными группами кандидатов различия выявлены на значимом уровне ($p \leq 0,01$, $F = 116,2$).

Критерию «Зрелость личности, способность брать на себя ответственность за свои решения, действия и поступки, умение определять приоритеты и последовательность в решении проблем, самостоятель-

ность, уверенность в своих силах и уровень самокритичности».

По данному критерию для первой и второй категорий пригодности характерен средний уровень зрелости личности, способности брать на себя ответственность ($M=6,34\pm 0,43$; $S=1,07$) и ($M=6,55\pm 0,25$; $S=1,14$). Средний (нормальный) уровень общей интернальности в области межличностных отношений, в ситуациях профессиональной деятельности, в области межличностных отношений. Для третьей и четвертой категорий характерен уровень ниже среднего ($M=5,44\pm 0,32$; $S=1,17$) и ($M=4,23\pm 0,15$; $S=1,09$). В ситуациях профессиональной деятельности испытуемые редко проявляют инициативу и не берут ответственность на себя из-за недостаточного развития необходимых для осуществления деятельности навыков и затруднений в межличностном взаимодействии, как по «вертикали», так и по «горизонтали». Однофакторный дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий в уровне зрелости личности, способности брать ответственность за свои решения кандидатов 1 и 2 категорий ($p>0,05$); между всеми остальными группами кандидатов различия выявлены на значимом уровне ($p\leq 0,01$, $F=106,3$).

Критерий «Самооценка, особенности мотивационной сферы».

По данному критерию для всех категорий пригодности характерен уровень ниже среднего. Однофакторный дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий в уровне самооценки, особенности мотивационной сферы кандидатов по всем категориям профессиональной пригодности ($p>0,05$).

Выводы

Проведенное психодиагностическое обследование кандидатов на службу в органы внутренних дел позволяет говорить о некоторой схожести кандидатов 1 и 2 категорий, кандидатов 3 и 4 категорий. Кандидаты 1 и 2 категорий значимо не отличаются друг от друга по трем показателям из семи (уровень общего интеллектуального развития, зрелость личности и самооценка). Следовательно, определяющими критериями являются эмоциональная устойчивость, уровень волевой регуляции, внутренняя организованность и уровень правосознания. Кандидаты 3 и 4 категорий значимо не отличаются по четырем категориям из семи (эмоциональная устойчивость, уровень правосознания, зрелость личности и самооценка). Следовательно, определяющими критериями являются уровень интеллектуального развития, уровень волевой регуляции, внутренняя организованность. Также следует отметить, что в категории «Самооценка, особенности мотивационной сферы» значимые различия между кандидатами всех категорий отсутствуют. Следовательно, гипотеза, что ряд интеллектуально-личностных свойств является определяющим для соответствующих категорий профессиональной пригодности (но не всегда границы между категориями являются четкими), нашла свое эмпирическое подтверждение. При этом обязательно следует отметить, что рядом стоящие категории профессиональной пригодности (1-я и 2-я, 3-я и 4-я) могут значимо не отличаться, что создает перспективу для развития и саморазвития кандидатов.

Ссылки

1. Андреева И. А., Корчмарюк В. А. Методика организации социально-психологических исследований в органах внутренних дел: методическое пособие / под общ. ред. канд. пед. наук В. Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 64с.
2. Бодров В. А. Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. 1994. Т. 9, № 2. С. 85–94.
3. Мягких Н. И. Современная организация профессионального психологического отбора в органы внутренних дел российской федерации // Медицинский вестник МВД. 2010. № 3 (46). С. 2–7.
4. Самоукина Н. В. Психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2004. 224 с.

Psychological conditions of increasing efficiency of development of professional observation of staff of state automation inspection

A. A. Perkov¹

¹Orel law Institute The interior Ministry of Russia named after V. V. Lukyanov, 2 Ignatova str., Orel 302027, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the psychological conditions for the effectiveness of the development of professional observation of traffic police officers. The author refers to them: systematic development of this quality, taking into account the motivational side - forming an employee's awareness of the importance of efforts and focus during the development of observation, its connection with the cognitive sphere of the psyche - with the processes of perception, thinking and others, as well as the employee's professional preparedness, which determines high-quality selection of the object of observation and contributes to the efficiency of the process of extracting significant information.

Keywords: observation; efficiency; conditions; systematicity; employee of the State traffic inspectorate; features of activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Perkov, Artem A. | E-mail: artperk@mail.ru
Teacher

Психологические условия повышения эффективности развития профессиональной наблюдательности сотрудников госавтоинспекции

А. А. Перков¹

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, ул. Игнатова, 2, Орел, 302027, Российская Федерация

УДК 159.9: 34
Научная статья

В статье анализируются психологические условия эффективности развития профессиональной наблюдательности сотрудников Госавтоинспекции. К ним автор относит: систематичность развития данного качества, учет мотивационной стороны (формирование у сотрудника осознания важности усилий и целенаправленности при развитии наблюдательности), связь её с познавательной сферой психики (с процессами восприятия, мышления и другими), а также профессиональную подготовленность сотрудника, которая обуславливает качественный выбор объекта наблюдения и способствует эффективности процесса выделения значимой информации.

Ключевые слова: наблюдательность; эффективность; условия; систематичность; сотрудник Госавтоинспекции; особенности деятельности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перков, Артем Александрович | E-mail: artperk@mail.ru
Преподаватель

Деятельность сотрудников Госавтоинспекции имеет свою специфику. Она связана с условиями в которых происходит решение оперативно-служебных задач, и теми требованиями, которые предъявляются к личности сотрудников. Профессиональная наблюдательность – качество, степень развития которого влияет на эффективность деятельности сотрудника. Оно является необходимым условием сохранения его жизни и здоровья, так как обуславливает умение предвидеть возможные экстремальные ситуации, которые могут быть спровоцированы гражданами. Профессиональная наблюдательность – это способность замечать даже малозаметные признаки и свойства изменения внешности че-

ловека, выделяя их на фоне большого количества информации [1].

Развитие профессиональной наблюдательности может осуществляться в процессе накопления опыта практической деятельности в рамках профессиональной подготовки. В любом случае этот процесс будет эффективнее, если учитывать психологические условия и особенности этого качества [2].

При развитии профессиональной наблюдательности важна систематичность [3]. Каждая сенсорная функция будет максимально раскрыта только в том случае, если она систематически находится в состоянии напряжения, что подразумевает необходимость постоянной тренировки профессиональной наблюдательности. Она развивается

в условиях привычности, многократного использования наблюдения как психического процесса, что отражает взаимосвязь между психическими процессами и свойствами личности [4]. Целенаправленность наблюдения формируется при обучении способам достижения познавательной цели через серию специальных заданий [5]. Как точно писала Е. А. Морозова, «интерпретация поведения собеседника приобретает в процессе обучения и постоянных тренировок. Наблюдательность является результатом многократного повторения метода наблюдения, как способа человековедческого познания» [6].

Для эффективного развития профессиональной наблюдательности важно также формирование понимания важности наличия четко сформулированной цели наблюдения. Она делает использование этого профессионально значимого качества осмысленным: сотрудник не просто блуждает взглядом по объекту, а выделяет значимые его черты. Это связано и с наличием некоего шаблона действий, который позволяет воспринимать значимые факты, и с предыдущим опытом наблюдателя. Чем больше известно об объекте наблюдения, тем выше качество этого процесса. Поэтому выработка сознательной установки играет важную роль в развитии профессиональной наблюдательности [5].

Важно учитывать мотивационную сторону, которая обеспечивает необходимый тонус перцептивных процессов [7]. Восприятие обуславливает формирование чувственного образа действительности. Перцептивные действия не заданы свойствами анализаторов. Выстраивая оптимальные режимы деятельности наблюдения, можно раздвинуть границы чувственного познания и сделать процесс наблюдения более эффективным. Наблюдательность как качество личности обуславливается наличием некоего статичного элемента (установки, схемы), который определяет эффективность применения этого качества в профессионально значимых ситуациях.

Развитие у сотрудника Госавтоинспекции профессиональной наблюдательности способствует росту и непрерывной дифференциации базы знаний. Это является необ-

ходимым условием умелого и быстрого выделения значимой информации, интерпретации возникающих ситуаций [8]. Особенно важным нам видится умение анализировать и прогнозировать поведение граждан. Ведь именно во взаимодействии с различными категориями участников дорожного движения сотрудник подвергает свою жизнь наибольшей опасности. Суждения о другом человеке чаще опираются на знаки кинесики и на экстралингвистические свойства речи и голоса [4]. Выделяют признаки поведения, которые непосредственно выражают психическую жизнь человека: выразительные движения тела, рук, лица [9].

При развитии профессиональной наблюдательности важно задействовать всю сенсорную систему человека и познавательные качества личности. Это обусловлено тем, что наблюдательность тесно связана со многими психическими процессами и функциями сотрудника и имеет комплексный характер. Наблюдение следует рассматривать в единстве восприятия и мышления [10].

Развитие профессиональной наблюдательности должно осуществляться с учетом особенностей восприятия и тех ограничений и искажений, которые могут возникать при решении сотрудником оперативно-служебных задач. Помешать получению объективной информации о человеке могут установки и воображение: «если в силу создавшихся обстоятельств мы ожидаем увидеть определенное выражение, нам легко начинает казаться, что оно действительно налицо» [11]. Тесная связь наблюдательности с познавательными процессами обуславливает возникновение искажений и ошибок, характерных для когнитивных процессов. Мы не просто пассивно созерцаем окружающий мир, интерпретация нами событий носит селективный и конструктивный характер [12].

При развитии профессиональной наблюдательности необходимо учитывать специфику деятельности сотрудников Госавтоинспекции. Важно моделирование не условий передачи и приема информации, а ситуаций, требующих включения профессионального мышления сотрудника при анализе этих ситуаций и принятии необходимых решений [13].

Таким образом, развитие профессиональной наблюдательности сотрудников ОВД РФ должно осуществляться с учетом психологических условий их деятельности. Программы

обучения данному профессионально-важному качеству должны учитывать мотивацию деятельности и уровень профессиональной подготовленности сотрудника.

Ссылки

1. Спецкурс «Профессиональные действия сотрудников подразделений Госавтоинспекции в условиях провокационного поведения участников дорожного движения»: учебное пособие / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М.: ДГСК МВД России, 2017. 121 с.
2. Волков И. П. Стили руководства при решении задач социального развития коллективов предприятия // Социальная психология и социальное планирование. Л.:ЛГУ,1973. С. 84–91.
3. Фаликман М. В. Общая психология: в 7 т. Т. 4: Внимание. М., Академия, 2016. – 480 с.
4. Родионова А. А. Личностные детерминанты психологической наблюдательности : автореф. дис. ... канд. психол. М., 2001. 18 с.
5. Грицков Д. М. Психолого-педагогические условия развития социокультурной наблюдательности в теории и практике преподавания иностранных языков // Гаудеамус, 2008. № 1 (13). С. 18–23.
6. Морозова Е. В. Психологическое наблюдение как метод человековедческого познания : дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 140 с.
7. Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия / Акад. пед. наук СССР. М.: Просвещение, 1968. 334 с.
8. Лангер Э. Осознанность / пер. с англ. М. Табенкина. М.: Изд-во «Э», 2017. 240 с. (Серия «Mindfulness / Осознанность»).
9. Регуш Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2008. 68 с. (Серия «Практикум по психологии»).
10. Познавательные процессы и способности в обучении / под ред. В. Д. Шадрикова. М.: Просвещение, 1990. 141 с.
11. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с. (Серия «Психология-классика»).
12. Джозеф Х. Почему мы ошибаемся? Ловушки мышления в действии / пер. с англ. О. Медведь. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
13. Иванова Н. Н. Система формирования профессионально значимых качеств у студентов – будущих менеджеров социально-культурной сферы: учебное пособи. Орел: Картуш, 2001. 91 с.

